СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

САЙД-ХАСАН КАЦАЕВ

ВО ТЬМЕ

РАССКАЗЫ
И МИНИАТЮРЫ

Грозный
2023

УДК 81(Чеч)
ББК 84(2Рос-Чеч)6-4
К 307

Кацаев Сайд-Хьасан

БОДАШКАХЬ

Перевод с чеченского

Кацаев С.-Х.А.
К 307 Во тьме. Рассказы и миниатюры. / С.-Х.А. Кацаев. – Грозный: АО «Издательско-полиграфический комплекс «Грозненский рабочий», 2023. – 352 с.

В настоящее издание современного чеченского писателя Сайд-Хасана Кацаева вошли произведения, написанные в разные годы. Свой путь в литературе С.-Х. Кацаев начал именно как рассказчик и продолжает работать в этом жанре. Рассказы Кацаева отличаются автобиографичностью и занимательностью сюжета. Исследователи считают его одним из реформаторов современной чеченской прозы. Название сборника «Во тьме» имеет символический характер и определяет основную идею автора – извечное противостояние Добра и Зла, Света и Тьмы. Тематика произведений С.-Х. Кацаева разнообразна, но все они объединены чувством глубокой любви к Родине. Многие рассказы и миниатюры печатаются на русском языке впервые. В сборник также вошли статьи и отзывы о творчестве писателя.

ISBN 978-5-4314-0581-5

© Кацаев С.-Х. А., 2023
© Союз писателей ЧР, 2023

ВО ТЬМЕ

РЭЙ БРЭДБЕРИ

(История любви)

В ту пору я учился в девятом классе.

Она была нашей учительницей.

Только двое-трое самых близких друзей знали о наших отношениях.

Люди обычно любят сплетничать. Особенно о красивых и молодых незамужних женщинах. Наши же отношения были чисты.

«Несмотря на взаимные чувства, между нами ничего не было. Что у нее может быть общего с другими?» – думал я.

Я не верил всем этим сплетням и пересудам. Но со временем мы отдалились друг от друга. Я перестал ездить к ней, и мы не виделись по нескольку лет. Этот мир и люди были совсем не те, какими мне казались в юности. Иллюзии давно рассеялись…

Я думал: нет в мире сил, способных помешать нам. Я буду с ней счастлив. И по шариату, и согласно светским законам мы могли пожениться. Но адаты запрещали.

Она как-то дала мне прочитать рассказ одного зарубежного автора. Кажется, он был напечатан в журнале «Огонек».

Ученик влюбился в свою учительницу. По утрам, как бы невзначай, встречал ее неподалеку от дома, где она снимала квартиру и шел с ней в школу, помогая нести книги. Он находил любую причину, чтобы остаться с ней наедине. После уроков, пока она проверяла тетради, приносил ведро с водой, старательно мыл доску, вытряхивал тряпки, сворачивал карты... Когда наступала пора идти домой, он подавал ей шляпу и пальто.

Она тоже полюбила его, но понимала, что так продолжаться не может. И решила поговорить с ним об их странных отношениях.

– Тебе только неполных четырнадцать лет, а мне двадцать четыре. Надо помнить о том, что могут сказать о нас люди. Я, наверное, переведусь в другую школу.

– Не нужно. Скоро мы переезжаем в Мэдисон.

– Надеюсь, не из-за всего этого?

– Нет, просто отец нашел там работу. Это близко. Всего в пятидесяти милях. Разрешите я иногда буду приезжать, чтобы увидеться с Вами?

– Думаешь, это хорошая идея?

– Нет, пожалуй, нет, – сказал он и, немного помолчав, выпалил: – Если б только Вы меня подождали!

– Десять лет?

– Мне тогда будет двадцать четыре.

– Но мне тогда будет тридцать четыре. Вряд ли это возможно.

– А Вам бы хотелось? – спросил он.

– Да, – тихо ответила она. – Мне бы очень этого хотелось! Но ты забудешь меня. Жизнь так устроена.

– Я никогда Вас не забуду! – заверил он.

Прошло много лет... Однажды в Гринтаун вместе с женой приехал молодой мужчина. Оставив жену в отеле, он вышел в город прогуляться и стал расспрашивать об учительнице. Ему сказали, что она умерла и показали могилу. Девушка скончалась вскоре после его отъезда...

Помню, тогда меня не очень тронул этот рассказ.

Сказка какая-то!

Убийство из-за ревности и смерть от тоски по любимому я допускал лишь в трагедиях Шекспира. У писателей же других эпох дуэли и самоубийства вызывали мое недоверие, даже к Гёте, автору знаменитого «Вертера». Исключение, может, составляли арабы средневековья. «Полюбив, они умирают...»

В том рассказе первым влюбился юноша.

Я же начал за ней ухаживать лишь после того, как узнал о ее чувствах ко мне.

Мне исполнилось двадцать пять лет.

«Теперь я старше ее тогдашней, – думал я иногда. – Сколько же ей было лет? Двадцать? Двадцать один? Мне – шестнадцать».

Они давно переехали в другое село. Женился ее младший брат. Она нянчит племянников. Но замуж так и не вышла.

Она была очень милой и обаятельной, ласковой со всеми. Много мужчин просило ее руки. И женщины недолюбливали ее за красоту и редкую доброту. У завистливых людей черные сердца и злые языки. Может, поэтому люди возводят на человека напраслину?

Без какой-либо видимой причины, словно от порчи или сглаза, она внезапно заболела. Ее беспокоила нога, плотно перевязанная и незаживающая, несмотря на всевозможные лекарства и мази. Но я никак не допускал мысли, что она может умереть от этой болезни.

Сначала я не поверил, когда услышал об этом.

Речь, наверное, идет о другой…

Когда умирает кто-то из близких и родных, сердце долго не может смириться со смертью.

«Он не умер, – думаешь ты, – он просто куда-то уехал. Его просто нет дома. Но скоро мы увидимся…»

За долгие годы болезни отца, приезжая домой, я настолько привык видеть его в своей комнате, что еще несколько лет после того, как случилось неизбежное, не допускал мысли, что его нет, и я больше никогда не увижу его. Он находится у себя. Отдыхает, спит. Вот-вот он проснется и выйдет, и мы вместе сядем за стол…

За годы войны людям пришлось пережить многое.

Чего только не пришлось увидеть, испытать!

– Придет время, когда живые будут завидовать мертвым! – говорили святые отцы. – Глаголющие истину будут плакать, а изрекающие ложь – смеяться.

Когда танки и пехота не в силах штурмом взять очередной населенный пункт – в ход идут дальнобойные орудия и крылатые ракеты. В основном, погибают мирные люди. Родные часто не находят убитых, чтобы предать их останки земле. В захваченных селах и городах контрактники насилуют женщин, молодых девушек и сжигают их заживо. Больных стариков и детей, прячущихся от самолетов и артиллерии в подвалах домов, забрасывают гранатами. Осколки снарядов убивают младенцев еще в колыбели.

Умершего своей смертью сегодня считают счастливым.

– После всех этих ужасов, умершего естественной смертью не приходится и оплакивать, – говорят люди. – Вот и настало время, когда живые завидуют мертвым. А мы то наивно полагали, что этого не может быть!

…На похоронах я попросил позвать ее мать.

Ее вывели под руки. Старая и больная, убитая горем, она еле держалась на ногах.

Увидев меня, тихо заплакала и обняла.

Мне с трудом удалось произнести слова соболезнования. На глазах выступили слезы. Я сумел их сдержать. Но сердце мое плакало...

Мать ненадолго пережила дочь. Мне не удалось побывать на ее похоронах. Я слишком поздно узнал о ее смерти. Сначала война закрутила меня, потом я долго и тяжело болел.

Люди только по крайней необходимости выходили из родного села. Невозможно было передвигаться, повсюду стояли посты и войска. И никто не знал, что творится в мире и в соседнем селе. Люди мучились от страха, от голода и холода, от безработицы и безденежья, от отсутствия человеческих прав и условий, не понимая происходящего и не видя будущего.

Все были заложниками этой войны.

В столь тревожное время самой большой радостью было, когда дом наполнялся светом. Можно посмотреть телевизор, послушать «Вести» (может, передадут что-нибудь хорошее!). Хоть чуточку спокойнее. Но свет и газ давно отключили. Потом, старейшины и представители ряда сел, подписали с военным командованием документ о лояльности к «федералам», и дали свет, позже и газ…

Все эти воспоминания всколыхнулись во мне, когда я прочитал «Рассказ о любви» американского писателя-фантаста Рэя Брэдбери.

На днях я листал небольшую книжку, в которой нашел тот давний рассказ. Думаю, что именно тот, потому что двенадцать лет назад я мало интересовался фамилиями писателей, не вошедших в школьные хрестоматии.

«Это была неделя, когда в Гринтаунскую летнюю школу пришла преподавать Энн Тейлор. Ей тогда было двадцать четыре года, а Бобу Сполдингу не было и четырнадцати».

Да, она мне дала прочитать именно этот рассказ. Второго такого быть не может! Он написан очень просто и ясно. И нет в нем ничего фантастического. Это жизнь. Настоящая жизнь!

Теперь, после всего, что было: смерти той, которую я любил, а я стал на несколько лет старше ее, рассказ Брэдбери больше не кажется мне сказкой.

Я никогда ее не забуду.

Хотя нам не выпало счастье жить вместе, и она никогда не была моей, – всех своих знакомых девушек я всегда сравниваю с ней. Такой близкой, родной, да, именно, родной, не была ни одна. Да и теперь…

«Как бы сложилась ее судьба, останься она жить?» – думаю я иногда.

Ей пришлось бы увидеть это подлое, бесстыжее время.

Пускай я тяжело перенес эту утрату – все-таки хорошо, что она не увидела этого мракобесия. Она была слишком хорошим, слишком чистым человеком. Она не вынесла бы жестокости и дикости этих дней.

Наверное, зная это, Бог забрал ее к себе…

1995

ВО ТЬМЕ

Лето. Тихая, нежная ночь. Мне восемнадцать лет.

Последний трамвай, скользя и постукивая колесами по рельсам, уходит в парк. За полночь. Ждать дальше не имеет смысла. На остановке, напротив школы, на длинной скамейке со мной сидят три девушки. Видно, что они после вечерней смены. Недалеко находится швейная фабрика. Иногда вечером мне приходилось выходить здесь, где трамвай заворачивает в микрорайон. В это время, словно голуби из гнезда, девушки выходили из-за ворот фабрики и разлетались по всему городу.

Я только подошел, и мы еще не знакомы. Хотя товарищ и уговаривал остаться у него на ночь, я пытаюсь добраться до общежития. Только на своей койке я могу спокойно уснуть.

– Не поздновато ли для прогулки? – обращаюсь я к девушкам.

Они молчат, и я более не пытаюсь завязать разговор. Девочки начинают о чем-то шептаться, посматривая в мою сторону. Одна еле слышно произносит: «нет», «нет», пытаясь за руку остановить подругу. Та поворачивается ко мне.

– Парень, как тебя зовут?

Слабому полу ни в чем не откажешь. В этом их сила!

Я называю свое имя.

– Ты студент?

– Да.

– Мы идем с работы. Все равно больше трамвая не будет. Ты не мог бы проводить нашу подругу? Нам двоим нужно в микрорайон. Мы не хотели оставлять ее одну. Тебе можно доверять? Ты живешь на «Минутке»?

– Я не пойду. Вы идите, – говорит девушка. – Я подожду.

– Ты проводишь ее?

– Не беспокойтесь, – говорю я им. И кричу вслед: – Если завтра ее не будет на работе, ждите стариков с калымом.

Они, посмеиваясь, уходят, довольные шуткой. Мы остаемся одни.

Немного погодя я спрашиваю:

– Ну, что будем делать?

– Ты иди, – отвечает она. – Я подожду.

– Но ждать нет смысла.

Глухое место. Вокруг ни души. Я чувствую, что она побаивается меня.

– Если хочешь, мы можем просидеть тут до рассвета. Утром мне надо быть на занятиях, но я не могу так уйти, – стараюсь я объясниться. – Ведь твои подруги думают, что ты со мной. И неизвестно, кто придет после меня.

Я не пытаюсь ее напугать или принудить к чему-либо. Но нужно трезво оценивать обстановку. Меня задевает ее недоверие. Я могу, конечно, при взаимной симпатии, поухаживать за девушкой, но никогда не злоупотреблю ситуацией и беззащитностью девушки. Возможно, мы никогда больше и не увидимся, но хочу, чтобы она доверилась мне. Я готов оказать ей братскую помощь. Она молча сидит нахохлившись, словно маленькая птичка. Я бы не заснул спокойно, оставив ее здесь одну.

– У тебя есть брат? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает она.

– У меня есть сестра, – говорю я.

Она, не говоря ни слова, встает со своего места и идет за мной…

Калой, победивший на мужских соревнованиях, согласно древним языческим традициям, должен пройти последнее испытание: провести ночь в пещере наедине с первой красавицей села, сохранив чистые отношения.

Вот идут они по лесной тропинке, победитель и первая красавица, он – впереди, она – следом. Плотным кольцом их обступают вековые деревья. Калой давно влюблен в Дали, и больше смерти боялся, что права этой ночи удостоится другой. Дали окликает идущего впереди Калоя.

– Что? – оборачивается он.

– Можно мне идти впереди? У меня такое чувство, будто кто-то крадется сзади и хочет наброситься на меня.

Идя за ней, Калою поневоле приходится смотреть на прекрасную Дали, любоваться ее молодым, стройным телом. Незаметно от девушки, Калой острым кинжалом сделал надрез на ладони и посыпал его солью, чтобы жгучей болью унять дьявольское влечение. Сжимая кровоточащую рану, он спрашивает:

– Теперь ты не боишься, что кто-то сзади набросится на тебя?

– Нет, теперь я не боюсь, – отвечает Дали.

…В небе много ярких звезд. Когда мы приближаемся к дорожным столбам, свет фонарей становится ярче, и звезд не видно, потом они появляются вновь. Улицы города пустынны. На этом промежутке почти нет жилых домов. Мы подходим к железнодорожному мосту.

Я еще не спросил девушку, как ее зовут, и увижу ли ее еще. Пусть не считает себя обязанной. Если где-то в глубине души у нее еще остаются сомнения на мой счет, то я и их хочу рассеять. Я веду с ней непринужденную беседу, избегая двусмысленных слов, чтобы она не волновалась зря. Так и дорога покажется короткой. Я даже не пытаюсь заглянуть ей в лицо. Наверное, завтра при встрече я и не узнаю ее. Но чувствую, что она молода и красива.

– Ты пришел, – говорит она перед студенческим общежитием. – Дальше я пойду одна.

– А мы что, провожали меня? – смеюсь я и сопровождаю ее до самого дома.

Прежде чем войти во двор, она чуть задержалась перед калиткой, словно ждала чего-то или каких-то слов на прощание...

Восемнадцать лет! Чистые души, чистые мысли! В эту пору молодых, как никогда, тянет друг к другу, любовь слаще меда и каждое слово – бальзам. Каждая встреча – событие! Радует каждый взгляд! В селах – у родника, на вечеринках и свадьбах; в городе – в кинотеатрах, кафе, учебных заведениях, у подъездов многоэтажек, в скверах, на скамейках под деревьями… В семнадцать-восемнадцать лет больше солнечного света любишь лунный свет. И рука тянется к руке… «У тебя есть брат?» – «Нет», – ответила она. – «У меня есть сестра», – сказал я, и она доверилась, и пошла со мной.

– До свидания, – говорю я ей.

– Спасибо тебе, – отвечает она, тихо открывая низкую калитку.

...Дойдя до пещеры, Калой нарвал листья папоротника и, устроив мягкое ложе, снимает с себя черкеску. Объяснив его действия по-своему, Дали поняла, что она погибла…

– Калой, ради Бога, – взмолилась она.

– Я хочу, чтоб ты укрылась ею, – сказал Калой.

В ту ночь девушке приснилось, что она вышла замуж за Калоя. И сон ее (народная примета!) сбывается. Злые языки украдкой шепчут: «Видать, неспроста она вышла за него замуж. Знать, был грех…»

Прошло более двадцати лет с тех пор, как я прочитал роман Идриса Базоркина «Из тьмы веков». Вероятно, одно из лучших произведений вайнахской литературы.

С той ночи, когда я на трамвайной остановке встретился с тремя девушками и проводил одну из них до дома, минуло пятнадцать лет. Тогда же пару раз мне передали от нее привет. Может, тем самым она приглашала на свидание. Не знаю. Мы больше не встречались. А если случайно и встретились, то прошли мимо, так и не узнав друг друга…

2001

МАШАР

Мой младшенький трехлетний брат Салман, не чуя земли под ногами, гонялся по двору за большим мячом. Наш просторный двор был очень удобен для игры. Трава, росшая на нем, ровная, будто подстриженная, была мягкой и шелковистой. Упадешь, и не почувствуешь боли.

В том году я училась во втором классе. Учительница хвалила меня за хорошую учебу. Папа еще до школы научил меня читать и писать. Я знала наизусть много сказок и стихов. Стихи, как и песни, легко запоминались. Каждая последующая строчка в них была связана с предыдущей чем-то неуловимым для меня по смыслу и звучанию и выговаривалась сама собой. В сказках же мне нравилось то, что в них всегда побеждали добро и правда, хотя зло – до последнего – не уступало им. Папа знал великое множество сказок. И каждый раз, вечером, когда можно было отдохнуть от забот рабочего дня, он рассказывал их нам…

Ласково сияло над нами осеннее солнце. Устав гоняться за мячом, Салман подсел к маме и стал играть с котенком, который, сколько бы ни мучил его брат, никогда не царапался и не мяукал. Видно, и котенок понимал, что Салман такой же маленький, как и он, и что нельзя его обижать.

Мама в это время пекла в чеченской печке лаваш. Щеки ее покраснели. Повернув сковородку и переложив лаваш, или поправив огонь и собрав золу, она сама поворачивалась к брату и ласково улыбалась ему.

Папа недалеко от нас колол дрова. Сначала бензопилой он распиливал ствол чинары (его приволокли днем раньше) на небольшие бруски. Потом на широкий боль-

шой брус ставил брусок поменьше и с размаху опускал на него высоко поднятый топор. Поленья разлетались в разные стороны. Нагнувшись, папа подбирал их и раскалывал на еще более мелкие части. Папа получал удовольствие от этой работы. Футболка на его спине вся взмокла.

Я помогала маме мыть посуду.

– Пойди, позови папу пить чай, – сказала она.

Поставив вымытую посуду на чистое полотенце и вытерев руки, я подошла к папе:

– Мама зовет тебя пить чай.

– Иду, – ответил папа, не останавливая работу.

Увидев, что я стою и жду его, он повернулся ко мне:

– Не стой тут, щепки летят. Иди к матери.

Я отошла в сторону. Но теперь мама сама стала звать его:

– Слышишь? Иди к столу – лаваш остынет.

Загнав топор в брус, папа подошел и сел на табуретку у печки.

– И детям налей чаю, – сказал он маме и обратился к братику: – Салман, дай своему котенку кусочек лаваша.

– Машар, – папа посмотрел на меня, – помой руки мальчику и садитесь оба за стол.

Не успел он отложить кусочек хлеба для котенка, как над селом стали кружить два самолета. Долетели они до нас раньше своего гула. Явившись с востока и сделав на небе два больших круга, они выпустили ракеты в ближайший лес и исчезли на западе. Чуть позже появились еще два самолета. Они летели плавно, рядышком, словно пара журавлей, отставшая от стаи. Дети, не ожидая беды, вместо того чтобы прятаться, взобрались на деревья, крыши домов и смотрели в небо из-под ладошек, чтобы солнце не слепило глаза. Война еще только начиналась, и опасность не ощущалась. Не верилось, что будут стрелять в мирных, ни в чем неповинных людей, живущих дома. Видят же летчики из своих кабин, что здесь нет боеви-

ков! Оказалось, и летчики бывают разные. Хотя первые два пилота тоже выполняли свои задания, они, пожалев детей, женщин, стариков и их жилища, сбросили свой смертельный груз в лес и улетели. Вторые же ударили по школе, самому крупному и красивому зданию в селе, и по мельнице. Если бы не воскресный день, погибло бы много детей.

– Зайди с детьми в дом! – сказал папа, – да не стойте там возле окон, сядьте подальше – у стены, в углу!

Стены нашего дома были толстыми и крепкими. Лишь бы не было прямого попадания, ничего страшного не случится.

Как только мы зашли в дом и сели, послышался такой грохот, будто раскололось небо. Мама прижала к себе меня и Салмана и своим телом закрыла нас.

– Делах тешна![1] – воскликнула она.

Эти слова мать всегда произносила во время грозы: при блеске молнии и раскатах грома.

– Самолеты прилетели и привезли моим деткам игрушки, – успокаивала она нас.

Но мне, прижавшейся головой к материнской груди, слышно было, как бьется ее сердце. Оно колотилось, будто хотело выскочить изнутри. Когда ровный гул самолета переходил во все усиливающийся вой и свист (значит, сейчас рванет), биение маминого сердца на миг останавливалось, словно работа часов с садившейся батарейкой. Потом оно возобновлялось, напоминая скачки секундной стрелки после легкого удара по часам.

После ракетных ударов по селу во всех жилых домах разбились не только стекла, но и оконные рамы. А двери, выбитые из петель, разлетелись по сторонам.

Дела[2] пощадил нас, мы остались живы. Но и маленький Салман, и я рыдали, прижавшись к матери. Папа, вбежав в дом, выхватил у мамы Салмана и начал читать азан (чтобы братик не заболел от испуга):

– Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Аллаху Акбар! Ашхаду анла илаха иллаллах! Ашхаду анна Мухьаммадан расулуллах!..

…В ту ночь на село было сброшено несколько глубинных бомб. Погибших не оказалось. Но были разрушены многие дома сельчан.

На следующий день папа сказал маме:

– Тебе с детьми надо уехать. Ненадежно здесь.

Еще в дни первой войны мамины родители уехали в Элисту после того, как в их дом попал снаряд. Жили они там и сейчас. В Элисту надо было пробираться и нам. Но маме не хотелось уезжать, оставив папу одного.

– Если и поедем, то все вместе, – заявила она.

– Мне неудобно останавливаться у твоих родственников, не имея даже пятачка в кармане, – ответил отец. – Устроив вас троих, я буду спокоен.

– Не хочу без тебя ехать, – повторила мама.

– Федералы пока занимаются устрашением людей. Неизвестно, что еще будет при вводе войск. Те, у кого есть машины и деньги, увезут свои семьи. У нас же нет ни машины, ни денег – даже на черный день. Что бы со мною ни случилось, для меня было бы утешением знать, что вы в безопасности.

– А если ты погибнешь, зачем мне жить?

– Речь не о нас с тобой. О детях…

– И я о детях. Если что с тобой случится, как я буду жить одна с ними? Не хочу, чтобы они росли сиротами и жалобно смотрели в глаза людей.

– Не говори глупостей. Я ведь не собираюсь умирать.

Если в село войдут войска, одному легче спасаться. Буду с людьми.

– Сына отправим, а мы с дочкой останемся дома, – сказала мама.

– Нет, Машар нужно беречь. Здоровье у нее неважное, – ответил папа.

…В первую войну родителям пришлось в Грозном просидеть – со мной на руках – не одну ночь в сырых и холодных подвалах. В село мы переехали только после того, как снаряд попал в нашу квартиру. С тех пор я часто болею.

– Об этом не стоит и говорить. Я никуда не уеду, – резко возразила мама.

– В таком случае – мы разведемся, и тогда ты уедешь! – прикрикнул папа.

Я никогда не видела папу таким грубым. Это не значило, что он не любит маму. Он только хотел – любой ценой – оградить нас с нею от беды.

– Конечно, мне ты нужнее рядом, – продолжал он, помолчав. – Но мы должны защитить детей. Ради них нам необходимо сейчас расстаться… Ради того, чтобы сохранить детей, тебе сейчас надо уехать с ними.

…Кто-то на улице кликнул хозяев. Папа вышел. Мама пошла вслед за ним: нельзя в такое время выпускать мужчину одного из дому. Много незнакомых людей бродило тогда по селам. Все они были обвешаны оружием. Никто не знал, кто, когда и с какой целью подойдет к крыльцу его дома. Но оказалось, что к папе приехал друг из Надтеречного. Папа, обрадовавшись, бросился к нему в объятия:

– Как я рад твоему приезду, Мансур! Как дома? Здоровье? Семья как? Не видел никого из наших друзей? Скучал я по каждому из вас, не знал, где вы, кому и чем помочь.

Мама быстро накрыла – на скорую руку – стол. Она всегда поступала так, когда заходил гость. Если не было готовой пищи, она быстро подавала чай и что-нибудь сладкое к нему.

– Пока я буду готовить, выпейте, пожалуйста, чаю, – это ее обычные слова.

Гость может быть голодным. Тем более, если он при-

ехал издалека. Не надо мучить желудок, пока варится мясо. Папа как-то сказал:

– Гостю не нравится, если в его присутствии ссорятся муж с женой; хозяйка, готовя пищу, стучит посудой; от невнимания и ругани родителей плачут дети. «Значит, я здесь лишний. Это всё делается, чтобы я больше не приходил», – думает гость. Гостю приятно, когда хозяева дружны и обходительны...

Я была еще совсем маленькой, но запомнила эти слова. Ну, а маме и вовсе не нужно было повторять дважды. Она скромна, но всё знает. Деликатна, приветлива.

Дядя Мансур рассказывал папе об увиденном и пережитом. В первые же дни войны были заняты их родные села. Надоело ему в Грозном жить безденежной и несчастной жизнью журналиста. Неудобно было перед женой, вышедшей торговать на рынок. Продав городскую квартиру, переехал в одно из просторных сел Притеречья, где живет его брат. Люди здесь не такие прижимистые, как в срединной части нашего края. И по характеру более мягкие. Здесь он нашел по сносной цене большой дом с участком. А на оставшиеся деньги смог купить машину, две коровы, кур. Да и брат помог.

– В моем родовом селе пустой участок не купишь за эти деньги. Там нехватка земли. А здесь я взял в аренду сорок гектаров земли, посадил арбузы, помидоры. Если сравнить это с городской жизнью, от зарплаты до зарплаты, то я почти стал буржуем, – рассказывал дядя Мансур.

Но пришла злая пора и сюда. Осенью, из-за войны, не успели они убрать урожай. И всё, что осталось на поле, погибло под гусеницами танков, колесами БТРов.

– Положив в багажник «жигулей» постель для детей, одежду, с мизерной суммой денег на руках, бросив всё, пришлось выехать из села. Имущество, дом, каким бы трудом они ни были нажиты, по сравнению с твоей жизнью, семьей оказываются в такие моменты неглавными.

Но куда бежать? Села горной части Чечни подвергались налетам с воздуха, поэтому там было небезопасно. В первую войну в Дагестане можно было себя чувствовать спокойно. Аварцы и чеченцы-аккинцы, перегородив дорогу, не пускали к нам войска. Беженцам из Чечни бесплатно предоставляли квартиры, целые дома, помогали с питанием. В Чечню отправляли машины, груженые продуктами. Потом наступил мир, относительное спокойствие для жителей. И стоило нам расслабиться, между нами вбили клин вражды. Настроили против нас все соседние народы. Дело дошло до того, что достаточно произнести слово «чеченец», как людей уже воротит, – рассказывал наш гость. – Можно бы поехать к братьям-ингушам, но со стороны Ингушетии в Чечню двигались военные колонны. Было объявлено, что для выезда мирных людей через ингушскую границу будет образован спецкоридор. В ту сторону и отправился дядя Мансур на своей машине, посадив в нее свою семью и семью брата. Но тут, неожиданно прилетевшие самолеты, стали обстреливать не только машины, но и людей: детей, женщин, стариков, которые шли пешком по дороге. Невооруженным глазом летчикам было видно, что это – мирные люди. Многие погибли и сгорели заживо, не успев отъехать или выскочить из автомашин...

После этого ада дядя Мансур с семьей оказался в Ингушетии. Долго искал жилье. Никто не обращал на него никакого внимания, хотя здесь жили его однокашники и бывшие коллеги по работе в Грозном. Никто не пригласил его к себе, никто не помог найти жилище. Цены на квартиры и дома поднялись в несколько раз. Кто был в состоянии – платил и покупал. За проживание на квартире в течение месяца – 100 долларов. Если в доме живут несколько семей, то каждая семья платит по 1000 рублей. Вместо того, чтобы понять тебя, начинают брюзжать. Детей нельзя выпускать на улицу – соберутся местные под-

ростки и дерутся с ними. Записывая на беженцев, сельсовет выдает гумпомощь, поступающую от государства, местным жителям. Говорят: «Если не довольны, уезжайте домой. Кто вас приглашал?» Для самых обездоленных, правда, есть лагеря: ветхие палатки, стоящие в слякоти и на ветру.

Разместив, для начала, женщин и детей на квартире, он пытался вернуться домой. Там еще оставался брат. Надо было его забрать. Оставшийся в живых построит дом…

Два дня он находился в дороге, хотел вернуться к своей семье. До вечера стоял у блокпоста и возвращался обратно.

– ...Вчерашнюю ночь провел в Алхан-Юрте. Сегодня тоже не пропустили. Завтра утром опять попытаюсь, – говорил он.

Но на второй же день вернулся: опять не пропустили, даже за деньги.

– Семья там, а ты здесь. Нельзя так, Мансур. Если считаешь, что, при наличии жилья, жил бы вместе с семьей – не стесняйся, живи здесь, – сказал ему папа во время чаепития. – Нам здесь не будет тесно. Жену с детьми я отправляю в Элисту. Там живут ее родители.

– Грех не отправить семью, когда есть такая возможность. Неизвестно, что сегодня-завтра здесь будет. А о том, чтобы привезти свою семью в твой дом, не стоит и говорить. Я никогда не стал бы чуждаться и с благодарностью принял бы твое приглашение. Но когда они там – в Ингушетии – я чувствую себя спокойнее. Легче стеречься одному.

Даже в полночь, когда я неожиданно проснулась, папа и дядя Мансур еще не спали. При тусклом свете керосиновой лампы (электричество было отключено давно) вели они приглушенный разговор. На них навалилось большое горе.

Но глаза мои слипались и, перевернувшись на другой бок, я снова уснула.

Утром дядя Мансур уехал и больше не возвращался. Отсутствие известий о нем очень беспокоило отца.

– Не беспокойся, даст Бог, он живым и невредимым доедет до своих. Просто весточку передать некому. Каждый спасает свою жизнь, – сказала мама.

– Эх! – вздохнул отец. – Если жизнь так удручает человека, что же будет в Судный день? Ведь говорят, что тогда человек, забыв отца, мать, брата, сестру, чад своих, будет думать только о себе и о спасении собственной души.

Мама вышла во двор повесить выстиранное белье, но быстро вернулась в дом.

– В сторону Грозного над селом пролетел большой предмет с горящим сзади огнем, – сказала она испуганно.

Вечером, когда люди вернулись домой из города, стало известно, что на центральный рынок были сброшены мощные ракеты. Много было убитых и раненых...

Хотя дни стояли теплые, утром и вечером было прохладно. С гор дул холодный ветер, который обычно приносил на равнину снег. Надо было торопиться с отъездом.

Папа пошел за машиной, чтобы проводить нас до Хасав-Юрта. Ездить по Ойсхарскому хребту люди не решались. В любой момент могли появиться вертолеты и нанести ракетные удары. Рассказывали, что на дороге валяются каркасы сожженных машин, а дорога через Гудермес пока безопасна. Папа спешил, пока не закрыли и этот путь. Мама уже была готова: она всё вычистила и убрала в доме, положила в сумки нашу одежду. До Хасав-Юрта с нами ехали соседи. Все мы поместились в «рафик».

С именем Всевышнего мы пустились в путь. Папа сел впереди – с водителем. Салман притих на руках у мамы, я была рядом с ними. Напротив нас села соседка с двумя дочерями. Чего мне больше всего хотелось в этот момент – жить так, как раньше, вместе с родителями и младшим братом: в своем доме, без войны, спокойно и счастливо. Обычно, вечером, лежа на купленной для меня детской

кроватке, я никогда не могла сразу заснуть. Как сейчас вижу: помыв руки-ноги, подхожу к маме, к маленькому Салману, обнимаю их, желаю спокойной ночи папе – только после этого я могла спокойно заснуть. Сны я видела прекрасные. До войны, когда мы жили в Грозном, я ходила в детский сад, в выходные дни играла во дворе. Папа водил нас в кафе, угощал пирожными.

...Ближе к границе машин на дороге становилось все меньше и меньше. Проехав Нойберу, Кошкельды, достаточно далеко от Герзеля, шофер остановил «рафик»:

– Подозрительно, что нет встречных машин. Дальше я не поеду.

– Вы же обещали довезти нас до моста, мы ведь заплатили Вам за это, – сказала наша соседка.

Половину стоимости проезда оплатила она.

– Хотите, я вас отвезу обратно. Но ни за что, ни при каких условиях, дальше я не поеду! Эта машина – кормилица моей семьи, я не могу рисковать, – ответил шофер.

– Дойдем пешком. Я провожу вас, – сказал папа. – Если мы поедем обратно, а дороги закроют, то мы застрянем. Любым путем постараемся перейти границу. Давайте быстрее!

Мы вылезли из машины и, растянувшись пешей группой, продолжали свой путь. Самые большие и тяжелые сумки нес папа, за ним, с узелком в руках, шла наша соседка. Салмана несла на руках мама. А все остальные – дети – шли, взявшись за руки, за старшими.

С приближением к Герзелю, до нас громче стал доноситься шум над селами Мескеты и Ишхой-Юрт. Там «работали» вертолеты. Покружатся сначала немного, а потом пикируют – летят прямо вниз; так орел складывает крылья и ураганом обрушивается на свою жертву. Нам в этот момент казалось, что они обязательно ударятся носами о землю и разобьются. Но нет, в последние секунды они снова взмывали вверх. Ракеты, словно молнии, раскалывали и освещали небо, а затем от земли поднимался

черный дым. Каждый взрыв повторялся несколько раз, эхом отдаваясь от хребта к хребту.

Мы были в трехстах метрах от реки Аксай, когда вертолеты, закончив свою разрушительную работу, не получив ни царапины, ни ответного выстрела, даже из винтовки, повернули в нашу сторону.

– О Аллах, взываем к Твоей помощи. Пошли нам в поддержку ангелов и святых! О Киши-Хаджи! – кричали изо всех сил женщины.

Две соседские девочки плакали. Их плач я усилила рыданием. Разомкнув руки, мы бросились бежать. В тяжелой зимней одежде мне это было очень трудно. Стараясь не отстать от остальных детей, я подвернула ногу, упала и не могла встать. Оглянувшийся назад папа, бросив свои сумки, подбежал ко мне. Заметив нас издали, бежали к нам и дагестанские милиционеры.

Широкий большой мост через Аксай был перегорожен колючей проволокой и противотанковым заграждением. Перебросив автоматы за спину, спешили к нам навстречу – через всю эту груду металла – милиционеры.

– Бегите! Быстрей, быстрей! – кричали они на русском языке.

Опасность отняла мои силы, от страха и боли я не могла встать на ноги. Подбежав к нам, папа схватил на руки младшую из соседских девочек. Когда он добежал до меня, я сама протянула к нему руки. Взяв обеих нас подмышки, папа ринулся обратно.

Я крепко схватила его за шею. В тот же момент, кто-то быстро забрал меня у папы, а остальные схватили сумки, двух девочек и Салмана. Не раздумывая, похватали они тех, кто попался под руки. На мосту было небезопасно. Но за Аксаем уже не чувствовалось угрозы: вертолеты улетели в Герзель.

Река Аксай была мутной и быстрой. Когда я посмотрела вниз, в эту стремительную и быструю реку, у меня

закружилась голова. И милиционер, бросившийся на помощь, так сильно прижал меня к своей груди, что я чуть не задохнулась и с трудом пришла в себя. Мужчина, вышедший из установленного недалеко вагона, угостил нас печеньем и «колой». После короткого отдыха, по его поручению, нас отвезли на автостанцию. Мы с соседями разошлись по своим направлениям. Они оставались в Хасав-Юрте, а нам нужно было ехать до Элисты. Папа позвонил дяде – брату моей матери, и тот обещал на машине встретить нас в Махачкале. Дядя просил моего отца приехать с нами, но папа и его не послушался.

– Не ходи на войну, – просила мама. – А, может быть, ты нас отправляешь специально, чтобы мы тебе не мешали? – повторяла она.

– Войну с Россией нам не выиграть. У России столько оружия и населения, что ей и самой точно неизвестно, сколько. Цель этой войны – уничтожение чеченского народа. Поэтому мы насильно втянуты в войну. И чем дольше мы будем воевать, тем больше возможностей будет для совершения против нас злодеяний, – говорил папа.

Но мама продолжала своё:

– Если ты не думаешь обо мне, то подумай хотя бы о сыне и дочери. Им нужен отец. Знай, что ты нужен нам.

– Если бы счастье не обошло нас стороной, чеченцы и ингуши не разделились бы, выбрали бы одного президента и жили бы спокойно. Еще в детстве я слышал: «Станет царем человек с родимым пятном, и советская власть распадется. Если людям повезет, то война завершится за столом. А если нет – она продолжится внутри страны!» Хотя люди не очень верили во всё это, но, как бы они ни сопротивлялись злу, мы имеем то, что имеем. Горемычной оказалась доля народа. Плача, предсказывали святые сегодняшний день, сказал папа.

– Береги себя, – повторяла мама еще и еще раз. – Береги ради нас.

Так – ничем – и кончился этот разговор. Съестное на дорогу мы взяли из дому. Но папа сходил на рынок и купил еще лимонад, бананы, йогурты.

– Зачем ты купил это? – спросила мать.

– Для детей ничего не жалко, – папа двумя пальцами ущипнул нас за щеки.

– Там всё для нас будет, а ты свою копейку береги, неоткуда ей теперь взяться.

– Всевышний даст – будет. Если бы не было пропитания больше, чем человек видит перед своими глазами, много людей давно бы умерло с голоду. Всевышний даёт оттуда, откуда ты и сам не подозреваешь.

Грустные от предстоящей разлуки стояли папа и мама, утешая друг друга.

– Не успокаивай себя тем, что у нас там нет войны. Приезжай к нам. Помни, дети очень привязаны к тебе.

– Приеду, а вы, когда доедете до Махачкалы, стойте на видном месте, отдельно от других, чтобы он вас не искал.

– Кто будет ехать в Хасав-Юрт, ты дай наш номер телефона и попроси позвонить.

– Не скучайте. Береги детей и себя береги.

– С нами что может случиться?

– Береги детей от простуды. Не оставляй без присмотра.

– Хорошо.

Тут подошли к нам чеченки с детьми и вещами. Хотя мы с Салманом тянулись к папе, он счел неприличным при посторонних взять нас на руки и приласкать. Спросив имена этих женщин и их домашние адреса, отец отправил нас в путь вместе с ними.

По всей длине этой дороги, в сторону Чечни двигались российские войска: танки, БТР-ы, «Уралы» и другая военная техника. По обе ее стороны, куда ни кинь взгляд, установив палатки, вкопав блиндажи, устраивали свой быт тысячи и тысячи солдат и офицеров. Посмотришь: не видно конца и края.

В Махачкале нас встретил дядя. Крепко обняв сначала маму, потом меня, он поднял Салмана и, подбрасывая его вверх, шутил с ним.

– Да ты настоящий мужчина! – восклицал дядя. А я вспомнила, как отец при прощании даже не приласкал нас.

Взрослые часто думают, что дети ничего не помнят, не знают. Услышав что-то от ребенка, удивляются: «Как это можно запомнить в таком возрасте?» Дети во всем разбираются, все понимают. С годами не ум прибавляется, а жизненный опыт. И язык оттачивается.

Мне теперь девять лет. Здесь, в Элисте, я учусь в третьем классе. И учителя, и одноклассники хорошо относятся ко мне. Двоюродный брат Юнус заботится обо мне. Он старше меня, учится уже в пятом классе. Дядя, дедушка и бабушка по матери вкусно кормят нас с Салманом, красиво одевают. По-настоящему лелеют нас. А мне не хватает папы.

Некоторое время спустя, мы узнали, что в родном селе, в Чечне, артиллерийскими снарядами был разрушен наш дом, убит папин друг, а сам он был ранен. В селах, предварительно разворотив строения снарядами тяжелой артиллерии, военные врывались в дома и «карали» мирных жителей. Как только зажила рана, не тронув ни одного кирпича, ни одной доски разрушенного дома, папа присоединился к бойцам. Кому это всё было нужно? Разве не этого добивались враги?

Все мы с утра до вечера сидим у телевизора, ждем «Новостей». Ждем хороших вестей об окончании войны.

Однажды показали фильм, снятый английским режиссером. В нем мы увидели папу. Он был в лесном лагере, среди множества бойцов. Папа читал книгу. Рядом лежало оружие. Из-за пятнистой формы и густой бороды, я не сразу его узнала. Он выглядел строже, чем раньше. А глаза – грустные.

С тех пор мама, прячась ото всех, тихонько плачет, ничего не ест.

Папа, что они с нами сделали? Зачем нас разлучили?

Вчера я услышала, как дядя говорил дедушке:

– Власти заявляют, что тем, кто сложит оружие, будет амнистия.

– Шамиль и его наибы, двадцать пять лет воевавшие с Россией, тоже сдались. Нам её не победить, её весь мир боится. Понять это, успокоиться – было бы умнее. Приехал бы он сюда, к своей семье, – сказал дедушка.

Папа, это о тебе они говорили. Пересиль в своем сердце ненависть, пробуди любовь. Ведь ты не раз говорил, что не надо злом отвечать на зло, что победят любовь и разум. Вспомни Кунта-Хаджи Кишиева[3], о котором ты часто рассказывал нам. Отец, подумай о маме, она тоскует и плачет по тебе. Подумай о нас, маленьких. Недаром же вы с мамой назвали меня Машар[4]?

Приезжай, папа, нам не нужна война...

2002

---

[1] Делах тешна (чеч.) – Верую в Бога.

[2] Дела (чеч.) – Бог, Аллах.

[3] Кунта-Хаджи Кишиев – один из самых известных чеченских религиозных деятелей периода Кавказской войны, проповедовавший непротивление злу насилием.

[4] Машар (чеч.) – мир.

СВИДЕТЕЛЬ

На своей «Ниве», марки «Тайга», я только подъезжал к родному селу, когда меня остановили на блокпосту. Вытащив из машины, мне скрутили руки, повалили на землю и начали избивать ногами. Потом затолкнули в БТР и повезли в районную комендатуру.

Я не понимал происходящего. Но все мы являемся заложниками этой войны и нечему удивляться.

Оказалось, где-то в ближайшем селе взорвалась мина. Сообщение о взрыве и соответствующие указания по рации передали по всем блокпостам. И «федералы» досматривали все подозрительные машины. В первую войну и сейчас на особом учете у них «Уазики» и «Нивы». Излюбленные машины боевиков. На них без проблем можно ездить в любую погоду по бездорожью и предгорным селам.

– Ты минировал?
– Нет.
– Откуда ехал?
– Из Грозного.
– Зачем ездил?
– Продавать яблоки.
– Где ты работаешь?
– В школе, преподавателем.
– Откуда деньги на машину?
– Я не курю, не пью. Берегу каждый рубль.
– Знаешь боевиков?
– Нет.

– Никого?
– Разве что Хаттаба и Басаева.
– Когда ты видел их в последний раз?
– Вчера вечером, в новостях.
– Сколько тебе заплатили за минирование?
– Я не минер.
– Кто из вашего села среди боевиков?
– Не знаю. Я не поддерживаю с ними контакты.
– Ты боевик?
– Нет.
– Почему такой здоровый?
– Каким уж мать родила!
– Почему хромаешь на ногу?
– В первую войну я попал под артобстрел.

Прошел день, наступила ночь. Из чеченцев со мной никого не было. Видимо, тут недолго держат задержанных. Меня тоже вывели утром.

«Ведут на расстрел», – подумал я…

Я не знал за собой никакой вины, кроме любви к родине и желания ей добра; жаль было пропадать так, безо всякой пользы.

На школьную зарплату, на эти гроши, невозможно прокормить семью. И приходится выкручиваться. То черемша выручит ранней весной, то черешни созреют, то яблоки. Неужели мне суждено погибнуть в сезон яблок? И никто из родных не узнает, что со мной произошло. Но были очевидцы. «Чеченская почта» хорошо работала. И я надеялся, что весть дойдет до родных. Но сколько молодых людей пропало без вести?!

– Мы ничего не знаем! Мы не увозили вашего сына! – Вот их ответ. И жизнь человека навсегда вычеркнута из списка живых. Он пропадает бесследно. Некоторых вывозят на окраину села, обвязывают тротилом и взрывают. Не оставляют ни одной целой части тела, чтобы по нему можно было опознать человека. Родные по каким-то от-

резкам ткани, одежды и кусочкам мяса опознают своих сыновей. Это тоже, хоть слабое, но утешение. Тысячи матерей ничего не знают о своих детях, увезенных прямо из родного дома или перехваченных где-то на дороге. Они не могут выплакать свои слезы на их могилах. Им все время кажется, что они где-то томятся и зовут их…

Была в нашем селе одна из таких молодых вдовушек. Я хорошо знал её. Она на отлично окончила школу и мединститут с красным дипломом, работала врачом в сельской больнице. Когда нагрянули вооруженные люди в масках на БТРах, муж ее, дабы не подвергать семью опасности, не оказал сопротивления. У него даже не было оружия.

Он был тяжело ранен в первую войну (пуля снайпера прошла через его легкое, на несколько миллиметров не задев сердца, и он чудом остался жив). Ни тайно, ни явно он не участвовал во второй войне. Но, иногда, помогал продуктами лесным братьям. Кто из уважающих себя людей откажет нуждающемуся в пище?

Она написала письма во все инстанции РФ, чтобы ей вернули мужа, отца пятерых детей.

Ближайшие родственники этой женщины служили во властных структурах нового правительства. Они тоже включились в поиски и однажды приехали к ней вместе с руководителями районной комендатуры и ФСБ.

– При очной ставке ты узнала бы похитителей мужа? – спросил её ФСБэшник.

– Узнала бы, – сказала она. – Ты – один из них.

Это была её роковая ошибка.

Ночью, тайком, через окно к ней пробрались в дом (никто из родственников мужа даже не услышал шума) и ее увели в ночной сорочке. Проснувшейся десятилетней дочери, чтобы она не позвала на помощь, засунули в рот тряпку, заклеили скотчем и перевязали руки и ноги. А грудного ребенка, лежавшего на кровати, накрыли подушкой, чтобы не плакал …

Исполнители этих грязных дел, дабы нельзя было определить их принадлежность к воинской части, смазывают номера БТРов грязью и разъезжают в масках.

В начале войны, когда войска без сопротивления входили в населенные пункты, федералы были добры и очень вежливы. Раздавали людям гуманитарную помощь и старались оказать другие услуги. Никто из них не был убит. Почти по всей республике представители администраций и старейшины сел выходили войскам навстречу и договаривались о мире.

Конечно, войска вошли бы в любом случае. Но, в этом случае, было бы много невинных жертв и разрушенных жилищ, уцелевших в первую войну и с трудом восстановленных людьми. А при заключении мира можно было надеяться на лучшее. Люди помогали при строительстве комендатур, устраивались на работу. Командиры наказывали ночных разбойников, самовольно покинувших часть. Подбодряли население: «Можете на месте убить всякого, кто заберется ночью к вам в дом. Никто вам не скажет слова. Только верните личное оружие солдата».

Но если коренной народ и оккупационная армия будут жить в мире и согласии, то войне может наступить конец. А у её заказчиков были другие планы. И тогда то тут, то там начали взрываться мины. Чтобы русские невзлюбили чеченцев, а чеченцы возненавидели русских. Чтобы посеять между ними недоверие, и они начали уничтожать друг друга. Для этих целей у любого государства есть спецслужбы, назначение которых в создании, в нужный момент и в нужном месте, очагов смуты и преступлений.

Народ не хотел войны. Как мог народ хотеть войны?! Что хорошего она принесла людям? «Война сына не родила, а убила», – гласит народная мудрость. Так называемая чеченская власть, утверждая, что она строит национальное государство, разрушило его. Сколько отчаянно смелых и переполненных мужеством парней пало в пер-

вую войну, поверив в красивые слова и от всего сердца мечтая о национальном государстве. Среди них были и мои товарищи.

И вот, по Божьей милости, русские войска опять покинули республику. Власть опять перешла к чеченцам. И, как и раньше, перестали выдавать пенсии, зарплату и обращать внимание на нужды простых людей. На все один ответ: мы только вышли из состояния войны, что же вы хотите? Когда вы спокойно спали у себя в домах, нам приходилось ночевать в лесах, в землянках.

Не выходили книги писателей, не работали школы. Образование им и не было нужно. Их собственные дети учились за границей, в лучших учебных заведениях. Не уважили погибших, и живые были не в чести.

Как бы трудно ни приходилось в быту, после войны народ вздохнул свободно. Марионеточный режим, установленный русскими танками, рухнул сразу же, и ее представители первыми покинули республику, намного раньше войск.

Первая война была нам навязана, но вторую спровоцировали мы сами. Мы можем обвинять кого угодно: русских, евреев, дагестанцев, олигархов, политиков, спецслужбы, Кремль… Но виноваты мы сами. В том, что мы продажны, вероломны, что не любим друг друга и скрываем в сердцах черную зависть и ненависть. Русские знают об этом со времен Ермолова и Имама Шамиля. И умело пользуются этим. Мы не можем удержать даже взбесившегося злодея. Мол, это не мое дело. Но плоды их преступных деяний, не спрашивая разрешения, ураганом врываются в наши дома, и тогда достается каждому. Не говоря уже о других злодеяниях, какая нужда была вторгаться в Дагестанские горы и утверждать газават? Не умея навести у себя порядок, мы что пошли завоевывать Россию? И власть наша оказалась никудышной. Что бы я сделал на месте президента? Во-первых, я изо всех сил

постарался бы не допустить вторжения чеченцев. Во-вторых, я закрыл бы им обратную дорогу. Они ведь не могут не понимать, какой опасности, они подвергают народ и отчизну. Президент, если он не марионетка, – отец народа. Как отец за своих детей, так и президент за народ в ответе перед Богом и на земле, и в Судный День. Если я совсем бессилен, я бы поехал в Европу, Америку и изо всех средств массовой информации кричал: чеченцы не виноваты, чеченцам не нужна война, у нас нет ни сил, ни желания вести ее. Я бы сделал это во имя спасения сотен и тысяч человеческих жизней, сохранения десятков сел и городов. Что мы имеем сегодня? Борьба за свободу чеченского народа и построение независимого государства плавно перешла (при помощи умных и многоопытных людей) на рельсы международного терроризма…

На одно у меня все-таки хватило ума: не сдавать личное дело в комитет участников войны. Люди, не видевшие войну, и даже явные противники чеченского государства за большие деньги покупали воинские звания, удостоверения участников войны, медали и ордена. Так легче было устроиться на работу и оптом распродавать нефтепродукты. Я знаю, если бы я тогда заполнил анкету, то и сегодня был бы в розыске. И мне бы это так просто не сошло с рук, как другим. Ты, наверное, слышал, как некоторые «горе-боевики», за еще большие деньги, выкупали свои личные дела!

Имея уже определенный опыт, я во-второй раз не поддался уговорам и призывам на джихад, на борьбу с гяурами. Не примкнул ни к одной воюющей группе. Мои друзья, бывшие ополченцы, тоже остались дома, почти все, кроме ваххабитов.

Некоторые ребята, из-за зарплаты, а другие, надеясь на безопасность, устроились при новой власти в милицию. Но, когда моджахеды входят в село, в первую очередь они нападают на чеченских милиционеров, хотя в коменда-

туре и вокруг много русских. Поджигают райотдел, служебные машины и дома сотрудников и убивают их, где встретят. Военные вообще не вмешиваются. Проходит два-три дня. И вот они уходят, растормошив улей. Следом приезжают ГРУшники. И тоже избивают милиционеров. А наиболее мужественных из них, не допускающих беспредел, расстреливают, подрывают на мине или фугасе. Война навязана, а уничтожаем друг друга.

Хотя участников первой войны и амнистировали официально, все-же, время от времени, их арестовывали по одному, по двое или они просто исчезали. И в первый момент задержания я подумал, что, может, кто-то из односельчан донес на меня. Говорили, что только в одном нашем предгорном селе около ста осведомителей. Как ты думаешь, сколько стукачей в больших селах и городах, если и в нашем маленьком селе их столько?!

Но меня задержали не по навету. Иначе бы они дали понять.

Утром, когда меня вывели, я подумал: «Ведут на расстрел». В коридоре майор вручил мне мои документы, ключи от машины, часы и деньги. На меня была направлена камера. Все записывалось.

– Вам вернули все ваши вещи?

– Да.

– У вас было еще что-нибудь?

– Нет.

– Вас пытали?

– Нет.

– Били?

– Нет.

– У вас есть претензии к сотрудникам комендатуры?

– Нет.

– Вы свободны. Подпишите бумагу.

Я не поверил. Действительно ли я могу идти? Или они только проверяют меня? Майор опять сказал:

– Вы свободны. Можете идти.

Я подписал протокол. Камеру убрали.

– Ты меня отведешь к машине? – спросил я рядом стоящего солдата.

– К какой машине? Пошел вперед! – сказал он, стволом автомата толкая меня в спину.

Я пошел. Даже уложив одного-двоих, я не смог бы убежать. Большой двор бывшего МТС был обнесен двухметровым дувалом и сверху обтянут колючей проволокой. Повсюду техника, военные и часовые, готовые, в случае побега, пристрелить. Через дорогу, в бывшем Доме культуры, тоже расположились они. А на крышах, под защитными сетками, направив во все стороны бинокли, прятались снайпера.

Только я вышел, меня опять повязали. Надели на голову мешок и, забросив в кузов, повезли в сторону Грозного.

Меня беспокоило, что дома не знают, где я нахожусь. Распродав в городе яблоки и орехи, я купил детям кое-что из одежды и обуви и ехал домой, когда меня задержали на дороге. Дай Бог, чтобы ни один мусульманин не оказался в моем положении: связанный, как жертвенная скотина, с мешком на голове лежишь, как куль, и, чтобы ты не позвал на помощь, несколько стволов автоматов упираются тебе в спину и голову. Теперь они могли сделать со мной что угодно. Если даже родственники попадут на мой след и придут в комендатуру, у них на руках видеоматериал моего «освобождения» и подписанный мной лично протокол. Наверное, так они поступают со всеми своими жертвами. Ведь известно, что после жестоких истязаний, они вывозят трупы наших ребят где-то в поле или в лес, кладут перед ними автоматы, гранаты, пулеметы и мины. И в вечерних новостях показывают уничтоженных террористов. Самый высокопоставленный чиновник или военный, не моргнув глазом, лжет самым наглым образом.

Помню, в детстве я смотрел фильмы об отечественной войне. И когда немецкие офицеры мучили несчастных людей, старики говорили:

– Они показывают то, что сами творили, а приписывают немцам.

– Немцы во время затишья кричали из своих окопов: «Урус, кушать хочешь?» Какие у них были гордые и благородные офицеры! А то, что сейчас показывают по телевизору вранье. Они не опустились бы до этого.

Я тогда не понимал их: «На что только не способны грязные фашисты?», – думал я.

На что только не пришлось насмотреться за эти две войны? Военные раскапывают ими же замученных и убитых чеченцев и показывают по телевизору: «Эти люди убиты чеченскими боевиками, – комментируют они. – Видите их жестокость? Это нелюди!»

Я не раз слышал, что в Ханкале в ямах содержат много чеченских ребят. И самые отъявленные фашисты не додумались до тех изощренных пыток и зверств, применяемых к ним. Зная, что для чеченки позорно раздеться перед мужчиной, женщин (жен и сестер боевиков) ставят перед пленными чеченцами и рвут на них платья. А когда мужчины отворачиваются, их избивают и кричат: «Смотри! Смотри!». Мужчинам в самое срамное место засовывают тонкие трубочки и сквозь них пропускают электрические провода…

Во дворе Ханкалы наша машина остановилась пару раз. Мои глаза не были завязаны, и я сквозь мешок мог кое-что видеть. Что могло означать наше дальнейшее продвижение и взмахи рукой: отсутствие свободной площади? Видимо, ямы были переполнены. Когда машина остановилась в третий раз, меня скинули с кузова, как мешок с песком. Подошли двое солдат, взяли меня под мышки и сказали: «А теперь побежали». Я готов был ко всему. Внутренне скрепившись, я отдал себя на волю

Всевышнего. «Наверное, меня волокут к яме», – думал я. Тяжело припадая на раненую ногу, я старался замедлить бег, чтобы сохранить голову от возможного удара об какой-нибудь камень. Возможно, это смягчит удар. Со всего разбега меня стукнули об какую-то трубу. Я не видел ее. Ударившись головой, я упал. Двое солдат и весь мир, сперва взорвались в моих глазах и мозгу, потом я потерял сознание.

С того дня, как меня стукнули об эту трубу, в моей памяти стали происходить провалы. Я ведь тебя знал. И читал твои рассказы. В 86 году я окончил филологический факультет пединститута. Часто, пытаясь кого-то вспомнить или рассказывая о чем-либо, я боюсь ошибиться. Особенно в фамилиях и именах людей, и где, когда и как мы познакомились.

Ты хочешь поехать домой. Тебе, конечно, лучше знать… Война еще не окончена. Каждый день, то в одном, то в другом селе происходят зачистки, репрессии. Стоит указать просто на человека, и его забирают, и сделанного не воротишь. Нашему народу довелось узнать, что 37 год был всего лишь присказкой. Тогда хоть, какой-никакой, но назначался суд, так называемой тройки. В сегодняшней Чечне не знают, что такое права человека.

Самое трудное – терпеть ложь и несправедливость. Несправедливость по отношению к твоему телу, к твоей душе. И власти, конечно, видят это и знают. Война не научила людей уму-разуму. В погоне за деньгами, у всех чуть ли не выскакивают глаза из орбит. Убитых, умерших, пропавших без вести быстро забывают.

Здесь мы на свободе. В наши дома не врываются солдаты и спецназ. Твоя семья с тобой, и тебе незачем беспокоиться. У нас на родине давно уже позабыли о больших идеях и мыслях о светлом будущем. Многие даже забыли, с чего все это началось, и ради чего. В то время, когда некоторые думают лишь о том, чтобы выжить, дру-

гих заботят только деньги. Заработать как можно больше денег, думают они.

Нас привлекли мысли о свободе и независимом государстве. Но нас обманули. Бедный человек зависим и в собственном государстве, а богач независим и на чужбине. Народ потерял все ориентиры. Люди не знают кому верить. Но, только однажды побывавший в плену поймет, насколько нужно остерегаться всего. Если ты не можешь не ехать, живи в Грозном или Гудермесе. Там намного спокойнее, чем в селах. Если тебя и предадут, это будут твои односельчане. Берегись их. Встретившись где-нибудь, скажи, что пришел на побывку и на днях уезжаешь. Не ходи на базар, и места скопления людей тоже обходи. Никто не знает, с какой стороны, когда придет зло. Ночью спи, не раздеваясь, всегда будь начеку. Ты себе не представляешь, сколько людей они забрали прямо из постели. Если можно что-то сделать, отремонтируй свою квартиру и быстро устройся на работу. В республике выходят газеты, журналы и вице-премьеры те же…

Приходя в сознание, я думал, что, наверное, весь залит кровью. Но на мне не было крови. Вероятно, оттого что я целиком поручил себя Богу и был готов ко всему. В студенческие годы, в бассейне «Садко», я посещал секцию бокса, и тело мое было закалено, но голова моя раскалывалась…

Два дня провел я в Ханкале, распятый, словно на Голгофе. Только на руках, вместо гвоздей, были наручники. Как могут военные подвергать людей такой жестокости? То, что боксеры вытворяют с грушей мелочь, по сравнению с тем, как они мучают живых людей. Я бы не вынес еще одного дня. Наверное, умер бы…

Ты видишь, что они делают сегодня?

«Это чеченский террорист номер один», говорят они, и показывают его в позе ласточки. Сбрили голову и бороду. По коридору тюрьмы ходит вприпрыжку, низко наклонив

голову, руки вытянуты высоко назад, ладони разжаты. В камере ему удобно, говорит он, дома невозможно было жить, постоянно взрывали. За живучесть его даже прозвали «терминатором». А здесь надежная охрана, еды вдоволь. Подчиняться требованиям надзирателей не зазорно, он, как бы чувствует себя курсантом. И одновременно показывают его «генеральские» провокационные речи перед строем боевиков. «Все русские должны быть уничтожены. Каждый чеченец пятнадцати-двадцати лет, должен готовиться к тому, чтобы стать террористом-камикадзе…» Но почему он сам не погиб?! Почему не дал возможности людям сказать: «Хоть и жил как негодяй, но умер как настоящий мужчина»? Настоящих мужчин и героев, кого не могут сломить, кто вышел на борьбу с чистыми помыслами, они убивают. Их не показывают по телевизору с повинной. Ведь легче показывать «героев», типа «терминатора». Они на весь мир говорят: «Видите, вот они, свободолюбивые чеченцы. А вот самый крутой из них». А кем он был на самом деле? Сами русские сделали его героем, чеченцы то воспринимали его как клоуна.

Все предводители чеченцев, с обеих сторон, были клоунами, артистами, двойными агентами и предателями. Именно они виновны во всех наших бедах…

Я не вернулся домой, и домашние бросились на поиски. Ни в комендатуре, ни где-либо еще меня не нашли. И не дали бы найти.

Некоторые из моих друзей работают кто в милиции, кто в охране. В первую войну нам довелось бегать вместе по горам. Сегодня они устроились на работу, не зная кому верить, и чтобы зря не погибнуть в этой неразберихе. Они охраняют полковника ФСБ, одного из знаменитых московских «воздушников». Теперь их называют бизнесменами. Он из Махачкалы позвонил в Москву Патрушеву, и по его приказу меня освободили.

Из-за моей комплекции друзья называют меня «Бычок». Но еще один день – и я не выжил бы. И сомневаться в том, что попавший в их руки не заговорит, не приходится. Поэтому через пару дней, после ареста кого-либо, они проводят массовые аресты. Может, и мои друзья боялись этого.

Когда мне повязали глаза и руки и усадили в машину, я опять подумал: «Ведут на расстрел». «В их власти меня расстрелять, но им не удалось меня сломить», – думал я. И в эту минуту это было главное. Хоть семья оставалась без отца, и дети не будут знать, где моя могила, я успокаивал себя тем, что я никого не предал, и на моих потомков не будут показывать пальцем.

– Пять минут не развязывай глаза, – предупредили меня, сбросив с машины. – Попытка к бегству – расстрел.

Один раз уже обманутый, я не поверил в их намерения.

«Сейчас будут стрелять», – подумал я.

Двигатель «Урала» сначала взревел, потом шум постепенно утих.

«Они уехали. Неужели, правда? Напоследок решили поиздеваться. Проверяют, что я буду делать. Чтобы посмеяться…»

Связанными руками я снял повязку с глаз. Они действительно уехали. Оглядевшись вокруг, я не узнал местности. Моросил дождь, был довольно неприятный день. И первое, что я почувствовал – был сильнейший голод. В жалких лохмотьях, голодный и избитый... Меня начало знобить. Я пошарил в кустах, в надежде найти бутылку из-под пива или водки. Необходимо разрезать веревку.

Вдали показалась военная колонна. Куда бежать со связанными руками? Все равно догонят. Только, казалось, выкарабкался из беды, как надвигается новая. Они запросто могли пристрелить меня и сказать, что я пытался заминировать дорогу. Кто с них спросит? Они издалека направили на меня оружие. Я не шевелился. Колонна

остановилась рядом. Из первой машины вышел офицер, с БТРа соскочили несколько солдат.

– Ты что здесь делаешь? – спросил офицер.

– Меня только что выпустили из Ханкалы, – сказал я.

Они, ни слова не говоря, повернулись и направились к машинам.

– Командир! – крикнул я вслед. – Где я нахожусь?

– На земле! – злобно бросил он, оглянувшись.

Сев рядом с водителем, он указательным пальцем показал вперед. Колонна медленно двинулась. Я понял, что нахожусь недалеко от Ханкалы. Зубами и осколком стекла я развязал руки и вышел на дорогу.

Мне пришлось долго простоять. Никто не останавливал машину. Весь в крови, небритый, оборванный. Водители, видя в каком я состоянии, не смели остановить машину. На дорогах было много блокпостов, и они боялись из-за меня влипнуть в историю. И тогда я стал ждать автобуса, вышел на середину дороги и преградил путь. Автобус затормозил. Среди пассажиров было много женщин. Видимо, этот факт придал смелости и водителю. С ними я доехал до Аргуна. Там, у дальних родственников, привел себя в порядок: помылся, побрился, переоделся в чистое.

Дома, друзья повезли меня к тому человеку, чтобы я лично поблагодарил его за освобождение.

– Ты это сделал не ради денег. Денег у тебя много, – сказал я. – И если бы я предложил тебе деньги, какие в силах дать, то обидел бы тебя. Спасибо тебе большое. Да сохранит тебя Аллах от всех бед и напастей. Ты всегда можешь на меня положиться, в любом деле. Не подумай: «Что ты сможешь сделать для меня?». И маленькая мышь может оказаться полезной льву в нужную минуту. Я никогда не забуду то, что ты для меня сделал.

– Мне жалко вас молодых людей, – сказал он. – Вас обманула и предала эта власть. Вас не в чем винить. Вы

были преданы своему государству и народу. Но подлая власть использовала вашу преданность в своих корыстных целях. Некоторые это поняли и отошли. Пожалейте свою молодость, пожилых родителей, свои семьи. Кроме вас, о них некому позаботиться…

Как раз в эти дни приехал домой двоюродный брат. Он и родные настояли, чтобы я на некоторое время выехал за пределы республики. Так я оказался здесь. Правда, если бы я попал в руки ГРУ, никто не смог бы освободить меня. Не помог бы и звонок из Москвы. Они, как ФСБ, не цацкаются с людьми. Вывозят на окраину села и расстреливают или убивают на месте.

Сайд-Хасан, с тех пор как голова не в порядке, у меня вошло в привычку много говорить нужное и ненужное, пока кто-то меня не остановит. Уже время намаза. Давай совершим джамаат?

2002

ФРАНЦ КАФКА

Желание изобразить мою исполненную фантазий
внутреннюю жизнь сделало несущественным все другое…
Ф. Кафка. Дневники (06.08.14) [1].

Как много значит в судьбе писателя (да и в успехе!) его смерть. Если бы Кафка при жизни опубликовал следующую мысль, то все смеялись бы над ним: «Когда я, не выбирая, пишу какую-нибудь фразу, например: «Он выглянул в окно», то она уже совершенна» (19.02.11). А сегодня его жизнь, искания, борьбу с самим собой считают образцом писателя XX века.

При жизни только узкий круг оценил его творчество (даже родной дядя называл его произведения «чепухой»). Но после смерти автора, критики и исследователи творчества возвели его, чуть ли не в сан пророка.

«Кто-то, по-видимому, оклеветал Йозефа К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест» («Процесс»).

В этом и подобном высказываниях он предвидел будущее (Гитлер, Сталин).

Считается, если хочешь узнать писателя, надо побывать на его родине. Я бы сказал: чтобы понять писателя, нужно читать его дневники.

К кому из писателей это относится более, чем к Кафке?

Когда писатель в силах изобразить свои мысли и чувства в художественных произведениях, в дневниках не бывает необходимости, и на это не хватает времени. Себя, свою жизнь, наблюдения, мысли, проблемы времени, все, о чем он хочет сказать, он изображает или описывает в повестях и романах (Гюго, Бальзак, Диккенс, Тур-

генев, Достоевский). У Льва Толстого и Ивана Бунина, писавших дневники до конца жизни, как правило, в период работы над художественным произведением, дневники либо вовсе отсутствуют, либо очень незначительны, типа, писал то-то, закончил то-то и т. п. Многие события и годы целиком включаются в то или иное произведение, изменив лишь имена и некоторые выражения. Например, если принять во внимание, что Толстой, работая над «Анной Карениной», описал свою жизнь в большом романе, то нам станет понятна бедность дневников писателя этого периода. Первые годы семейной жизни, может быть, самые счастливые в его жизни. А такие рассказы Бунина как «Последняя весна», «Последняя осень» и некоторые другие целиком взяты из дневника.

Кафка не является исключением из этого ряда. Многие его рассказы вошли в книги прямо из дневников. В том числе и странные рассказы и притчи.

Раскольников Достоевского («Преступление и наказание») взял топор и пошел убивать старуху после того, как понял, что Наполеон или Ротшильд из него не выйдет, и не найдя другого пути, как помочь людям. Свое решение он оправдывает тем, что смерть старухи никому не причинит горя, наоборот, многих избавит от необходимости выплачивать проценты. А он на деньги, которые без всякой пользы лежат в сундуке старухи, сделает много полезного людям.

Достоевский смог создать образ Раскольникова вследствие трудностей и бедной жизни, выпавшей на его долю в молодые годы. Это свои мысли, приведшие его к революционерам, он позже передал Раскольникову.

Кафка начал вести дневник, когда он понял, что ему не стать Наполеоном или Шекспиром, и он никогда не сможет написать те романы, которые мечтает создать. Ведение дневников для Кафки – стремление хотя бы в них сохранить себя в веках.

«Я больше не оставлю дневник. Я должен сохранить себя в нем, потому что только в нем мне это и удается» (16.12.10).

То, что писатель боится смерти и думает о своей дальнейшей судьбе, видно и из следующей записи: «Я совершенно отчетливо пишу это из-за отчаяния по поводу моего тела, по поводу будущего моего тела» (19.12.10).

Творчество Достоевского потрясло Кафку. В образах мелких чиновников, изображенных Достоевским, он увидел себя, свою несчастную жизнь. Поэтому так сильны в творчестве Кафки мотивы произведений русского писателя, влияние которого он ощущал всю свою жизнь.

О гимназических годах Кафка пишет: «Я, разумеется, замечал, это было очень легко, что одет скверно, видел, когда другие были хорошо одеты, но ум мой многие годы не мог постичь, что причина моего такого облика кроется в моей одежде. Поскольку уже тогда я – больше в предчувствии, нежели в действительности, – был на пути к тому, чтобы ценить себя невысоко…» (31.12.11).

Кафка всю жизнь мучил себя и близких тем, что искал, скорее, внушал себе болезненное состояние, которое владело Достоевским. Это душевное состояние он с огромным талантом передал почти всем своим главным героям. Автор и его герои очень близки Кафке. В одном месте он говорит, что герои Достоевского не больны, а очень даже умны (20.12.14).

«…я …обладаю сильной способностью к превращениям, которую никто не замечает» (30.09.10).

«…я лежу здесь на диване, одним пинком вышвырнутый из мира, подстерегаю сон, который не хочет прийти, а если придет, то лишь коснется меня, мои суставы болят от усталости, мое худое тело изматывает дрожь волнений, смысл которых оно не смеет ясно осознать, в висках стучит» (21.11.11).

«Бесспорно, что главным препятствием к моему успеху, является мое физическое состояние» (22.11.11).

«Я стремлюсь работой излечить свою неврастению» (02.05.13).

Кроме целого ряда перекличек в изданных произведениях Кафки с творчеством Достоевского, мы и в его дневниках находим несколько заготовок к рассказам, напоминающим «Преступление и наказание».

Рассказ о студенте, который с определенными намерениями пришел к известному коммерсанту в гости, и при первой же возможности силой врывается в его квартиру. (Запись обрывается. 24.11.13.)

Другая запись напоминает мятущегося Раскольникова после убийства старухи. (Сон под кустарником. 09.12.13.)

«Мой брат совершил преступление, мне кажется – убийство, я и другие замешаны в этом преступлении… чем ближе наказание, тем сильнее мое сумасшествие…» (20.10.21).

Эти сновидения напоминают размышления Ивана Федоровича из «Братьев Карамазовых», после убийства одним из братьев собственного отца. Наиболее сильные места из Достоевского где-то отложились у Кафки в подсознании и высвечиваются, когда он садится писать.

Сны занимают большое место в жизни и творчестве Кафки. Ряд рассказов создан у него прямо из снов. Оттуда и фантастичность, и символизм его прозы.

В произведениях Кафки, как и в сновидениях, сплелись воедино: правда и вымысел, реальное и нереальное, то, что могло случиться, но не случилось, надежды и воспоминания, то, о чем мечтал, чего боялся и, конечно, влияние прочитанных книг.

Если Лу Синь прямо обозначает в своих миниатюрах: «Я видел сон», то у Кафки это определение снято. Именно это и делает его рассказы загадочными и притчеобразными.

Кафка страдает бессонницей, много работает над снами и мечтает поскорее заснуть по двум причинам:

1) не видя настоящего мира, он не знает жизни и насущных проблем людей: «Сплю, просыпаюсь, сплю, просыпаюсь, жалкая жизнь» (19.06.10). Ему хочется писать, и он мучается отсутствием сюжетов. Он глубоко заблуждался, считая, что писателю нет нужды выходить из дому. Достаточно сидеть за своим столом и прислушиваться. Даже не прислушиваться, а ждать. «Даже не жди, будь неподвижен и одинок. И мир разоблачит себя перед тобой, он не сможет поступить иначе…»;

2) ему легче работается над снами: «Было бы большой радостью писать автобиографию, потому что, она легко писалась бы, как и сны…» (16.12.14).

По этой же причине и в письма, подобно Г. Флоберу, он вкладывал всю душу. Хотя бы в них пытаясь дойти до мечты. Желая оставить в литературе свой памятник (26.02.12).

Творчество напрямую связано с образом жизни и характером писателя. Если бы Кафка нашел в себе силы оставить свою тихую канцелярию, и устроился бы на какой-нибудь завод рабочим, мы бы, вероятно, знали совершенно другого писателя. Не хватило у него духу и на то, чтобы, как Горький или Гамсун, пойти «в люди», тем более что он не считал себя обязанным перед родителями и не играл существенной роли в бюджете семьи.

Правда, понимая, что любые изменения в жизни положительно сказались бы на его творчестве, в одно время он хотел пойти в армию, хотел даже попасть на войну. Но и из этого ничего не вышло.

Он жил как в замкнутом кругу, пытаясь вырваться, вернее, мучая себя тем, что надо бы вырваться из него, и не обладая для этого необходимой волей. Не смог он оставить и «теплое местечко», не зная, что ожидает его в будущем.

В своей слабости, безвольности Кафка готов был обвинить родителей: «Я часто думаю об этом и каждый раз прихожу к выводу, что мое воспитание во многом очень повредило мне» (19.07.10).

В знаменитом «Письме к отцу» (1919) он утверждает то же самое. Но Франца, при всем уважении к его творчеству, и самого нельзя назвать хорошим сыном.

О родительских надеждах на свой счет он пишет:

«Родители, ожидающие от детей благодарности (есть даже такие, которые ее требуют), подобны ростовщикам: они охотно рискуют капиталом, лишь бы получить проценты» (12.11.14).

Бернард Шоу пишет в своей «Автобиографии», что, будучи молод и здоров, он был настолько мудр, чтобы не бросаться на борьбу с жизнью. Вместо этого он бросил в нее мать. «Вместо того, чтобы быть помощником отцу, я, наоборот, жил, зацепившись за его брюки».

По этому поводу «весь наполненный литературой» Кафка пишет: «Я веду какую-то ненастоящую жизнь и достаточно жалок и труслив, чтобы следовать за Шоу…» (26.10.11).

Шоу верил в свой гений, поэтому, предвидя большой успех, был так смел.

Кафка не верил в собственный талант и постоянно сомневался в своих силах.

«Ничего не довожу до конца, потому что у меня нет времени, и все во мне теснится. Долго ли я выдержу? И разве у меня появится время?» (17.10.11).

«Я хочу писать, ощущение непрерывного подергивания на лбу» (5.11.11).

Думать, что будь свободное время, он бы многое написал – значит обманывать себя. Иногда, хоть на мгновение, он понимает это: «…я должен только остерегаться, как бы не освободить все время для литературы… я не способен использовать все время для литературы» (14.12.11).

Условно, писателей можно разделить на две группы:

1) романисты – Дюма, В. Скотт, Купер, Теккерей, Золя, Голсуорси, Фейхтвангер, Фолкнер, Пикуль, Сименон;

2) и писатели, которые могут писать только о себе или на основе личных воспоминаний – Тургенев, Флобер, Бунин, Вулф, Бабель, Хемингуэй, Экзюпери, Трифонов, Моэм, Довлатов.

Первые, при малейшей возможности зацепиться, пишут о чем угодно. (Это не значит, что они более талантливы или менее. Речь идет об индивидуальности писателя и его творчества.) Вторые не пишут о том, чего не знают, чего не испытали. Каждое предложение дается им с трудом. Сам процесс писания доставляет им настоящие муки. Больше, чем писать, они любят рассуждать, о чем пишут.

Кафка относится ко второй группе. К высшей ступени этой группы. «…физическая невозможность писать, и внутренняя потребность в этом» (02.05.13). «Все противится тому, чтобы быть записанным» (20.10.13).

Несколько лет назад, когда редактора отказывались от моих рассказов и настоятельно рекомендовали прочитать Кафку и Маркеса, я прочитал один рассказ Кафки из хрестоматии для студентов. Чтобы посмотреть, о чем и как они пишут. Их книги очень трудно было найти. Да и вряд ли бы я, со своими тогдашними литературными вкусами, прочитал их. Мне нравились писатели совсем другого склада.

Франц Кафка. «Стук в ворота».

Удивительно, как я тогда, совершенно не зная Кафку, сумел так точно понять суть и «секрет» рассказа. Это был сон. Об исканиях «больного» писателя, страдающего тем, что он хочет и не может писать.

«У меня нет больше сил написать хоть одну фразу» (27.12.10). «Ровно три дня ничего не писал» (30.11.11).

«Когда я после некоторого перерыва начинаю писать, я словно вытягиваю каждое слово из пустоты. Заполучу одно слово – только одно оно и есть у меня, и опять все надо начинать сначала» (13.12.11).

Оттуда и в Чечню пришла мода на «ночь, когда не пишутся стихи» и т.п. Из больного, страдающего бесплодием писателя совершенно здоровые люди создали кумира не только себе, но и старались внушить его другим.

Из таких же страдающих был и мой товарищ Идиев Замбулат, выпускник Московского литинститута. Писать должно было быть его работой. Равно, как и инженера – строить. Но Замбулат не писал, задаваясь вопросами: «Зачем писать? Для чего?» Это не означало отсутствие таланта. Вместо того, чтобы научить писать, пять лет в институте его приучили не писать. «Не пиши, если можешь не писать». Это же упадочническое настроение я наблюдал и у других выпускников литинститута – Маадуллы Завриева и Ислама Эльсанова.

Я в то время мог писать много и быстро.

С тех пор прошло довольно много лет.

Я читаю первое, наиболее полное, издание дневников Кафки. И чем больше его узнаю, понимаю, что Кафка (также как Фолкнер, Пруст, Джойс, Маркес, Борхес и другие художники слова) намного мне ближе и роднее, чем писателям, которые противопоставляли их мне.

Если бы Кафка был женат, думаю, он был бы писателем совсем другого склада и мышления.

Одна из самых сильно звучащих тем его дневников – это тема одиночества и холостяцкой жизни.

«Сегодня после полудня боль из-за моего одиночества охватила меня так пронзительно, что я отметил: так растрачивается сила, которую я обретаю благодаря писанию и которая предназначалась мною во всяком случае не для этого» (01.10.11).

«Как плохо быть холостяком, старому человеку напрашиваться, с трудом сохраняя достоинство, в гости, когда хочется провести вечер с людьми, носить для одного себя еду домой, никого с ленивой уверенностью не дожидаться, лишь с усилием или досадой делать кому-нибудь подарки, прощаться у ворот, никогда не подниматься по лестнице со своей женой… дивиться на чужих детей и не сметь беспрестанно повторять: у меня их нет, ибо семья из одного человека не растет» (14.11.11).

Оттого, что Кафка не был женат, его талант как бы остался в поре цветения, не раскрылся в полной мере.

Слова из Талмуда: «Мужчина без жены лишь получеловек, надо понимать в смысле: мужчина без жены лишь полумужчина.

У неженатого мужчины, несмотря на возраст, не растет «зуб мудрости». Ум и сила остаются «молодыми», юношескими. Он не становится полноценным человеком, т.е. мужчиной.

Когда я написал «Рассказы студента» редактора и критики, как один, ополчились против меня. Им даже удалось переубедить Ислама Эльсанова, который вначале хорошо отнесся к моим опытам, и в общем споре занял мою сторону. Даже людям, впервые слышавшим мою фамилию и не прочитавшим ни одного моего рассказа, противники внушали, что я бесстыдный автор «эротических» рассказов. Это были люди с гнильцой в душе, далеко не похожие на образы своих благородных героев. При близком знакомстве люди удивлялись: «За что тебя так не любят некоторые писатели? Ведь ты совсем не такой, каким они стараются тебя преподнести».

…Все это давно осталось в прошлом.

Ярлыки моих недругов смыло, как грязь после дождя.

Я вспоминаю, каким я был в юности стеснительным, скромным, исключительно благовоспитанным. Не мог произнести нецензурного слова, не пил, не курил. Бро-

шенное невзначай бранное слово в чьей-нибудь книге, вгоняло меня в краску, становилось неудобно перед самим собой… Вероятно, самым большим моим грехом было чтение книг и писание рассказов. Это было какое-то наваждение...

– Записывать то, что видишь, еще не значит быть писателем, не стоит зря трудиться, – говорили мне.

Но сердце не могло смириться с этим.

Сердце подсказывало: «Кто может стать писателем, если не я? Кого еще назвать писателем, если не меня? Кто, более чем я, достоин быть писателем? Во всей Чечне, да и во всем мире? У кого болит сердце сильнее, чем у меня?»

Сюжеты моих рассказов объясняли тем, что я не женат, и чтобы не думали, что я действительно болею этим, я бросил студенческий цикл. И, чтобы в корне изменить тематику своих рассказов, я пошел в армию, хотя и был освобожден. Я заставлял себя не писать рассказы, похожие на юношеские. По этой же причине до сегодняшнего дня пишу редко, сил хватает разве что на дневники.

Любовь – стимул творчества.

«Если бы я был влюблен, что только не было бы мне тогда под силу! – писал Кафка. – Как долго дожидался я много лет назад под аркой на Ринге, пока не проходила мимо М., если даже она шла со своим возлюбленным» (18.12.11).

Я спросил одного из своих друзей-поэтов:

– Почему ты не пишешь?

– Нет вдохновения, – ответил он.

Он принадлежал к числу поэтов, которые пишут хорошо, но редко. А я хотел, чтобы он писал больше и чаще.

Чтобы написать новое произведение, некоторые поэты и писатели вынуждены, как Хемингуэй, знакомиться с новыми женщинами. Встреча с красивой, духовно богатой женщиной является для них как бы толчком, способным вывести из состояния покоя.

Кафку считают одним из оригинальнейших и странных писателей XX века.

Критики, задавшись целью восхвалить автора, даже его недостатки возводят в достоинства. Об этом же можно прочитать и у самого Кафки: «Ведь индивидуальность писателя в том главным образом состоит, что свои недостатки каждый прикрывает на свой особый манер» (14.08.12).

Но и у Кафки, вынужденного тянуть из пустоты слово за словом, бывали часы, когда его, «словно водным потоком, несло вперед». Рассказ «Приговор» им написан за одну ночь, с десяти вечера до шести утра.

«Еле сумел вылезти из-за стола, так онемели от сидения ноги. Страшное напряжение и радость оттого, как разворачивался предо мной рассказ… Много раз в эту ночь я нес на спине свою собственную тяжесть» (23.09.12).

И чем больше в жизни писателя таких минут и часов озарения, тем более плодовит писатель. Кафка и сам понимал, что «только так (выделено Кафкой) можно писать, только в таком состоянии, при такой полнейшей обнаженности тела и души» (23.09.12).

К сожалению, для Кафки это состояние «тела и души» было неестественным настолько, что с непривычки, боялся его. Через день он записывает в дневник: «Насильно заставил себя не писать. Валялся в постели. Кровь приливала к голове и без пользы текла дальше. Как это вредно!» (25.09.12).

К сорока годам Кафка понял, что загубил жизнь, данную ему Богом. Ранее во всем обвинявший родителей и преподавателей, Кафка, наконец, понял, что виноват только он один.

«То, что я не научился ничему полезному, к тому же зачах и физически, – а это было взаимосвязано, – могло быть преднамеренным. Я хотел, чтобы меня ничто не

отвлекало, не отвлекала жизнерадостность полезного и здорового человека. Как будто бы болезнь и отчаяние не отвлекают в такой же степени!» (17.10.21).

Литература пожирает человека. Высасывает весь его жизненный сок. Есть, конечно, писатели, прожившие до старости и сохранившие здоровье и разум (Лев Толстой, Пио Бароха, Рабиндранат Тагор, Роберт Фрост, Кнут Гамсун, Сомерсет Моэм). Но для этого требуется, если не богатство, то хотя бы обеспеченность, определенный успех в свете, физическая сила, большое терпение и крепкие нервы.

Кафка не обладал ничем из перечисленного. Это был одинокий, нерешительный, замкнутый в себе, безвольный человек. С детства сторонился общества и жил больше в воображаемом, чем в реальном мире. Вместо того, чтобы беречь и закалять себя, он взял себе за образец жизни Гюстава Флобера, Сёрена Кьеркегора, Франца Грильпарцера, Генриха фон Клейста, но особенно Флобера, мечтая стать большим писателем. Горя желанием осветить своим творчеством весь мир, он безжалостно загубил самого себя. Естественные потребности здорового организма были для него бессмысленной тратой драгоценного времени. Если бы родители не отделили его, он бы, наверное, не ходил на эту ненавистную работу. Если бы родители согласились содержать своего взрослого сына, он бы вообще не выходил из дома. Все, что ему нужно – это книги, бумага, ручка и кровать, чтобы лежать и думать.

Уверив себя, что он не такой, как все люди, что он болен (мать всегда считала это фантазией сына; здоров, стоит только найти подходящую девушку, и все образуется как у людей), Кафка не сумел сберечь свое здоровье. Большие нервные нагрузки и, как следствие, он действительно заболел. Но это была не душевная болезнь, которую он мнил у себя (возможно, даже жаждал ее) и не опухоль мозга, и неизвестно что, отчего он страдал, а

просто туберкулез. (Несколько раз мне приходила в голову мысль, что, может быть, когда его надежды на болезнь и скорую смерть не оправдались, он сам вызвал прогресс туберкулеза. Как знаток и почитатель Достоевского, он должен был знать, как некоторые из каторжных умирали от чахотки, выпив вина, настоянного на табаке.)

Обольщенный большими надеждами, которые он возлагал на себя в будущем, Кафка жил, отказываясь от радостей и прелестей жизни. Отказывался не только от приглашения сыграть в карты с родителями, но и от приглашений, дававших ему доступ в общество, к общественной жизни и теперь сожалеет об этом.

«Но я всегда от всего отказывался, возможно, из-за общей слабости, в особенности же из-за слабости воли, только понял я это поздно. Раньше я считал этот отказ чаще всего хорошим признаком… сегодня же от этой приятной точки зрения почти ничего не осталось» (25.10.21).

Именно поэтому завещает он: сжечь почти все, написанное им, за исключением немногого.

Писатель, переоценивающий собственное творчество, считая, что пишет лучше всех, как правило, умирает как художник. (Это свойственно молодости.)

Боясь именно этого, говорит Кафка: «Только не переоценить написанного мною, иначе я не напишу того, что мне предстоит написать» (26.03.12).

Избегая людей, общества женщин, женитьбы, Кафка считал лучшим счастьем для себя болезнь, потому что она освободила бы его от необходимости зарабатывать. Он жил бы на сбережения родителей и писал книги.

Но к сорока годам он понял, что не написал те книги, которые стесняли его грудь, мучили его, и у него нет сил написать их; оказалось, что то, чего он до сих пор избегал, что отвергал, то, чего так боялся – это и было настоящим счастьем.

«Бесконечное, глубокое, теплое, спасительное счастье – сидеть возле колыбели своего ребенка, напротив матери» (19.01.22).

«Счастье молодых и пожилых женатых мужчин – моих коллег по канцелярии. Мне оно недоступно, а будь и доступно, оно было бы невыносимо для меня, и тем не менее это единственное, чем я склонен был бы насытиться» (24.01.22).

«Какое счастье быть вместе с людьми» (02.02.22).

Об этом же и в упомянутом выше «Письме к отцу»: «Жениться… принять всех рождающихся детей, сохранить их в этом неустойчивом мире – это, по-моему убеждению, самое большее благо, которое дано человеку».

Кафка переоценил написанное им и планируемое написать, явно не учтя свои силы.

Хотя ничего нельзя было изменить или вернуть, он умер со спокойной душой: «Я был мудр, потому что готов был умереть в любое мгновение, не потому что я выполнил все возложенное на меня, напротив, не выполнил ничего и не было надежды, что исполню хотя бы часть» (18.03.23).

У Кафки было заготовлено против смерти свое оружие – дневники (12.06.23).

2000

---

[1] Дневники Ф. Кафки цитируются по изданию: Франц Кафка, Дневники, Москва, 1999. Перевод – Евгении Кацевой.

ЗАВЕЩАНИЕ

Ранней весной умерла мачеха моего друга.

Перед смертью она обратилась к людям, стоящим вокруг смертного одра, с последней просьбой.

– Я завещаю… я прошу вас не приводить в дом мать этих детей. Кого угодно, только не ее…

Сказывают, в давние времена жили с мачехой брат и сестра, у которых рано умерли родители. Однажды вечером их теленок не вернулся с пастбища, и мачеха приказала падчерице и пасынку: «Идите и немедленно разыщите теленка! И без него не возвращайтесь домой!».

Дети целый день искали теленка и не смели возвращаться домой, боясь наказания. Так они добрели до леса. Наступил вечер. Дети устали, проголодались, озябли. Теленок все не находился. И тогда они решили разойтись. «Ты наше-е-л?!» – кричала сестра. «Не-е-т! А ты-ы?!» – доносился из чащи голос братца.

Наконец, отчаявшись, они взмолились: «О, Аллах, преврати нас в голубей, пока мы не найдем своего теленка. Тогда бы мы быстро нашли его. Ты же хороший».

И Бог пожалел их и превратил в голубей. Но теленок так и не нашелся.

Говорят, до сих пор они мечутся в поисках пропавшего теленка, боясь вернуться домой и перекрикиваясь часто: «Ты наше-е-л?!» – «Не-е-т! А ты-ы?!»

– Хьуна карийний?!

– Ца карийна. Хьуна карийний?!

Мачеха мучила моего друга, часто наговаривала, обвиняя в разных проступках, чтобы отец поколотил его. Поэтому ему нравилось жить у нас. Мы вместе спали, ели, играли и делали уроки. И уходил домой лишь поневоле, когда за ним присылали сестру.

Сестра была моложе и настолько напугана мачехой, что не смела слово сказать или ногой ступить без ее разрешения. И ни разу не пошла с нами к своей матери. Она была нашей дальней родственницей.

Когда мать покупала что-нибудь для своих детей, мачеха ругалась и отправляла все обратно, а бедняжки терпели нужду. Но добрые люди и соседи всегда присматривают за детками без матери, жалеют, помогают, даже если мачеха хорошая. Иначе бы они вырастали непутевыми.

Мы повзрослели. Мой друг стал более самостоятельным. К младшим братьям и сестрам он относился с любовью и добротой. Хотя они были не единоутробными, заботился о них. А родная мать, из-за любви к сыну и дочери, так и не вышла замуж.

– Когда вернусь из армии, я заберу свою маму домой, – говорил он.

Поразительные вещи случаются в этом мире. Его мачеха, такая молодая и здоровая, простыла и умерла в одночасье. Рассказывали, как она плакала перед смертью:

– Заклинаю… не приводите ее в этот дом. Кого хотите, только не ее…

У нее осталось пятеро несовершеннолетних детей.

1986

УЧИТЕЛЬ

Вернувшись из города, я включил телевизор и с книжкой в руках прилег на диван. Даже в выходной день нечего посмотреть! И я принимаюсь читать дневники Бунина.

Будущее литературы, как Толстой и Сенкевич, он видит в жанре дневников. Местами Бунин высказывает недовольство современниками: Брюсовым, Блоком, Андреевым, Белым, Горьким, Куприным, Ремизовым, Есениным, Зощенко… Пожалуй, всеми русскими писателями, за исключением Толстого и Чехова. Будь они его ровесники, он и ими остался бы недоволен. Но им повезло: они уже завершили свою писательскую карьеру.

Если такой художник, как Бунин мог заблуждаться в оценке творчества современных ему писателей, наши деятели культуры никак не поймут, что они не могут являться мерилом всех видов и жанров искусства. Часто зависть мешает справедливой оценке творчества того или иного писателя-современника. Порой, о произведении судят, исходя из личных взаимоотношений. Или незаслуженно хвалят, или намеренно говорят о незначительности таланта. Нередко даже понимание этой значимости не способствует сближению и справедливой оценке.

В то время, когда многие пишут о больших достижениях в производстве и высокой нравственности «придуманных» героев, я предпочитаю писать невыдуманные рассказы. Это не нравится чиновникам от литературы.

Что ж, пусть каждый по-своему решает: о ком и о чем писать.

Каким бы стилистом и высокохудожественным писателем ни был Бунин, сегодня его читают из-за произведений о любви. Если бы он писал о другом, я бы не читал его.

Когда на экране появляется «Художественный фильм», я откладываю книгу. «Первый учитель». По одноименной повести Чингиза Айтматова.

Сегодня мы по-другому воспринимаем историю и переоцениваем ценности. Нужно ли было Дюйшену оставаться одному, отправив Алтынай в город? Что было главное? Судьба двух влюбленных или то, чему он не научит детей? С трудом верится и в то, что еле освоившая грамоту в шестнадцать лет Сулайманова (в фильме это опущено), стала академиком. Разве что, правительство широко открыло перед ней двери, как первой «свободной» женщине Востока. (Такая уж у нас была политика!)

Наверное, повесть и кино выиграли бы, если бы Дюйшен, подобно своему американскому тезке и коллеге, навсегда ушел бы из кишлака со своей любимой. (Возможно, сюжет Айтматова возник после чтения рассказа «Млисс» Френсиса Брет Гарта.)

Прав ли Айтматов, заставляя Дюйшена вырубить тополь, символизирующий национальное прошлое? Разве и сам он не ставит сегодня в своих романах вопросы о морали и нравственности?

Срубленный тополь, силой вырванная у мужа и отправленная в незнакомый город молодая жена – это попытка навсегда покончить с «темным» прошлым и построить «светлое» будущее. Если бы Алтынай знала, что Дюйшен не женится на ней (а ведь она любила его, и потому пошла за ним, нарушив вековые традиции!), как знать, возможно, она и осталась бы с мужем, пусть даже не первой женой.

Хорошо, ей повезло. Удалось достигнуть больших успехов в жизни, стать академиком. Но что ожидает других: силой пропаганды и агитации вырванных у мужей? Сколько найдется молодых девушек, готовых последовать примеру Сулаймановой? Разве не жаль их, не девственниц и незамужних?..

Алтынай – главная героиня фильма напомнила мне моих бывших учениц.

Три года я проработал в школе-интернате.

Три года – три выпуска.

Самый молодой из преподавателей, я часто замечал, как девочки из старших классов тайком улыбались мне.

Я не давал им для этого никакого повода. Просто у них был переходный возраст. Но я понимал, что это ни к чему не приведет. В свое время я тоже влюблялся в молоденьких учительниц. По молодости и наивным представлениям о любви. Это обычное явление в нашей жизни, когда неопытные девочки влюбляются в молодых учителей, а мальчики – в очаровательных красавиц. Но ни с кем из них, кроме одной, я не был откровенен.

– Окончив школу, поступишь куда-нибудь и забудешь меня, – говорила она.

– Нет, зачем ты это говоришь? – отвечал я.

– Знаешь, какие красавицы в городе!

– Ну и что? Мне нужна только ты.

Реальная жизнь намного грубее, чем представляется в юности. Я знал, что и мои ученицы, выйдя из стен школы-интерната, также забудут меня, когда увидят большой мир. Тогда же весь мир они видели во мне…

Ни осенью, ни зимой я не получил письма от двух, тайком улыбавшихся девочек.

Начался новый учебный год. Место двух уехавших заняла третья, зная, что во всей школе некому с ней соперничать в красоте.

Как быстро девочки взрослеют за год!

Иногда она посылала записку. Я не отвечал. Ни во время, ни после уроков не вел с ней лишних разговоров. Но, уважая ее чувства, не старался отпугнуть ее. Это и не помогло бы, напротив, она обиделась бы и замкнулась в себе. Не учила бы уроки и стеснялась отвечать. Не выделяя ее из класса, я относился к ней очень бережно, предоставив времени вылечить ее. А однажды, как бы шутя, и намекнул:

– Не переживай сильно, все пройдет.

– Нет, – возразила она.

– Но есть же примеры, – сказал я.

Она понимала, кого я имею в виду.

В классе сидела и ее подруга. Наша доверенная.

– Мы – не они, – сказала одна.

– Честное слово, – подтвердила другая.

Я это слышал не в первый раз. Но они не могли этого знать. На 23 февраля она подарила мне белую рубашку и носовой платок. Отказаться от подарка – значило бы обидеть ее. И как-то неловко… А не подарить что-нибудь на 8 марта, решили бы – скупой. Мама достала из своих запасов красивую материю и сказала:

– Подари ей эту ткань. Жалко девочку.

Она сшила себе из нее платье. И почему-то казалась в нем ближе, чем в школьной форме.

К концу четверти они попросили сфотографироваться вместе.

– Сходим как-нибудь, – обещал я.

Они несколько раз повторили просьбу. И мы сходили в фотосалон. Я сел на стул, они встали по обе стороны. Попытались даже заплатить фотографу.

Наступили каникулы. Их класс оставили на практике. Учителя и воспитатели до часа оставались на работе, таская туда-сюда столы и парты. Ездили на прополку, на бахчу.

Правда, у нас взаимоотношения молодых очень усложнены. Ее-то, в случае чего, люди оправдали бы: подросток, не знает, что делает.

Все решили бы, что я обманул, соблазнил. Чтобы не давать повода для пересудов и сплетен, приходилось остерегаться. Иногда, неизвестно откуда, приходила мысль: «А ведь она была бы хорошей женой». Ее любовь была светлой и чистой. Потом, взрослые девушки, которые полюбят меня, будут любить по другим причинам, думал я. У каждой из них будет свой, сложившийся характер. И до нашего знакомства, наверняка, за ними ухаживали парни. Хотя, может, одна сочтет меня лучшим...

Но лучшей жены я не мог и желать. Она была как пластилин в моих руках. И я мог сформировать ее такой, какой хочу видеть собственную жену. Но еще несколько лет я не намерен был жениться. Вышло так, что ей тоже пришлось уехать, не увидев меня и не попрощавшись. Остались только фотографии…

Начался третий учебный год.

Среди повзрослевших опять была одна.

Больше, чем преподавателя, девочки во мне видели холостяка и возможного жениха. Предвидя печальный конец этих историй, я не мог, несмотря на сочувствие, обманывать их. Надо бежать из школы! Дальше невозможно терпеть! Работа должна приносить, если не материальное, то хотя бы моральное удовлетворение. На должности учителя и от голода не помрешь, но и не будешь жить, как нормальные люди. И я уволился…

Я часто читаю свои рассказы друзьям, которые хоть что-то смыслят в литературе. Некоторым они очень нравятся. Другие часто задают один и тот же вопрос:

– Что ты хотел сказать этим рассказом?

И каждый раз я не знаю, что ответить.

Ты посадил деревце. К чему комментарии?

Одинокий путник в знойный день пожелает отдохнуть под его тенью. Со временем оно даст людям плоды и свежий воздух.

А если не суждено – погибнет. Но некоторые стараются сломать его, вырвав прямо из твоих рук, пока оно еще не пропиталось соками земли. Может, они боятся, что в общечеловеческом саду расцветет и твое дерево, что твое яблоко будет слаще? Но, если их дерево плодоносит яблоки, твое – груши. Если они взрастили грушу, ты – орех. Орех тоже горек, если откусить скорлупу и не каждому по зубам. Кто хочет познать вкус ореха, должен добраться до ядра…

1988

О ГОРДОМ ЗАКРИ

Предисловие

Ко мне пришла племянница Малика, чтобы подготовиться к экзамену по чеченскому фольклору. С детства увлеченный устным народным творчеством, я детально ответил на все ее вопросы. Затем подумал: «Если все это записать, можно и учебник составить. Чего же ждут наши ученые?».

Интересная картина получается! Студенты национального отделения вынуждены читать книги на русском языке, чтобы сдать экзамен на чеченском. Неужели этот учебник по чеченской фольклористике должен написать я, учитель сельской школы-интерната? Не потому ли я и оказался здесь, что нигде больше не нашел работу? Директор приходится зятем. Иначе скитался бы до сих пор. Свободный писатель…

– Нам сказали, что для допуска к экзамену надо записать что-нибудь из фольклора: сказки, были, анекдоты, религиозные песнопения.

– У вас же летом будет практика?

– Да. Обещали, если мы принесем эти записи, достаточно будет ответить на один вопрос.

– Это выгодно и ему, и вам.

– Расскажешь?

– Давай напишу?

– Было бы здорово!

– Кто ваш преподаватель?

– Мунаев.

– Исмаил?

– Да.

Я окончил университет в прошлом году, но мысленно остался привязан к этому храму. Особенно с большой те-

плотой вспоминаю время, проведенное в аудитории вместе с Шарани Джамбековым, который был для своих студентов не только преподавателем, но и другом.

– Шарани в отпуске?

– Скорей бы он вернулся! Все говорят, что он лучший!

– Он, смеясь, ставит двойки.

– Почему?

– По доброте душевной.

– О, Аллах! Что же нам делать?

– Надо учить.

Когда она прошла в соседнюю комнату, я сел писать. Я вспомнил Гордого Закри, по прозвищу «Князь Закри». В книге Умара Ахмадова «Шуточные рассказы и старинные были» (Грозный, 1982 г.) есть про него три рассказа: «Князь Закри» (о хождении в лес по дрова), «За столом» (про галушки), «Странная смерть» (кончина из-за любимой девушки). Во всех этих трех сюжетах у нас с Ахмадовым есть некоторые отличия или расхождения, потому что, как он сам пишет, «народная фантазия широка и глубока». Причиной возникновения различных вариантов может быть и то, что эти рассказы до последнего времени не были записаны и опубликованы. Люди, пересказывая друг-другу истории, вносят свои дополнения, изменения, когда что-то забывают.

Кто он, где родился и жил Закри?

Некоторые рассказывают, что он автуринец. Слышал я, что он был из тейпа «чартой». Жил он, по-видимому, во 2-й половине XIX и в 1-й половине XX веков.

Но главное даже не в этом.

В разные годы в нашей районной газете выходили статьи профессора Виталия Виноградова. Однажды он написал, что Бейбулат Таймиев родом из села Майртуп. Затем, что он из Шали. (Естественно, у читателей возникли разногласия!) Недавно в газете «Знамя Коммунизма» тот же автор пишет на эту тему очередную статью. Оказывается,

что жители многих населенных пунктов республики считают Бейбулата Таймиева выходцем именно из их села.

– Так откуда же он был родом? – задается вопросом Виталий Борисович.

Поэтому, считаю необходимым еще раз уточнить: главное – не в том, когда и где родился тот или иной национальный герой (конечно, знать это полезно!), суть в том – каким он был человеком. Семь греческих городов боролись за право называться родиной Гомера. В истории немало таких примеров. Если бы они не были достойными людьми, кто бы сегодня оспаривал их происхождение? Завистливые, кичливые, подлые, жалкие людишки не нужны никому: ни шалинцам, ни майртуповцам, ни курчалоевцам…

И тут я подумал: «Нельзя допустить, чтобы эти рассказы пылились где-то в архиве, дожидаясь, что через сотню лет, возможно, рука исследователя докопается до них. То, что вовремя не записано с указанием имен героев и автора, превращается в сказку: жил-был, говорят, некий Мулла-Насреддин… Раз уж я решил написать о Гордом Закри, почему бы не опубликовать эти заметки и сделать достоянием людей?»

Эти миниатюры могут представлять интерес как для юных читателей, так и для более взрослых. Будет что рассказать на досуге. Кто знает, может быть, еще живы и потомки Закри.

Так появились двенадцать рассказов, «Предисловие» и «Послесловие».

В лесу

Никто не верил Закри. Даже родной отец. Ему порядком поднадоел характер сына. Что не поручишь ему, все делает одной рукой! А вторая – всегда на боку. Гордый! Дурной нрав, считал отец. Глупое чванство!

Однажды он послал Закри в лес за дровами, желая испытать его. Закри считал любой физический труд унизительным для своего достоинства. Но не стал перечить отцу. Одной рукой запряг лошадь и, подбоченившись, выехал со двора. Отец тайком последовал за сыном, решив уличить его в притворстве. Но увиденное поразило его! Закри, упершись рукой в бок, другой рубил сухие ветки и подтаскивал их к телеге. Отец молча вернулся домой и больше не принуждал его к работе, предоставив сыну полную свободу.

– Такова, видимо, воля Божья, – решил он.

Скромность

Закри был высокого роста. Тонкий стан, большие усы. К еде неприхотлив. Какие бы яства не стояли перед ним, он всего лишь два-три раза откусывал. В гостях, чтобы не обидеть хозяина, он разрезал пополам яичный желток и довольствовался одной половинкой. Как бы долго не длились свадьба или вечеринка, Закри не вставал с места. Не менял даже позы, словно был изваян из камня. Сидел он, обычно, запрокинув ногу на ногу. Выходить из общей комнаты считал неприличным, боясь, что его кратковременное отсутствие может быть истолковано превратно. (Нелегко человеку идти по избранному пути, никому не давая повода злословить. Поэтому, наверное, народ и почитал его. Сегодня некоторые поступки Закри могут показаться высокомерными или глупыми. Настолько меняются со временем обычаи, традиции и сознание народа).

Но находились еще те, кто не верил Закри.

«Как можно жить, так мало питаясь? Разве он не человек?» – думали они.

Одной из них была соседка Закри. Одинокая старушка. Она позвала Закри будто бы по делу. («Трудно женщине, когда в доме нет помощника».) Затем сказала, что не отпустит, пока не отведает ее лепешек с творогом.

Поставила перед ним блюдо и вышла, сказав:

– Ешь спокойно, не стесняйся. Я должна зайти к соседке.

Сделав вид, что уходит, спряталась под окном и стала подглядывать. Закри медленно взял ломтик лепешки и съел. Немного подумав, съел еще кусочек. Еда была вкусной. Закри протянул руку в третий раз… Соседка ликовала. Но Закри отодвинул поднос и произнес:

– Бессовестное брюхо. Стоит чуточку расслабиться, а тебе еще хочется.

Оттуда идет чеченская поговорка: «Мужчина как на людях, так и наедине должен быть скромен в еде».

Мужчина

Закри никогда не раздевался перед сном и не ложился в постель, позволяя себе только прилечь.

– Почему ты не спишь спокойно, сняв верхнюю одежду? – спросили его.

– Не подобает мужчине искать в потемках штаны, когда в ночи кто-то зовет на помощь, – ответил он.

Сахар

Закри опускал кусочек сахара в чай и вытаскивал его со словами:

– Сладость ушла из тебя.

Собачий нрав

– Мы заставим его поступиться своей гордостью! – решили товарищи Закри.

У каждого достойного мужчины бывают враги, недоброжелатели и завистники. Они сговорились при случае натравить на него собаку. Как-то после вечеринки друзья

расходились по домам. Закри с товарищем, который шел впереди, стали подходить к мосту, кто-то сзади спустил с цепи пса. Собака сходу набросилась на Закри и стала кусать его за ноги. Закри не растерялся и продолжал идти, не обращая внимания на налетчика.

– Закри! Отгони же эту собаку, она загрызет тебя! – прокричал товарищ.

– Она проявляет свой собачий нрав, – ответил Закри, – не могу же я уподобиться дворняжке.

Делать нечего, товарищу пришлось отогнать собаку.

Револьвер

– Закри, зачем ты носишь револьвер? Боишься, что в драке врага не осилишь? – спросили его.

– Я его ношу для того, чтобы выстрелить в подлеца, умыкнувшего девушку, если не смогу его догнать, – ответил Закри.

(Правда, эти же слова приписываются также одному притеречному шейху. «Для чего богослову револьвер?»)

Конь

Был у Закри замечательный скакун, которым он очень дорожил. Кумыкские князья, словно испытывая его, предложили:

– В обмен на твоего коня даем тебе целый табун лошадей.

– Я не пастух, – ответил Закри.

Самообладание

Однажды, когда Закри гостил у кумыкских князей, кто-то вошел и сказал:

– Конь нашего гостя лежит на земле и подыхает.

Все обернулись к гостю. Им была интересна реакция Закри, зная его любовь к четвероногому другу. Закри бесстрастно, словно речь шла не о его любимом коне, изрек:

– Назвать конем для него большая честь, на привязи у меня стоял ишак.

Княжна

Однажды, когда Закри был на пирушке с кумыкскими князьями, в комнату вошла княжна. Все встали, а Закри не шелохнулся.

Один из князей заметил:

– Вошла княжна, все князья встали. А ты – нет. Ты даже не князь! Что за неуважение?

– У вас возле каждой лужи, где встречаются две лягушки, есть князья и холопы, – ответил Закри. – У чеченцев нет холопов. Мы все князья. Что касается девушки... Да почтит ее Аллах!

Щедрость

Одинокой, растерянной женщине, у которой пропала скотина, Закри подарил свою единственную корову.

(В этом небольшом рассказе заложена большая мудрость. Кто более щедр: тот, кто дает немного от многого или тот, кто дает много от немногого?)

Князь Закри

Среди народа, который видел и знал обо всех поступках и высказываниях Закри, пошла молва: «Гордый Закри», «Князь Закри».

Однажды ему сообщили, что к нему в гости собираются кумыкские князья. Закри был опечален известием. У него не было возможности достойно принять гостей.

– В чем дело? Чем ты озабочен? – спросил его друг.

(Некоторые считают, что это был Али Митаев. Если это верно, тогда, действительно, Закри был автуринцем.)

– Я боюсь опозориться, – сказал Закри. – На сердце неспокойно, что не могу оказать им достойный прием, который они часто оказывали мне.

– Всего-то? Это не беда! Да избавит нас Аллах от худшего! – успокоил его друг.

Он был зажиточным человеком. Имел большой двор, добротный дом. Что он сделал? Прежде всего, освободил жилище от домочадцев, отослав жену с детьми к родителям, пока гости не уедут. Затем весь двор устлали коврами. Поставили широкие и длинные столы. Приготовили разные вкусные кушанья. И вместе с родичами на конях встретил гостей на окраине села.

Три дня и три ночи пировали гости, а подростки обслуживали их. Уезжая, кумыкские князья сказали:

– Закри, ты и вправду оказался князем!

Смерть

Смерть Закри люди описывают по-разному.

Вариант 1. Несколько раз Закри, случайно услышал, как женщины судачат:

– Закри уже не тот, что прежде.

Однажды он споткнулся и упал. Девушка, проходившая мимо, спросила:

– Не больно ушибся, старик?

– Нет, но твои слова причинили мне боль, – ответил Закри.

Это сильно ранило его сердце. Чтобы сохранить свое имя и не перечеркнуть свои дела, Закри застрелился из пистолета.

– Надо оставить этот мир, когда он отворачивается от тебя.

Вариант 2. Закри не был женат. (С позиций сегодняшнего дня нам трудно судить о многом. Но причина его холостяцкой жизни, если верен 2 вариант, видится в супружеском долге. Очевидно, он считал, что, разделив ложе с женой, он потеряет первозданную чистоту тела и души.

Этому мнению созвучно и поведение другого фольклорного героя – Чоры. Когда у него спросили:

– Чора, почему ты не женишься? – он ответил:

– Тех, кто ходят по земле, я не люблю, а тех, кто витают в небе, не существует. (Шима Окуев. «Чора», Грозный, 1969, 85 стр.)

И все-таки, Закри суждено было испытать горечь любви. (То ли сожалея об ушедшем времени, когда думал, что никогда не состарится, то ли до сих пор не встречал девушку своей мечты.)

– Пошла бы она за меня? – спросил Закри у свахи.

– Пойду, когда все пойдут, – ответила девушка.

(В смысле, приду на похороны.)

Закри не стерпел такого оскорбления, вернулся домой и принял смерть.

Вариант 3. По другим сведениям, поводом для смерти послужило заражение от укусов собаки. Когда боли усилились и терпеть боли стало невмоготу, Закри стал отстреливать себе пальцы ног и приговаривать:

– Какой же ты трус, однако!

Послесловие

Завершая повествование о Гордом Закри, хочется сказать, я нисколько не сомневаюсь в том, что образ Закри не выдуман народом.

Но может ли человек обладать таким духом?

Приведу другие примеры.

Мой прадедушка по матери Муслим Эпендиев из Шали, был известным в Чечне и Дагестане народным це-

лителем. Бесплатно лечил больных. Он досконально знал о полезных свойствах трав, место и время их цветения. В каких пропорциях и как готовить то или иное снадобье. Ничего удивительного, ведь его предки были исламскими учеными, шейхами. К тому же он считался лучшим учеником Хож-Али-Хаджи, известного алима из села Гехи.

Есть хадисы о том, что пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует!) и его сподвижники для приглушения чувства голода привязывали к животу камни.

Я слышал от старших, что из-за ежедневного поста, у Муслима была очень тонкая талия и ему приходилось носить маленькую подушечку, чтобы на поясе держался ремень.

Кунта-Хаджи Кишиев из Иласхан-Юрта, Дохтукаев Янгульби-Хаджи из Курчалоя и Товмирзаев Чиммирза из Майртупа, как и многие чеченские авлия, много дней и ночей провели в халбате, отрешившись от всего земного. (Халбат – это уединение, своего рода келья суфия, погреб, где человек ведет аскетический образ жизни, предаваясь молитвам и размышлениям об Аллахе.)

Улхаев Шамиль, сын Баи, рассказывал:

– Мне было около четырнадцати лет, когда нас выслали в феврале 1944 года. И стар и млад, мужчины и женщины вместе находились в товарных вагонах.

Ехали мы около двух недель. Много было остановок в пути. И все это время мой отец Баи просидел на одном месте, не притрагиваясь к пище. Иногда наш эшелон останавливался, пропуская другие поезда. Попытка выйти по нужде приравнивалась к побегу. Кара была жестокой – расстрел! Не давали хоронить умерших и убитых. Едва успевали присыпать трупы снегом, как состав трогался с места. Много девушек и молодых женщин скончалось в пути от разрыва мочевого пузыря. Теперь я понимаю, почему отец отказывался от еды…

Баиев Усман рассказывал:

– Как-то мой дед купил на базаре великолепного скакуна. Случайный встречный восхищенно воскликнул: «Счастливчик! У меня-то никогда не будет такого коня». Услышав эти слова, Баи слез с коня и подарил его тому мужчине.

В истории всех народов бывают периоды, когда они начинают высмеивать то, что когда-то казалось великим и славным. Видимо, поэтому появился и следующий анекдот.

Однажды, в студеный зимний день, на улице стоял человек. Голодный, одетый бедно и не по погоде, он весь дрожал от холода. На поясе у него висел пистолет.

– Зачем тебе пистолет? – спросили его.

– Чтобы выстрелить, оказавшись в бедственном положении, – ответил он.

– Можешь смело стрелять! – сказали ему. – Вряд ли ты дождешься более тяжелого дня.

Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым, писал Маркс. Яркий тому пример – «Война мышей и лягушек», как пародия на доблесть и военные подвиги древних греков, воспетых Гомером в «Илиаде».

В нашем селе тоже есть мужичок, которого люди зовут «Гордый Закри». Хоть и невелик ростом, но с большим гонором. При словесной перебранке кто-то пригрозил ему:

– Растопчу!

– Не забудь снять обувь! – ответил Закри. Мол, для него это будет хороший массаж.

Впервые про Князя Закри я услышал от своих друзей: Шарипа Цуруева и Лемы Абдулкадырова из Герзеля, Асланбека Абдулмежидова из Нойбера и других.

Исрапил Музаев – старейший житель не только Курчалоя, но и всей Чечни. Участник русско-японской войны, он много чего знал и повидал на своем веку. Будучи студентом, я пару раз бывал у него. Несмотря на старческий

возраст (ему давно перевалило за 100 лет!), у него была отличная память. Меня интересовали история и топонимия нашего села. И тогда же, не удержавшись, спросил его о Гордом Закри. Исрапил поведал мне несколько рассказов о нем.

Закри был худощавым и ловким мужчиной, постоянно носил черкеску и бешмет. На правом плече висело ружье, а на поясе – сабля.

Один из богачей, желая высмеять Закри, спросил с подколом:

– Отличное ружье! Закри, откуда оно у тебя?

– Я забрал его у такого, как ты! – ответил Закри.

Закри часто бывал в разъездах, на кумыкских землях и за Тереком.

– Что нового за Тереком? – спросили у Закри. – Много ли коней ты видел на выпасе?

– За Тереком я оставил всего лишь пару жеребых кобыл! – ответил Закри.

О случае во время танца княжны, Исрапил рассказал, что это было в Брагунах. Когда на танец вышла княжеская дочь, все встали, кроме Закри. Князья послали к нему человека, прося, чтобы он подошел.

– У кого есть ко мне дело, пусть сам подходит, – ответил Закри.

Один из офицеров подошел и сказал:

– Когда княжна вышла танцевать, все встали, один ты не встал. Почему?

– Вы лишь князья нескольких холопов, живущих среди этих болот. А я князь целого края! – ответил Закри.

О смерти Закри Исрапил сказал:

– Услышав сплетню, что он признался в любви замужней женщине, Закри не вынес этого и застрелился.

Собираясь на зикр, старики любят вспоминать былое: и тяготы жизни во времена высылки, и дела давно минувших дней… Какой бы тяжелой она не была, молодость

вспоминается всеми в радужном свете. В один из таких вечеров я услышал от Хамзата Закриева:

– Когда автуринцы распределяли земельные наделы, Закри взял себе пойму реки Хуло. Люди, смеясь, отдали ему этот участок. Со временем, когда жизнь начала налаживаться и люди стали строить жилище, пришлось идти к реке собирать камни. И тогда Закри начал собирать дань с тех, кто вчера посмеивался над ним. И хорошо зажил.

Абдулмежидов Асламбек как-то заметил: «Мог ли он знать о том, что люди так много будут говорить о нем?».

Наверное, знал!

В отличие от бездарных проходимцев, поэты, философы, настоящие мужчины равнодушны к мирской суете, к богатству и связанным с ним благам, к самой жизни и смерти. Настоящий поэт, философ и мужчина независим от ложных ценностей своих современников. Он всегда будет дистанцироваться от власти, которая угнетает народ, обманывает его и сеет вражду между людьми. Любовь к истине, стремление постичь его, ограждает таких людей от всяких преступных замыслов и жестокости. Иначе, зачем принял чашу с ядом Сократ? Каждый человек сам создает свое имя, свой имидж. Дела и поступки действительные или показушные – все это проявляется со временем. Если бы Гордый Закри был поэтом, он, наверное, сказал бы:

– Я памятник себе воздвиг нерукотворный!

Вчера вечером, когда я печатал эти рассказы, к нам в гости пришел друг моего отца Дукка Мусаев. Уже много лет, с первых дней болезни отца, он читает ему Ясин. Еще в царские годы они вместе окончили медресе. После инсульта отец потерял память, но чтение Корана благотворно влияет на него. Я зашел к ним, когда они пили чай и в разговоре, как-то спросил:

– Дукка, ты слышал что-нибудь о Гордом Закри?

– Как же? Он был двоюродным братом моей матери.

– Расскажи о нем, что ты знаешь, – попросил я.

По его словам, Закри был рослым человеком, с пышными усами. Даже летом носил бурку. В гостях ничего не ел, только делал два-три глотка чаю. Больше ничего нового я не услышал, только известные уже рассказы.

– Я тогда был молодым, – сказал Дукка.

– А мать откуда была родом?

– Из Автуров.

Размышляя о судьбе Закри, я задаю себе вопросы.

Кем он был для своих современников: чудаком, рыцарем, комиком или своего рода Дон Кихотом, гордецом или безумцем?

Что им двигало: истинное или ложное эго?

Думаю, он был очень несчастным человеком. Еще в юношестве, поверив в свою особенность, ему пришлось нести это тяжелое бремя. И на людях, и наедине с самим собой. В конце пути он пережил глубокое разочарование в людях и в самой жизни...

Аллах знает лучше!

1989

АВТОПОРТРЕТ

Пролог

Листаю критические материалы редакционной коллегии журнала «Иностранная литература».

Как отметил Белинский, критические и библиографические страницы читают теперь раньше повестей. В литературе настал век сознания, считал он. А для меня, более того, это оружие.

Говорят, что Чехов был скромным. (Клянусь, не сладко бы ему пришлось, живи он сегодня среди чеченцев!) Ни одна газета не напечатала бы его рассказы. Вместо того чтобы выделить положительное в твоем рассказе, редакторы начинают искать недостатки. Им нужны готовые шедевры. Каждый сравнивает твое произведение с творчеством любимых и уважаемых им писателей. Один рассказывает о Фолкнере, другой – о Моравиа или Маркесе, третий – о Кафке или Прусте.

– Вспомни «Грамматику любви», – говорит Ислам Эльсанов. – Какой чистый рассказ! Ты читал Бунина? У тебя все слишком открыто, голо. В общежитии литинститута было много студентов, писавших, как ты. Но это не литература, и не имеет будущего. И еще, почему ты даешь оценку происходящему? Какое право имеет автор оценивать того или иного героя?

Иногда я удивляюсь. Как они могут создавать себе кумиров из одного или двух писателей? Я бы их понял, если бы они не были творческими людьми.

Да, я читал и люблю Бунина. Но я знаю его не только по «Грамматике любви», но и как автора рассказов «Руся», «Натали», «Галя Ганская», «В Париже». Неужели и я должен начинать с таких произведений, как «Суходол» и «Грамматика…», чтобы потом, в старости, написать «Митину любовь» и «Темные аллеи»?

Что бы ответил Бунин, на предложение писать, как Пушкин, Толстой или Чехов? Какими бы хорошими писателями они ни были.

Как воспринял бы Пушкин, если бы критики по поводу «Евгения Онегина» возразили:

– С каких пор девушки первыми пишут любовные письма? О чем ты говоришь? Посмотри на «Бедную Лизу» Карамина. Какой благородный рассказ!

Как воспринял бы Гоголь слова:

– «Невский проспект»? То, что ты идешь по проспекту и записываешь все, что видишь еще не литература. Литература – это вымысел, а не копирование жизни!

Так можно извратить любого писателя. Примеров не счесть. Но литература состоит не только из Гомера и Толстого. В литературе есть Овидий и Мопассан. Дон Кихот или Дон Жуан ничуть не хуже Ахиллеса или Наполеона!

Нет такой книги, которую я не читаю. Все, что подвернется под руку. Но никогда не выделял из них одну или две. И чеченская литература меняется с каждым днем. Скажем, делает успехи. Я читаю и Ахмадова, и Эльсанова. И стараюсь понять их. Видел, как читатели критиковали их. (Но это не мешает им издавать свои книги.)

Удивителен этот мир! Может, и они считают, что их никто не понимает. Наверное, об этом стих Лукиана:

Все это я, Лукиан, написал, зная глупости древних.
Глупостью людям, порой, кажется мудрость сама.
Нет у людей ни одной безупречно законченной мысли.
Что восхищает тебя, то пустяки для других.

1

Не хочу, чтобы люди считали пустяком то, что я считаю делом своей жизни. Если критика в мой адрес – это Дамоклов меч, на мне должна быть «броня» знаний. Поэтому читаю не только художественную литературу, но критические и литературоведческие работы.

Поразительно, до чего могут ошибаться критики и историки литературы в оценке писателя. Белинский умер с сожалением, считая, что он переоценил молодого Достоевского. Долгое время во Франции держалось мнение, что гений Бальзака «начинается с изображения вульгарного и порочного» (Лансон). Но цель писателя быть не увеселителем публики, а улучшать нравы своего времени, считал Бальзак.

Нужно громко говорить о болезнях современного общества, чтобы вылечить его, утверждал Золя. И я придерживался этой концепции. Но у наших издателей и критиков другое мнение.

…Я начал свою одиссею с редакции газеты «Знамя коммунизма» (Шалинский район). Хамид Хатуев переехал на работу в Грозный, сказали мне. «Отделом культуры» заведовал Абу Уциев. Пародист.

Я дал ему несколько рассказов. Намереваясь выпустить около двадцати рассказов, прежде чем отдать в книжное издательство, я хотел узнать, как люди их воспримут. Районная газета показала бы это.

– С уходом Хамида работа нами не заброшена, – рассказывал Абу.

Пригласил на ежемесячное собрание литературного объединения. Там я нашел нескольких товарищей. В том числе и Сайд-Али Юсупова, лет 50. Его короткие рассказы вышли в свет в коллективном сборнике «Солнце в глазах» (1986 г.). Его считали здесь главным специалистом по прозе. Особенно перед начинающими.

Мне предоставили слово. Я прочитал небольшой рассказ о злой мачехе, о нелегкой судьбе брата и сестры, рано лишившихся родителей. Скорее, это была миниатюра или притча, основанная на реальных событиях, с использованием фольклорных мотивов. Началось обсуждение. Первым высказался Сайд-Али.

– «Не надо показывать на стене ружье в первом акте пьесы, если оно не выстрелит во-втором», – сказал Чехов.

Так уж заведено у людей: вместо того, чтобы молчать, когда нечего сказать, они начинают цитировать классиков. Он только начал, я закончил начатую им цитату. Давая понять, что ничего нового он не сказал.

– «Краткость – сестра таланта». Это тоже слова Чехова, – добавил я. – Но, если придерживаться этой концепции, мы должны перечеркнуть многое в творчестве Бальзака, Диккенса, Достоевского, Теккерея, Т. Вулфа и многих других.

Один молодой человек, заикаясь, сказал, что ему очень понравился мой рассказ. Другой согласился с ним.

– Ребята, подождите, ребята, – сказал Абу, – когда троечетверо заговорили одновременно. – Сайд-Али хорошо разбирается в прозе. Говорю это не потому, что он здесь. Послушайте его.

Стихи. Пародии. Разговоры. Пародии Уциева намного лучше его юмористических рассказов. Записать народные рассказы может каждый, а чтобы сочинить хорошую пародию нужен талант. Но, к сожалению, и он еще не нашел дорогу в издательство. (Или надо работать редактором издательства, чтобы выпустить книгу?). Особенно мне запомнилась его, даже не пародия, а трагедия пишущего человека: «Если можно, разрешите стать поэтом».

Не знаю из-за каких побуждений мы не даем сбыться тому, что могло бы случиться. Мой рассказ тоже мог выйти. Я долго ждал его. О двадцати и речи не могло быть. Ни один не опубликовали. Позднее, когда я уже разоча-

ровался в этой затее, на литературной странице я увидел свою фамилию. Трудно судить, чья это была заслуга: то ли зятя, работавшего в этой редакции; может, друга, бывшего с ними в хороших отношениях; или повлияло то, что меня начали издавать в городе. Я и не старался разузнать. Теперь уже было все равно.

2

Вместо того, чтобы удовлетворять свои желания и потребности, я пишу о них, говорил Бальзак.

Так и я, из-за дефицита книг любимых писателей, читаю о них. Д. Затонский, Г. Злобин, Т. Григорьева, А. Зверев, В. Лакшин, С. Микоян. Литературоведы, переводчики, ученые, критики...

«Голос автора и проблемы романа».

Роль писателя и его позиция.

Это одно и то же? Или есть разница? Писатель должен знать все (Бальзак, Толстой, Достоевский), или должен быть как Всевышний вездесущим и невидимым (Флобер)? Или нужно писать от первого лица (Моравиа), согласно сегодняшней концепции?

Ради чего трудится писатель?

Ради денег? Ради славы? Или как Джон Хинкли, стрелявший в Рональда Рейгана, чтобы кому-то понравиться или удивить кого-то?

Позиция у писателя одна. Роль он часто меняет. Тем более, если пишет от первого лица. «Я» писателя иногда обманчиво. И не имеет ничего общего с автором. Моравиа и Зощенко, по желанию, становятся высокими и низкими, продавцами, официантами, безработными, бухгалтерами, актерами, солдатами… Писателю необходимо обладать большим мастерством, чтобы войти в образ каждого своего героя и говорить от его имени.

Но есть и другая сторона.

Было бы не совсем серьезно писать: «Я – Наполеон…» или «Я – Ричард Львиное Сердце». Поэтому, пока существуют исторические романы, скажу вкратце, пока существует реализм, будет жить и форма третьего лица – «он».

Хотя, большей частью, «я» – это сам автор, не всегда приятно говорить о некоторых вещах от своего имени. (Ведь и он живет среди людей). К тому же, это касается не только одного писателя. Много людей на свете с одинаковой судьбой. Так рождается «он». Вариантов много.

С каждым годом шлифуется мастерство, писатель набирается опыта. Если раньше он брался писать только об увиденном или испытанном, теперь ему достаточно где-то услышать или прочитать газетную строчку, чтобы сделать из этого рассказ. Такое «я», это надо различать, всего лишь одна из форм творчества. Каждый день, каждая минута дают ему сюжеты.

Все его помыслы об одном. О творчестве. Творить. Искать. Болеть сердцем. Опять писать. Он не успевает осуществить все замыслы. Умирает. Другой, идущий следом, как революционер, подхватывает и несет высоко, выпавшее из его рук знамя. Ради памяти павших, для блага живущих и будущих поколений он поднимает знамя еще выше. Несет его. Пока сам не падет.

Возможно, он не знает всего, но обязан знать, чего он хочет и что хочет сказать. Это и есть главное.

Хотя в жизни я чистый романтик, в творчестве – холодный реалист. В «Студенческих рассказах» я писал от первого лица по двум причинам. Во-первых, «он» – позиция всезнающего автора; во-вторых, «я» – сближает автора с читателем, позволяет опускать то, чего не знаешь или о чем не хочешь говорить. «Я» – вызывает у читателя симпатию к автору, а если писатель обособляет себя от героя, – испытывает отчуждение и недоверие.

Думаю о нелегкой судьбе писателя. Ему постоянно приходится доказывать, что он пишет не хуже других.

Писателей, которых мне ставят в пример, в свое время тоже не баловали издатели и критики. Травля писателя при жизни и возвеличивание после смерти напоминает причисление церковью к лику святых человека, умершего голодной смертью. И его удостоили. И уже его величием критики опять преграждают путь молодым писателям. Они не знают, или не хотят знать, что теория и принципы каждого писателя верны, в первую очередь, применительно к собственному творчеству. Молодые берут это на вооружение, а кто-то пробивает свой путь. Меня не понимают сегодня, но, возможно, мой метод будут изучать в будущем. Кто знает?

Чем больше читаю, пытаясь познать мир, думаю: «Почему я не пишу о себе»? Зачем трудиться впустую, якобы, «создавая свой мир»? Стараясь создать несуществующего человека или город. В жизни и так все есть. Лишь бы у тебя была способность увидеть. Фантазия ни одного писателя не достигнет правды жизни. Напишешь правду, все равно подумают – приукрасил, сочинил. Поэтому я решил обойтись без прототипов и оставить реального человека. Таким, какой он есть на самом деле. Выискиваем же мы прототипы в романах Бальзака и Золя: кто есть кто.

Я не хочу никому подражать. Поэтому решил писать о себе.

Я – Сайд-Хасан Кацаев, пятый и младший сын Абзу и Петимат. 11 июля мне исполнится 23 года. Живу (богато ли, бедно ли) в селе Курчалой, по улице Советская. Дорога асфальтирована.

3

Замысел повести «Провинциальная знаменитость в Париже» возник у Бальзака (пусть будет к добру его поминание), на мой взгляд, вследствие «хождения по мукам»; он, в свое время, как и я нынче, ходил с рукописями

по редакциям. Утверждать это трудно. Он гиперболизирует события, утверждали современники. Мне кажется, что «Отец Горио» – это автобиографический роман. Прочитав потом «Утраченные иллюзии», я удивился. Если Эжен де Растиньяк – молодой Бальзак, тогда кто же Люсьен Шардон (де Рюбампре)? Кроме того, он сводит Эжена и Люсьена, дает им говорить, показывает их различия. Это что? Есть еще д'Артез. Вылитый Бальзак. Внешность Давида Сешара (зятя Люсьена), его поступки – это тоже юный Бальзак.

Ученые оценивают данное явление по Белинскому, мол, «Фамусов – лицо типическое, художественно созданное», т. е. «оттолкнувшись от конкретного лица, верный себе Бальзак, идет к обобщению». Говорил же он, что гений стирает все следы. Потому и не писал автопортрет. Но его современники знали прототипов всех его героев. И сегодня данный вопрос остается проблемным в литературе.

Я бы хотел, чтобы критики, редакторы, литературоведы, и остальные буквоеды уяснили одно: без прототипов Бальзак и другие классики были бы не реалистами, а фантастами. Правда, сам он считал себя под знаменем эклектизма. Причисляя к нему еще В. Скотта, Ж. Санд и Ф. Купера. Значит, и я стал на этот путь, сказал беседовавший с ним Стендаль.

Что такое «эклектизм»?

В «Словаре трудностей русского языка» есть определение: «Эклектизм – беспринципное, механическое соединение разнородных идейных направлений, теорий, взглядов».

Безусловно, Бальзак ошибался, говоря о беспринципном, механическом соединении идейных направлений, но теории и взгляды разнородны.

Суть писателя, то, что его делает писателем и, не побоюсь этого сказать, делает равным государственному деяте-

лю, а быть может, и выше его – это определенное мнение о человеческих делах, полная преданность принципам.

Это сказал Бальзак. Доктор социальных наук. Историк – это французское общество, Бальзак – секретарь. Со своим видением мира и собственной философией. Главным образом, это и делает человека писателем, труды коего не пылятся в архивных «папках для бумаг».

Редакторы, наши современники, привыкшие к слову «тип», остаются недовольны, когда героя твоего рассказа находят похожим на кого-то из знакомых.

– Литература не копирование жизни. Это художественное обобщение, стоящее над жизнью. Литература – это зеркало…

Хотелось бы напомнить, что все персонажи Бальзака взяты из жизни. Среди них и собственный образ.

После выхода в свет 2-й части «Утраченных иллюзий», Бальзак получает письмо от Жюль Санда: правда ли, что в романе говорится о нем и Авроре Дюдеван? Бальзак успокаивает его. У де Рюбампре нет ничего общего с ним. И, правда, нет. Жюль Сандо был для Бальзака лишь поводом, чтобы начать «путать след». Бальзак изображает себя. И свою «Дюдеван». Этьен Лусто – это Жюль Жанен, тогдашний модный фельетонист. Клод Виньон – критик Гюстав Планш. Фелисите де Туш («Беатриса») – известная писательница Жорж Санд. А Рафаэль де Валантен, Луи Ламбер, Эжен Растиньяк, Люсьен Шардон, д'Артез, Давид Сешар – сам Бальзак. Отчасти. (Считаю нужным отметить это). У этих героев одна судьба. В начале. В молодости. Дальнейшая жизнь и смерть – у каждого своя. В этом Бальзаку помогает фантазия, ведущая начало, видимо, от повести «Шагреневая кожа» и жизненный опыт. Если у названных героев были прототипы, следовательно, есть они и у других? Драматург Натан, журналист Блонде, банкир Нусинген… Личное знакомство героев, переходящих из произведения в произведение, кроме же-

лания «путать след», есть принцип – создать серию взаимосвязанных произведений, позднее объединенных им в эпопею «Человеческая комедия». В эпоху расцвета романтизма во французской литературе, Бальзак изобразил реальные картины из жизни современного общества.

Бальзак писал о том, что происходит вокруг. Свои мысли, желания, поиски… По-моему, автор присутствует во всех своих книгах, в той или иной степени. Чтобы не видеть этого, надо быть незрячим.

На самом деле нет более автобиографичной книги, чем «Гулливер…», сказал Томас Вулф.

4

Записывая это, мне почему-то вспомнился изданный недавно роман Мусы Ахмадова «Деревья в сумерках».

Я еще не дочитал его. Но, на мой взгляд, Муса не нашел правильной тональности своего произведения. Роман местами растянут. Монологи усложняют чтение. Некоторые события и диалоги не удались из-за попытки сатирического изображения. Это существенно снижает оценку. Не знаю, к какому жанру отнести этот роман: роман-сатира, роман-пародия, или назовем ее рапсодией. Мне трудно понять его героя, скачущего по деревьям. Люди ходят по земле, а не парят в воздухе.

Тем не менее, я согласен с мнением Лечи Яхъяева.

– Выход такого романа – большое событие в нашей литературе. Я хотел написать о нем. Но то, что было между нами в прошлом, связывает мне руки.

Ночью я размышляю о прототипах героев романа Мусы (об этом же говорил и Лечи), и о странных именах, данных им автором. Би'саберг, Буркушев, Гирга, Кахарма, Ярашюков, Жа'пар, Илланча, Бакарбика, Бад-Махма, Кент, Бадик, Хоза, Цой, Абдул-Бади, Ахарбек, Джонни… Кажется, лишь у одного Астамира нормальное имя.

Но это все шутки.

А если серьезно (я понимаю и тех, кто говорит, что эти имена звучат сегодня по-старинному и странновато), думаю, выбор автора не случаен. Нередко имя характеризует литературного персонажа. Четырехугольник, Ягненок-бек, Птичка, Утка-Махма, Певец и т. д. (Взять того же Бальзака, имя ростовщика «Гобсек» из одноименной повести – скупой, жадный. Как знать, может для французов и англичан имена Ахарбек, Жа'пар или Хоза звучат романтично?)

Желающие могут упрекнуть Мусу в том, что герои романа «Деревья в сумерках» существуют в реальной жизни. В настоящее время. Под другими именами. Нельзя из одного человека лепить «тип», это ошибка, учил Бальзак, тип – это персонаж, обобщающий в себе черты многих людей, похожих на него. В романе Мусы мы наблюдаем попытку создать тип из одного человека. Но есть и другие примеры. Оппоненты, подтверждая свою точку зрения, часто цитируют Ленина. Также и в искусстве. Поэтому неверно, ссылаясь на авторитет маститых писателей, доказывать или опровергать что-либо. Принципы каждого писателя (опять возвращаюсь к этому), в первую очередь, призваны защитить собственное творчество. Со временем взгляды меняются. И у того же Бальзака. Создал же он из собственного образа типичного героя своего времени. Известно, что Горький считал свое детство типичным для молодого поколения дореволюционного времени. А Ахмадов не вправе считать свою жизнь типичной для своего поколения? Если Астамир не тип, а явление, тем лучше. Разве мы не соскучились сегодня по людям особого склада? Каждый человек представляет собой определенный «тип». Но их много. И они разные. Необходимо понять, что один писатель не может всем нравиться. (Имею в виду и себя, например, тому же Мусе). Каждый найдет своих читателей и единомышленников.

Бальзак, Дюма-отец, Дюма-сын, Мериме, Ж. Санд, Стендаль, Гюго, Мюссе жили и творили в одно время. В одном городе. Каждый из них целый мир! Вправе ли мы считать принципы одних верными, а других ошибочными? Маяковский и Есенин – оба жили в 20-х годах. Какая большая разница между ними! Одни не считают Маяковского поэтом, другие предпочитают его Есенину. В чем суть их спора? В отстаивании собственного пути, идей, позиции, философии и творчества. При всем, казалось бы, многообразии творчества Бальзака главным героем его произведений является сам автор!

Людям нужны и Дюма, и Фолкнер, Горький и Толстой, Жорж Сименон и Чехов, Хемингуэй и Лермонтов, Флобер и Томас Вулф, Вальтер Скотт, Мопассан и Достоевский…

Вызывает жалость тот, кто любого из них делает своим кумиром, стараясь подражать ему в жизни и творчестве.

Я рад, что эти писатели разные. (Если присмотреться и братья-близнецы не так уж похожи.) Если бы все писали одинаково, литература была бы намного беднее. Каким был бы мир, если бы все люди были на одно лицо? Не обязательно любить всех. И женимся мы по любви на равных себе. (Правильно ли утверждать, что у других жены никудышные?) Если, вдруг, окажется не пара, разводимся. Ищем другую. «Пока не износится железная обувь».

Можно привести много примеров из жизни Драйзера, Т. Манна, Вулфа и других, описывающих негодование общественности после выхода в свет той или иной книги. Их привлекали к суду, но писатель всегда прав. Он не пишет о том, чего нет или не может быть на самом деле.

– Их произведения автобиографические, – обвиняют их. – Они пишут о себе.

Разве можно обвинять писателя в том, что он пишет о себе? Кто, более чем писатель, достоин, чтобы о нем писали? Кого писатель знает лучше, чем себя? Может быть, о других пишут те, кому нечего сказать о себе?

У меня не было цели анализировать новое произведение Мусы Ахмадова, кроме изложения некоторых мыслей, возникших при его чтении.

Я пытался рассказать о своем люсьеншардонстве.

5

Хотя Шарип Цуруев не раз предлагал:

– Отдай свои рассказы Алвади Шайхиеву, кому угодно! – я не торопился.

Это были годы нашего студенчества. Когда же счел, что «яблоко созрело» (не обязательно ждать, пока саженец вырастет в большое дерево; главное, что плодоносит, а не просто расцветает), первым делом зашел в редакцию «Университетского вестника». Тогда газета называлась красиво – «За кадры».

Прочитав мой рассказ, редактор сказал:

– Нет, это не годится. Если его опубликовать в общежитие потянутся комиссии. Будут искать этих девушек, исключат из университета.

И люди с такими понятиями работают в наших редакциях… От досады я выбросил тогда много рассказов. Рвал и разбрасывал их по всей дороге. По центральной улице. От университета до общежития.

В редакции газет «Грозненский рабочий», «Ленинский путь» я даже не ходил, зная, что напрасно. Разве они напечатали бы рассказ неизвестного автора?

Пробиться в литературный альманах тоже было хлопотно. В моем понимании редактор должен был просить автора принести рассказы. Но никому не было дела до того, что я пишу, никого это не волновало. Не было возможности даже отпечатать рукопись. Если машинистка и соглашалась за плату или «по блату» отпечатать рассказ, нужно было сначала все аккуратно переписать, чтобы она могла разобраться. Считая это лишней тратой време-

ни, я писал новый рассказ. Исписывал листы каракулями. Кому охота копаться в моих иероглифах?

Иногда мне хотелось оставить учебу, работу, все; уехать куда-нибудь далеко, в глухую русскую деревню, устроиться сторожем или библиотекарем, чтобы было на что жить и много свободного времени; подготовить хотя бы одну книгу, написав обо всем, что горит внутри. Но этому мешали обстоятельства и семейные узы.

Я не мечтал о политической карьере. О деньгах. Только о литературном творчестве. Самым большим желанием было видеть свои книги на полках магазинов и библиотек. Чтобы люди читали их, получали удовольствие и чему-нибудь учились.

Обычно у нас признают писателя после смерти. Мертвого почитать легко. Он уже не соперник. Можно даже назваться его другом, рассказывать каким он был тружеником и делать прибыль на его так и не изданных произведениях.

Но я хотел при жизни увидеть свои рассказы напечатанными. В газетах, журналах. Какая большая радость увидеть свежепахнущую типографскими красками корректуру книги, держать ее в руках, делать последние правки и смотреть как-бы со стороны на свое детище. Этому стоило посвятить жизнь. Быть не просто летописцем своего времени, а учителем, не просто развлекать, а воспитывать. И такой писатель (я говорю не о придворных поэтах, а о свободномыслящих философах) стоял, в моем понимании, выше всех чинов и рангов. Власть и законы меняются, а правдивое слово переживет века...

Время мчалось, словно кони. Не успел толком осмотреться, как проскочили и пять лет учебы. Я остался лишь с бумагами, исписанными вдоль и поперек чернилами. Без определенных знаний, кроме умения читать и писать. «Эх, мне только в пору быть на первом курсе, – думал я. – Самое время учиться». До этого и не заботился

об этом. За одиннадцать лет школы учеба порядком надоела. К тому же она не давала ответов на возникающие передо мной вопросы. В учебе у меня была своя система. Пока я искал ответы, стараясь выполнять задуманное, время вышло.

«А что, если заново подать документы? – думалось мне. – Взяли бы?»

Нет. Посмеялись бы. В этом и различие между нами и Америкой.

Я наделся на работу в Грозном. Думал, что после учебы все будут приглашать меня к себе. Или оставят на кафедре. Позже я понял, чтобы устроиться на работу в городе не обязательно иметь голову, нужна – квартира.

Я нашел еще одну особенность между Западом и нами. У нас, оказывается, рабочие места продаются и покупаются. Вот так и накапливается материал у писателя. Когда он остается наедине со своими проблемами, пытаясь пробиться к свету, словно муха, бьющаяся о стекло. И нет выхода. Но, как сказал Маркс, человек (даже самый глупый) отличается от мухи (даже от медоносящей пчелы) сознанием. Он думает, и находит другой вариант… Стекло, хоть и прозрачное, тоже преграда. А я, вместо того чтобы обойти гору, как Суворов через Альпы, стремлюсь вперед.

6

Помню, лет восемь-девять назад я возвращался домой с мешком орехов с нашей лесной делянки. На окраине села, сбросив с плеч свой груз, чтобы попить воды, в ту же минуту я ощутил такую легкость во всем теле, словно приподнимаюсь на носках.

Такое же облегчение я ощутил, получив диплом.

Словно гора свалилась с плеч.

«Теперь я свободен, – подумал я. – И могу читать книги на свой выбор».

– Хорошо выглядишь, – говорили мне все.

Я и сам чувствовал это.

Зима в том году была на редкость суровой. (В последнее время все усилилось). Я ходил на работу, возвращался домой, читал, писал. Наступила весна со своими заботами, желаниями, переменами и новыми мыслями. По земле, исстрадавшейся по чистоте, гулял ветер, разнося пыль. Выйдешь утром в чистой белой рубашке, к вечеру она совершенно грязная. Второй раз не одеть. Требуется стирка. Порошок, мыло, курятина, все, что отсутствовало на прилавках магазинов, развозилось по улицам. Кругом одни сюжеты...

Писатель не должен находиться на государственной службе, если он хочет писать обо всем, ему требуется целый штат секретарей. Правда, как говорит Шарип, чем выше должность, тем больше у человека свободного времени. Не будучи начальником, мне пришлось стать собственным секретарем. Меня беспокоили рассказы, написанные на русском языке. Я не утверждаю, что они шедевры. Просто жаль, что они валяются без всякой пользы. Я не понимал: «Почему редактор дает оценку написанному? Пусть напечатает, посмотрим, что скажут читатели! Кто знает их мнение?».

Как-то в общежитии мне попалось двенадцатистраничное издание газеты «Комсомольское племя», в новом формате. «Я должен пойти туда», – решил я. Убеждало и то, что газета была молодежной. Раньше у них было всего четыре полосы, и я их не беспокоил своими рассказами. Что им стоит теперь предоставить мне одну из двенадцати страниц? И так они печатают всякую чепуху.

Я был уверен, что мои рассказы поднимут имидж газеты. Почему газеты должны публиковать только статьи о рабочих и крестьянах?

В комментариях к произведениям Горького и Чехова видишь, что они печатались сперва в той или иной га-

зете. Мопассан, Драйзер, Хемингуэй и другие именитые писатели тоже прошли школу журналистики.

Одним словом, в один из дней я стоял у «Дома Печати». Спросив вахтера, на каком этаже находится нужная редакция, я вызвал сразу все три лифта и вошел в первый открывшийся. Я бродил по коридору редакции, не зная к кому обратиться. Я не был знаком с главным редактором.

Большинство дверей было закрыто. В конце коридора, в кабинете слева, сидела девушка. Она повернулась, и я узнал Ларису. Лет шесть назад, по объявлению о семинаре по подготовке сельских корреспондентов, я был у нее пару раз. На втором занятии я уже понял, что их цель и мои желания не совпадают. Лариса тогда руководила данным «кружком». Худощавая, она всегда ходила в джинсах, и казалась моложе своего возраста. Но на флирт могла бы ответить, «молодой человек, у меня дети вашего возраста».

– Почему я тебя не помню? А-а, да. Что у тебя? Можно показать? – И, просмотрев, сказала: – Надо показать Малике.

В кабинете, куда меня направили, дверь была приоткрыта. Две женщины, после чая, убирали посуду.

Я спросил Малику.

– Это я, – сказала худенькая.

– Ну, я пошла, – сказала вторая, уходя.

– Я слушаю, – сказала Малика, и мы разговорились. Я на чеченском языке, она – на русском.

Когда я попытался прокомментировать рассказ, она заметила:

– Не надо объяснять. Мне надо самой прочитать. Сегодня-завтра я не успею. Приходи через неделю. И напиши свой адрес, – попросила она.

– Гонорар можете отправить в фонд мира, – улыбнулся я. – Я знаю, что вы испытываете трудности, не зная адреса автора.

7

Когда мне нужно в город, я обычно захожу к Усману Баиеву, разузнать на счет его планов. Утром выезжаем вместе. Глядишь, за разговорами и время в пути летит быстрее. Сначала решаем мелкие вопросы, потом другие дела. Дойдя до центра, Усман резко останавливается, словно кто дернул за вожжи.

– Пошли, – тяну я его. Он стоит как вкопанный. – Пан, – говорю я, – пошли.

– Подожди, подожди.

– Всего на минуту.

– Ты иди. Я не могу равнодушно смотреть на Резиду.

Он остается на углу «Универмага», я захожу в букинистический магазин. Выхожу с целой охапкой книг и несколькими рублями в кармане. Половину книг передаю Усману…

Иногда мы бродим по университету. Он учится на первом курсе. Заочно. На филологическом факультете.

В таких поездках мы обычно обсуждаем все мировые проблемы. Как Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Хотя наше мнение никого не интересует.

Из всех моих друзей только Усман может себе позволить часто встречаться. Другие работают. Только мы двое ничем не заняты. Повезло в одном, – живем по соседству.

Последние несколько лет, еще до армии, Усман безуспешно пытался открыть в Курчалое музей. Больше эта проблема никого не волновала.

Наконец, в новом «Доме культуры», на окраине села, с трудом выделили помещение, и он собрал там все экспонаты, какие у него были.

Односельчане, думая, что он занимается этим не без корысти, стараются продать ему ржавые кувшины. Даже если им не в убыток, люди не хотят расстаться со старьем, видя, что кому-то это еще нужно. Такие мы странные. В

последнее время мой друг прославился на все село: Усман, мол, глубокой ночью лазит по крышам сельчан в поисках старых кудалов. Повесть о его злоключениях получилась бы небезынтересной.

Однажды мне в руки попалась книга Эккермана «Разговоры с Гете». Со студенческой скамьи я мечтал написать такую книгу об Абузаре Айдамирове. Но мы не были знакомы, и я стеснялся поехать к нему. Суждения Усмана тоже были мне интересны своей оригинальностью. Не зная ничего из учебника о логике, у него сильно развито логическое мышление. Возможно, в Древней Греции его причислили бы, наряду с Антисфеном и Диогеном, к школе киников.

Недавно с ним произошла забавная история. Такое может случиться только в нашей стране. Я даже сделал себе некоторые пометки, чтобы позже написать об этом. Изюминка рассказа в том, что, еле добившись от руководства местного совхоза гарантийного письма об оплате, он нигде не может найти подходящей мебели для музейных экспонатов. Он едет в министерство культуры. Оттуда его направляют в госснаб, оттуда – в фирму «Терек», они, в свою очередь, – в новую фирму «Художник». Дальше – экспериментальная фабрика, потом опять госснаб, после – минторг. Очутившись перед зданием минторга, он понял, что оттуда и началось его путешествие. Одна входная дверь с двумя вывесками.

– Тогда у меня все поплыло перед глазами, – говорит он.

Я часто прошу его поведать об этом и каждый раз смеюсь. Данный курьез – яркий пример того, как у нас относятся к общественным делам. После этого Усман идет еще в три-четыре инстанции, где обещают вот-вот решить вопрос. Так и ходит до сих пор…

Конечно, грешно смеяться над несчастьем товарища, но его «хождение по мукам» напоминает мне собственную одиссею по редакциям районных и республиканских

газет. Правда, знакомство с Исламом Эльсановым немного облегчило мою участь. Он издал некоторые из моих рассказов в коллективных сборниках. Яндарбиев Зелимхан, Саид Мацаев и Муса Бексултанов тоже помогли мне словом и делом, когда другие были против.

8

Усман остается в коридоре редакции. Я отдаю себя на суд Малики.

– Ты знаешь, я отдала твой рассказ Абдулле, как более компетентному в этих вопросах, – говорит она.

– Могла бы и меня спросить. Я тоже компетентный, – сказал я.

До сих пор в таких ситуациях мне было просто весело, теперь это меня начало раздражать. Я знал, что в литературе всем им далеко до меня, если даже расплавить вместе и слепить заново. Но, к сожалению, моя работа зависела именно от таких людей.

– Кто такой Абдулла? – спросил я.

– Он специалист, – пояснила она, – сам пишет.

Этого я и боялся. Многие думают, что тоже должны писать, раз они работают в родственной сфере. Но это большое заблуждение. Чтобы стать писателем, недостаточно быть грамотным. У писателя должен гореть в душе огонь. Этим огнем он должен зажечь и сердца своих читателей.

Я не знал Абдуллу. Даже фамилию не слышал. Но как только сказали, что он и сам пишет, он стал мне несимпатичен. Еще до нашей беседы я понял, что ему не понравится мой рассказ. Я пишу о чем у нас не принято, точнее, не дозволено говорить.

Классические произведения живы до сих пор не художественностью и вымыслом, а правдивым изображением эпохи. Художественность, как и любовь, – приправа для основной идеи произведения.

Чтобы оценить литературное произведение по достоинству, нужно обладать не только литературным вкусом, но и определенным мужеством.

Критик должен быть человеком мужественным... не для того, чтобы сметь покритиковать, как принято думать, а для того, чтобы преодолеть в себе чувство зависти и корыстолюбия, и похвалить литературное произведение. Человека нельзя винить в отсутствии мужества, лишь бы не был крысой. Но куда не придешь, они сидят во всех конторах и редакциях…

Мне пришлось немного подождать Абдуллу. Мы с Усманом сидели в коридоре на стульях. Увидев, что кто-то открывает указанную мне дверь, я подошел и спросил:

– Ты Абдулла?

– Да, – ответил он.

Мы зашли. Присели. Он взял из ящика стола мой рассказ. Начал обсуждение.

Видимо, техникой письма я владею. Диалог, слог у меня хороший, но писать складно порой недостаточно, чтобы назвать написанное произведением искусства. Он не понял, что автор хочет сказать. Какова идея рассказа? Он увидел больницу, и больше ничего. Что ни говори, я не Ремарк.

– «Я не Байрон, я другой», сказал Лермонтов.

– Возможно, возможно. Но нам это не годится. К тому же, текст слишком большой. У нас одну полосу газеты занимает семь-восемь, максимум, десять машинописных страниц. А у Вас их тринадцать. Публиковать с продолжениями нет возможности. Во-первых, редактор не пойдет на это. Во-вторых, произведение от этого не выигрывает.

Он говорил со мной на русском языке. Я – на родном. Он опять – на русском. Это своего рода прием у чиновников и госслужащих всех рангов, некий барьер, который разделяет их и посетителей. И нелегко перейти через эту границу.

Можно было с ним поспорить, постараться убедить. Но он все время извинялся:

– Извините, нам это не годится. Извините.

О чем с ним говорить после этого?

9

Когда на душе немного отлегло, я решил еще раз сходить в редакцию. На этот раз к главному редактору. Товарищ, надо сказать ему, вот мой рассказ. С чем ты здесь не согласен? Ты бы смог написать такой рассказ? Если он слабый, напиши сам и покажи, каким должно быть произведение. Пусть я не Мопассан, Фолкнер, Кафка, Хемингуэй, Чехов, Бунин, Ремарк или Пруст, клянусь Аллахом, вы тоже не Белинские, Писаревы и Добролюбовы. Вы самые настоящие Скабичевские!

В последнее время меня раздражали темы, искусственно обсуждаемые всеми газетами. Любовь. Калым. Другие традиции и адаты. Нужны ли они?

Многие из этих материалов журналисты писали сами под вымышленными именами. «Я полюбила парня. Вышла за него замуж, но злая свекровь сразу же невзлюбила меня…»

Я был уверен, что в моих рассказах поднимаются многие проблемы, действительно волнующие современников. Я, не выдумывая, изображал состояние сегодняшнего общества. У меня было что рассказать и о чем поведать своим ровесникам. Но меня не допускали к ним.

10

Я не нашел главного редактора. Тамара из приемной посоветовала мне подойти к Наташе.

Наташа приняла меня хорошо. Сказала:

– Если хоть немного подходит, опубликуем. Об этом и речи быть не может.

Сюжет рассказа был прост. Вечеринка студентов в общежитии глазами первокурсника. Нечто вроде «Припадка» Чехова. (Я зачитывался тогда Чеховым.) Рассказ не совсем вписывался в официальную идеологию. Но искусство, считал я, стоит выше. И ошибся. Наташе нечем было меня обрадовать.

– Не обижайтесь, – сказала она. – При всем желании, я не могу опубликовать такой рассказ. Принесите что-нибудь другое, мы посмотрим. Было бы лучше, если бы вы написали о рабочем или о каком-нибудь предприятии. Такой материал идет в номер легко и быстро. Многие сейчас пишут стихи и рассказы. Особенно стихи. Вы понимаете? Принесите что-нибудь другое… Скажем, очерк о тружениках тыла. Ведь много замечательных людей вокруг. Хорошо? Не обижайтесь...

Вот так закончилась и эта эпопея.

Какие бы речи мы не вели с высоких трибун, мы и сегодня не дотягиваем до информационно-издательской политики XIX века. Ругать буржуев мы мастера. Но что изменилось в нашей жизни? Изменили только слова песни, музыка – та же.

На примере личного опыта я смог бы написать произведение наподобие «Утраченных иллюзий» Бальзака. Я вкратце поведал здесь о том, о чем в романе рассказывается долго. Эта форма мне показалось лучшей.

Смысл данного рассказа в том (поясняю для критиков), и пишу обо всем от своего имени по одной причине (дело не только в методе): вещи, как принято думать, не имеющие отношения к нашему государству и народу, бытуют и среди нас. И все же, я верю, если бы обкомы партии и комсомола не обязывали предприятия и организации подписываться на свои печатные органы, такие как я легко находили бы дорогу в редакцию. Чтобы поднять престиж своей газеты, редактора сами искали бы и с радостью принимали писателей. Но это возможно только в свободном обществе.

Печатать в газете художественную литературу первым начал французский издатель Эмиль де Жирарден (1806-1881). Он публиковал произведения своих современников, чтобы газета лучше раскупалась. А у нас, в настоящее время, газета, какой бы ни была, расходится. Поэтому редакторам и дела нет до молодых. Правда, раз в год они печатают Алвади Шайхиева и Саида Чахкиева. А они и этим довольны.

Эпилог

Первый труд начинающего писателя равносилен первым самостоятельным шагам ребенка. И здесь крайне важно оказаться в кругу друзей и единомышленников; задача критики не сбить с пути, а поддержать и направить. Порой, молодому таланту важнее дружеское слово неискушенного читателя, чем критика маститого литератора.

Спортсмен с детства окружен вниманием наставников. Его учат, поддерживают несколько мастеров, заботясь о нем. И, пускай, с годами ученик превзойдет учителя. Успех спортсмена – коллективный.

Писатель с самого начала предоставлен самому себе. Если у спортсмена на ринге равные шансы с соперником, то писатель не может отвечать на град, сыплющихся на него ударов. Спортсменам запрещено бить ниже корпуса, а среди литераторов многие специализируются на этом.

Писатель должен одержать победу в одиночку. Вынести все и одержать победу. Точно также как ничто не может заменить семью, так и сочувствие дорогих тебе людей не в силах утолить жажду творчества. Единственное утешение, как бальзам на раны, – чтение классиков, которые помогают ему выстоять, но, к сожалению, не могут замолвить за него слово.

Победа достается дорогой ценой. Ценой здоровья, лишений и потерь многого, что было дорого в жизни, нередко – и самой жизни.

В заключение я хочу сказать об автопортрете.

Писатель, как мы знаем, является художником. Среди художников широко известно имя академика Петра Захарова. Брюллов считал его, после себя, первым портретистом в огромной России. У него есть автопортрет в бурке с ружьем. И мне непонятно, если один художник вправе рисовать свой портрет и портреты своих современников, почему в этом отказывают другому? Разве это не одно искусство? Только инструменты, средства и способы материального воплощения у художников разные. Но все виды искусства (живопись, музыка, театр, литература, балет, хореография, скульптура, цирковое искусство, кино) объединяет то, что авторы выражают себя через свои произведения, свои идеи и мысли...

Мы то человека и писателем не считаем, если он не является членом Союза писателей. Но было бы лучше иметь писателей, чем организацию без писателей.

Не пойму я и того, что писатели вечно враждуют между собой. Как зикристы, разделившись на группы… Ташов-Хаджи, Кунта-Хаджи, Виса-Хаджи, Овда, Али, Чиммирза, Дени-шейх… Почему их последователи ругают друг друга? Разве они молятся не одному Богу?

Как бы другие ни относились к моей работе, я не сочиняю рассказы, а нахожу их в действительности. Или сюжеты сами находят меня. Я их просто облекаю в форму. В Чечне невозможно найти двух писателей, довольных творчеством друг друга.

Писатель, как революционер, поднимает и высоко несет знамя, выпавшее из рук своего предшественника, писал я в начале рассказа. Но если бы это было во власти людей подобных тем, что сидят в наших редакциях, оно валялось бы под ногами.

Вот это и заставило меня написать данный рассказ.

1989

ШКОЛА ПИСАТЕЛЯ

Предисловие

Я собираю материал для книги об армейской жизни, описывая почти каждый день. Правда, еще со студенческих лет у меня были кое-какие сюжеты об армейских «мелочах», но я не был знаком с солдатским бытом. Именно поэтому я и нахожусь здесь, чтобы увидеть и испытать все. Если это можно назвать бедой, я хочу пройти и через это испытание.

Если показать все увиденное и пережитое в одном романе, он получился бы слишком громоздким. Чтобы омолодить куст заросшего винограда, садовник весной или осенью обрезает лозу. Черенок дает начало новому растению. Данный рассказ – всего лишь один из обрезанных «прутьев». Верю, что такие «саженцы» будут еще. Надеюсь, что из них вырастет большой и цветущий сад.

Говоря о своем пути писателя, как писали о недавно скончавшемся в Нью-Йорке Сергее Довлатове, я – рассказчик. Он называл себя рассказчиком, а не писателем. Довлатов и был рассказчиком. Не в смысле автора рассказов, а тем, кто рассказывает увиденное и запомнившееся. Каждый пишущий знает, сколько труда и умения нужно, чтобы из простого случая сделать литературное произведение. Довлатов «не сочинял» сюжеты и, когда он пересказывал истории из жизни своих родственников, знакомых и друзей, получалось красиво, содержательно, смешно и со смыслом.

Я не читал книг Сергея Довлатова. И узнал о нем лишь увидев в журнале заметку, посвященную его памяти. Не могу ничего сказать о его произведениях, но то, что пишут о нем, показалось очень близким.

Я тоже рассказываю о том, что происходило со мной и с моими друзьями. И никогда не скрывал этого. Но это не значит быть писателем, старались учить меня те, в чьей воле издавать меня или нет. Вместо того, чтобы прислушаться к их советам и усвоить урок, я писал еще один рассказ из жизни. Это было мое «понимание».

Каким бы ни получился сей рассказ, писался он легко. На родном языке гораздо приятнее писать. Может, это связано с тем, что на чужом языке приходится тщательно подбирать точные слова, а на родном пишется плавно.

1

– Если уж мы сидим без дела, хорошо бы найти штангу, – говорю я Абдулле. – Занялись бы хоть чем-то полезным. Глядишь, за год накачали бы мышцы.

Абдулла – дежурный по КПП в штабе авиационного полка. Я почти каждый день бываю у него. Штаб у них находится отдельно от полка. По соседству с нашей частью. К нему в помощники прикреплен узбек.

– Очень легкая у них служба, – говорит Абдулла. – Как бы их ни ругали офицеры, только моргают глазами и что-то бубнят на своем языке. Вначале мы хватались за животы от смеха. Тебе не понять, раз ты не служишь в нашем полку. И мой напарник, что бы ты не сказал, ответит: «Не знаю».

– А как они докладывают о своих обязанностях, когда заступают в наряд? – спрашиваю я.

– Им разрешают докладывать на своем языке. Офицеры ничего не понимают. Тем не менее, спрашивают для формы. Но удивляет другое. Душевная простота этих ребят. Если даже они будут крыть матом, кто поймет? Но они запинаются от волнения.

– Это говорит об их чистосердечии. А товарища учишь русскому языку?

– Да, научил его кричать «караул».

– Ничего. До конца службы поднатореет.

– Кажется, школы и институты у них на своем языке?

– Да, у них есть и своя Академия наук. Центральная Азия – земля древних государств и цивилизаций. Самарканд, Хорезм, Бухара дали миру величайших полководцев, ученых и писателей: Аль-Хорезми, Имам аль-Бухари, Абу Райхан Бируни, Ибн Сина, Амир Тимур, Мирзо Улугбек, Алишер Навои, Захириддин Бабур... К сожалению, у нашего народа на первом месте всегда материальная сторона. И мало кто заботится о национальных проблемах. Нам не смеяться, а плакать нужно.

Мне вспомнились все мои печали и переживания за настоящее и будущее родного языка. И стало грустно...

Состояние духовности нации определяется его отношением к своему языку. Нельзя потерять язык и сберечь многовековую культуру, менталитет, обычаи и традиции народа. Язык – не только средство общения (общаться можно на любом языке!), язык – хранилище, сокровищница духовного богатства народа. Только трепетное и бережное отношение может сохранить этот кладезь мудрости. Равнодушие к родному языку ведет к деградации народа. Ибо и в языке действует закон физики: «Тело, погруженное в воду, вытесняет объем воды равный весу тела, погруженного в воду». Чем больше мы погружаемся в чужую культуру и язык, тем больше они вытесняют из нашей души родную культуру и родной язык.

2

Абдусаламов Абдулла родом из селения Махкеты Веденского района. Он призван на полгода раньше меня. По нему видно, что еще со школы дружил с «железками». По инструкции дежурный по контрольно-пропускному пункту и его помощник должны сменять друг друга через каждые два часа.

– Это не дело. Все знают, что я сплю. «Хотя бы ночью запирай дверь», – ругают меня. Вчера заскочил старшина, пересчитал матрасы, одеяла и подушки.

Служба у Абдуллы не плохая, знай себе, гуляет целыми днями.

– Если спросят меня, скажи, что я на почте. Ты понял? – говорит он узбеку. Тот кивает. Абдулла поворачивается ко мне и смеется: – Если спросят, обязательно скажет: «Не знаю».

Обычно мы встречаемся два-три раза в день, иначе считаем его пропавшим. Бродим по магазинам и по базарчику, покупаем молоко, батон, торт, груши, яблоки, арбузы. Вечером ужинаем вместе. Как вкусен свежий батон с кабачковой икрой и горячим чаем, а летом – спелый прохладный арбуз с сыром или творогом! Плохо, что у нас в части нет своей солдатской столовой. Можно было бы что-то сообразить, пожарить картошку. А то в похлебке для целой роты находишь только пять-шесть картофелин. Еду доставляют из соседней части.

Как тут не поверишь Войновичу?

В интервью «Литературной газете» он говорил:

– В Американских кафе и ресторанах бесплатное питание для бедных и неимущих гораздо лучше того, чем кормят наших солдат.

Нас спасает то, что у нас есть деньги.

3

Мы с Абдуллой, пыхтя и задыхаясь, еле тащим тяжеленную штангу, ухватившись за нее четырьмя руками. Непонятно, то ли мы несем ее, то ли она нас. Абдулла до армии перенес операцию, а у меня сильно болит поясница. Впереди идут две девушки.

– Одна из них чеченка, – неожиданно говорит Абдулла.

– Да ты что? А как ее зовут?

– Раиса.

Помню смешную сцену из мультсериала «Ну, погоди!». Волк, желая продемонстрировать свою силу, все добавляет и добавляет вес штанги. И под конец, не удержав штангу, роняет её и бегает за бабочкой, которая, по его мнению, помешала ему. Так и я, чуть не побежал за девушками, бросив штангу, когда друг сказал, что одна из них чеченка. Я что-то кричу вдогонку. Они, не оборачиваясь, уходят через «проходной двор». Так назвал КПП старшина Абдуллы.

– Она действительно чеченка? – спрашиваю я, ставя на землю свою ношу.

– Мне так сказали.

– Она что, живет в офицерском общежитии?

– Да, и работает тут поблизости.

– И ты никогда не пробовал с ней поговорить?

– Нет, не пробовал.

Видимо, горький опыт научил. Он уже рассказывал мне, как с ним приключился забавный конфуз.

Услышав, что у них в офицерской столовой работает чеченка, Абдулла взволнованно пошел с ней знакомиться, по наивности предвкушая ее радость встречи с земляком. Он думал, что она пожилая женщина. И, может, ей нужна какая-нибудь помощь. Зайдя в хлеборезную, он увидел пышную женщину лет тридцати пяти с распущенными по плечам черными волосами.

– Ты чеченка? – бесхитростно улыбаясь, спросил он на родном языке.

– Если и так, что ты хотел? – грубо ответила она.

– Ничего, просто пришел поговорить, – сказал он растерянно.

– Закончил? – спросила она недовольно.

– Да, закончил, – сказал Абдулла, повернулся и ушел.

Вспомнив эту историю, я говорю, посмеиваясь:

– Видать, здорово тебя шуганула та женщина из столовой!

– Тебе смешно, да? – говорит Абдулла.

Солдата может понять только солдат. Оторванный от дома, вдали от друзей и родственников, ему любо-дорого встретить земляка, слышать родную речь. Каждый из них близок его сердцу, как брат и сестра. В местах своего пребывания, даже оказавшись перед лицом большой опасности или несправедливости, он считает главным сохранить лицо нации, тогда как у людей, выехавших по делам торговли или на заработки, на первом месте выгода. К сожалению, и в нашем обществе польза и прибыль сменяют духовные ценности.

«Коня узнают в пути, молодца узнают на чужбине», – гласит народная мудрость.

Если дома, порой, мы готовы грызться из-за куска хлеба, за пределами родного края мы крепко спаяны. При первой же встрече нетрудно понять, рад человек знакомству с тобой или нет. Кто служил в армии или соблюдает обычаи, от души старается угодить. Не факт, что другие не знают традиций, но кому-то удобнее прикинуться. К тому же, чтобы соблюсти этикет, необходим ресурс, а он есть не у всех. Особенно у студентов. Но ведь и солдат не нахлебник. Ему ничего не нужно, кроме доброй улыбки и беседы за чашкой чая. Чеченки-студентки вообще предпочитают не заводить знакомство с солдатом. Наверное, не видят с ним свое будущее. У русских нет этих комплексов. Сколько девушек нашли свое счастье с парнями из чужих краев, о существовании которых даже не знали до их призыва!

Теперь, ближе к осени, в сезон созревания осенних фруктов и овощей, в Воронеже много чеченцев и ингушей. При встрече легко узнать вайнаха. Многие смотрят на тебя, тоже узнают и проходят мимо. И я не заговариваю. Мне вспоминаются слова из когда-то написанного

мной рассказа «Дороги». Дембель рассказывает другу о своей службе в Москве: «Я встречал много земляков, но не хотел, чтобы меня узнавали, дабы они не подумали, что я в чем-то нуждаюсь».

Не забывается и то, что часто видел у нас в городе.

С утра ты идешь на занятия или на работу. На остановке тебя встречает мужчина средних лет, от которого несет перегаром.

– Друг, ты чеченец? – обращается он к тебе.

– Да.

– Ассаламу алейкум.

Ты отвечаешь на приветствие. И он начинает рассказывать о своих вчерашних злоключениях, и как он оказался без копейки в кармане. Исповедь завершается просьбой:

– Если бы ты дал рубль, я бы купил билет до дома…

Вначале я верил им. Но все постоянно рассказывали одну и ту же историю. Если это мужчина, то он попал в аварию или его пьяным забрали в райотдел милиции, где обобрали до нитки. Если женщина, то она приехала в больницу к сыну, за которым больше некому ухаживать. Говорят, как по писаному, словно молитву читают. И их становится жалко. Город не такой уж и большой, чтобы не запоминать лица. Однако они вновь и вновь подходят с теми же жалобами, стоит тебе где-нибудь остановиться. Ежедневно прося подаяния у сотен людей, они не могут удержать в памяти их внешность. И я подавал, испытывая стыд за бесчестье, до которого они довели себя. Попадаются и такие, кто прилюдно готов тебя оскорбить, если уличишь их в обмане.

Прошение милостыни стало своего рода профессией для тех, кто не хочет работать и трудиться. Зарабатывая таким путем на еду и спиртное, они считают себя умнее и хитрее людей, не ведая, что это рабская психология.

Меня поразило описание этого явления в философском труде Льва Толстого «Так что же нам делать?».

«Нищих в Москве много всяких сортов: есть такие, что этим живут; есть и настоящие нищие, такие, что почему-нибудь попали в Москву и точно в нужде... некоторые же были и совсем здоровые, способные работать. Эти совсем здоровые мужики, просившие милостыню, особенно занимали меня... Почему те работают, а эти просят?

Встречая такого мужика, я обыкновенно спрашивал, как он дошел до такого положения».

Далее Толстой пишет, как его не раз обманывали мужики, жалуясь на то, что нет работы. Он давал им работу и деньги, чтобы купить необходимые инструменты. Мужики обещали прийти, но не приходили.

«Обманывали меня и такие, которые говорили, что им нужно только денег на билет, чтобы уехать домой, и через неделю попадались мне опять на улице. Многих из них я признал уже, и они признали меня и иногда, забыв меня, повторяли мне тот же обман, а иногда уходили, завидев меня. Так я увидал, что в числе и этого разряда есть много обманщиков...»

Позднее все это стало надоедать, но все же, если кто-то подойдет и без вранья и обмана попросит: «Друг, ради Аллаха, помоги, чем можешь», – я не откажу.

А я ведь был всего лишь студентом, на иждивении у родных. И получал стипендию сорок рублей в месяц. Зарплата в институте не превышала ста сорока рублей. Денег еле хватало на обед и дорогу. (Еще школьным учителем размышляя на эту тему, я написал миниатюру «Хорошая работа».)

Но меня возмущал цинизм псевдострадальцев, паразитствующих на людском сострадании. Как можно так низко пасть?

И все же, встретив достойных сыновей и дочерей отчего края, всей душой радуешься, что ты чеченец.

Хвала Аллаху!

4

Наконец, добравшись до КПП, мы аккуратно ставим штангу на землю. Лучше заниматься на свежем воздухе, в тени большого дерева, чем в душном помещении.

Полураздевшись, мы с Абдуллой начинаем выполнять силовые упражнения – «армейский жим», подъем на бицепс стоя и приседания, поднимая тяжести, пока руки и ноги не нальются свинцом.

Когда пришел Ризван Садуев, пот лил с нас ручьем. Он как обычно приподнял одну бровь и, внимательно оглядев нас, застыл на месте. При этом я всегда вспоминаю Хасана из романа Ахмеда Бокова «Сыновья Беки».

– Ух, мартанхоевский волк! – вырвалось у меня.

– Что здесь происходит? – изобразил он удивление.

– Ужас, что творится! – сказал Абдулла.

– Молодцы! – похвалил Ризван, и сразу же начал инструктировать нас.

Его старший брат – тренер по каратэ. Ризван часто рассказывал, как он мучил его до призыва, заставляя бегать и многократно повторять все ката. Ризвана перевели сюда, чтобы уберечь от дисциплинарного батальона.

Любое событие для нас повод для шуток и смеха.

– Меньше надо было махать кулаками! – сказал я. – Сидел бы сейчас у себя и попивал чаи!

– Ой-цуки-цуки! – закричал Абдулла, изображая атаку и нанося мнимый удар кулаком.

Мы чуть не упали от хохота, держась друг за друга.

Еле успокоившись, Ризван продолжил:

– Я сам не работал со штангой, но знаю, как нужно нарастить мышечную массу.

– И я прочитал много спортивных книг и журналов, – улыбнулся я. – Но научился лишь правильно дышать и не навредить себе.

– Кстати, это очень важно! – сказал Абдулла.

Разговор плавно перешел на наших друзей, с детства друживших со спортом. Среди моих друзей особенно выделялись Абдулхамидов Шамиль из Курчалоя и Янурсаев Дукваха из Катыр-Юрта. Шамиль занимался тяжелой атлетикой, а Ваха – гиревым спортом. Шамиль – вылитый Жан Клод Вандам, Ваха – Брюс Ли, только покрупнее.

– Ну, ладно, – сказал я, – разобрались со спортом. Ризван, до твоего прихода Абдулла рассказывал об одной девушке. Что ты об этом скажешь?

– Только не говорите мне о женщинах!

– Слушай, – обернулся я к Абдулле, – оказывается, наш друг на дух не переносит женщин.

– Что бы это значило? – поддержал меня Абдулла, стараясь попасть в тон.

– Если бы вы испытали то, что видел я, и вам было бы не до шуток…

– А что ты видел?

– Они что, показали тебе бука?

– Бука мне показал отец, – сказал Ризван.

5

– Вы бывали в Астрахани? Нет, наверное, лучшего места для желающих весело провести время. Ночью по вокзалу бродят одинокие девушки в поисках романтических приключений...

Последние несколько лет наша семья занималась выращиванием бахчевых культур – арбузы, дыни, кабачки и тыквы. На просторах бескрайних калмыцких степей и астраханских пустынь и полупустынь трудится много чеченцев и дагестанцев. В основном занимаются скотоводством и бахчеводством. Там мало населения и такие необъятные просторы, что нам и не снились. Эти земли идеально подходят для пастбищ. А астраханский сорт арбуза, благодаря теплому климату, славится на всю страну

сладкой мякотью. А с ароматом диких тюльпанов, распускающихся весной, не сравнятся даже французские духи.

Невдалеке от нашей бахчи располагался трудовой лагерь, куда приезжали студенты для прохождения практики. Наш отец (я с детства очень боюсь его!) приглашал их на сбор урожая. Студенты с радостью приходили на помощь, отец не скупясь, разрешал не только досыта наесться медовых арбузов, но еще и прихватить с собой. Собранный урожай сразу же грузился на машины и, проводив гостей, старшие уезжали на городской рынок. Оставшись одни, мы с кузенами прыгали в старенькие «Жигули» и, вздымая клубы пыли, гнали вдогонку уехавшим практикантам. По вечерам обычно в лагере проходила дискотека.

В один из таких вечеров мы решили: «Отец и братья на груженых «КамАЗах» уехали на базар и останутся ночевать, можно немного поразвлечься». Выпили на дорожку и поехали, выкрав из запасов отца спиртное. Отец не пил, но всегда держал запас, на случай приезда гостей из руководства колхоза или района. Посторонних в студенческий лагерь не пускали, но нам удалось пробраться во двор. Я стал громко кричать:

– Девочки, собирайтесь! Есть выпивка и закуска! Кто с нами?! Айда!

Девушки начали весело подбегать и собираться вокруг нас. Поднявшаяся шумиха привлекла внимание преподавателей, и мы вынуждены были выйти за ворота. Через некоторое время к нам присоединилось несколько студенток. Когда тебе весело время летит быстро. Незаметно закончились наши припасы, и кто-то предложил:

– Поехали на бахчу, там никого нет.

Мы продолжали пировать в палатках. Я вышел по маленькой нужде. Отойдя в сторонку, я заметил чей-то силуэт в белой одежде. «О Аллах, что это, человек или дух?» – смотрю я и не могу понять. И вдруг меня словно

молнией поразило... Отец!.. Большей беды со мной и не могло случиться! Кровь застыла в жилах, меня бросило в дрожь, застучали зубы... Не помню, как я упал без чувств.

«Всевышний Аллах, лучше бы я умер здесь, не открывая глаз, чем так опозориться», – подумал я, приходя в сознание.

Надо мной стоял отец.

– Да-а, – сказал он, – сын повзрослел.

Я встал. Хмель мигом вышибло из головы.

– Кто они такие? Что здесь делают? – спросил отец.

– Заблудились, – сказал я. – Дожидаются утра.

– Да? Ладно. Проводи их, – сказал он и исчез во тьме.

Веселье как рукой сняло. Я был очень подавлен. Никогда еще до той минуты я не испытывал подобного стыда. Да оградит нас Аллах от всего дурного! Очень тяжко испытывать бремя вины перед своими родителями.

Мы отвезли девушек в лагерь, а на обратном пути внезапно закончился бензин. И, как назло, нет запасной канистры. Мы долго простояли, напрасно ожидая проезжающую машину. Наконец, потеряв надежду, я сказал:

– Я должен идти.

– Куда ты пойдешь, когда и дороги не видно?

Стояла кромешная тьма! На небе не видно ни одной звездочки, лишь изредка где-то в вышине проблескивали огни пролетающих самолетов.

– Я обязательно должен идти! – сказал я, выходя в дорогу. – Хотя бы к утру буду на месте. Отец будет беспокоиться.

Я знал, что он не ляжет спать, дожидаясь нас. Я шел, не зная куда, лишь бы не стоять на одном месте, и еще до рассвета оказался дома.

Отец ждал, сидя в кресле.

– Отец, где бензин? У нас в пути кончился бензин. Я добрался пешком, – сказал я, избегая его взгляда.

– Бензин? Я дам тебе бензин, – сказал отец спокойно.

Заметив, что он потянулся за ружьем, я мигом выскочил из дома, сильно хлопнув дверью. Следом раздался выстрел. Он стрелял наверняка. В ярости. Когда я бегом бросился в канаву, вдогонку еще раз раздался выстрел.

– Вернись! Вернись! Я убью тебя! – кричал отец.

Как я мог вернуться, когда он грозится убить?! Не знаю, может, он кричал от сожаления… Я переплыл канал и без остановки добежал до трассы.

От нашей точки до Астрахани было приличное расстояние. «Не останусь здесь ни одной минуты!» – решил я, намерившись во что бы то ни стало попасть домой. Только бабушка могла меня защитить. Я очень люблю ее, свою милую добрую бабушку! Я люблю в ней все. Она не раз спасала меня от гнева отца. Когда я в два-три часа ночи возвращался с вечеринок, меня всегда на столе ждала еда.

– Это ты, внучек? – спрашивала бабушка, несмотря на поздний час.

– Я, нана, спи.

– Поешь, еда на столе.

– Хорошо, не беспокойся…

Утром отец поднимал меня и старших братьев. У нас большое хозяйство и работы всегда вдоволь. Бабушка вставала задолго до рассвета и, совершив намаз, занималась домашними делами: подоит коров и, изредка помахивая прутиком, гонит до окраины села, где пастухи собирают стадо, а затем со свежим надоем молока идет к соседке. Пока хозяйка вращает ручку сепаратора, женщины с утра обсуждают сельские новости. Вернувшись домой и увидев мое насупившееся лицо, бабушка начинала ругать своего сына:

– Что ты хочешь от этого ребенка?! Хочешь убить его?! Он же ночью не спал.

– А кто его заставляет? Кто мешает ему спать? – удивлялся отец.

Я впивался взором в бабушку. Она быстро говорила:

– Я не здорова и не спала всю ночь, а он до утра просидел у моего изголовья, – и уводила меня в дом.

Когда я с новобранцами поднялся на самолет, говорят, ей стало плохо. Хорошо, что я этого не видел. Я бы не выдержал и выпрыгнул с самолета...

И вот, стою я на обочине шоссе, без копейки в кармане и думаю: «Что же делать?». Подъехал «Икарус». Захожу и говорю водителю:

– Друг, у меня нет ни копейки, мне нужно в Астрахань. Можешь подвезти меня?

– Спрашиваешь! Конечно, могу! – сказал он.

Очень хороший парень. Он оказался дагестанцем. Ему, водителю такого большого автобуса, весьма шла кавказская фуражка с массивным козырьком, как плоский навес у главного входа аэропорта. Из-за такого сходства, наверное, их прозвали кепки-аэродром. Помните анекдот? Грузин расплачивается в ресторане двадцатипятирублевой купюрой. Засомневавшийся официант спрашивает: «А почему у тебя Ленин в фуражке?» – «А у нас все так ходят!» – отвечает грузин.

Я сильно проголодался. То ли от долгого бега, то ли от переживаний... Доехали до Астрахани. На выходе шофер вручил мне червонец, хотя я и отказывался.

– Я рассержусь, если не возьмешь! – настоял он.

Я находился не в том положении, чтобы упорствовать из-за гордости или ради приличия.

– Спасибо. Пусть вернется благом! – поблагодарил я.

Деньги пришлись очень кстати. Я зашел в ближайшее кафе, плотно поел и, не наведываясь к родственникам на базар, сел на поезд и доехал до Грозного, меняя вагоны и время от времени попивая чай в ресторане. Сложнее было добраться из Грозного до дома, на билет не осталось ни копейки. В поезде, на худой конец, меня никто не знал. Как быть среди своих? В городе жила моя тетя

по матери. Но она начала бы расспрашивать, что да как. Не хотелось посвящать ее в подробности. Она замужем, живет у чужих для меня людей. Другое дело, если бы у нее был сын моего возраста. Одни дочери...

Оглядевшись, я нашел валяющийся старый билет и сел в автобус, едва он начал трогаться. На выходе показал билет. Водитель кивнул.

Так я добрался до дома…

Отец и братья повсюду искали меня, не зная, жив я или мертв. Двоюродные братья разыскивали в канале, надеясь найти хотя бы труп. На рынке тоже меня никто не видел… Через какое-то время приехал отец. Наверное, он не дал телеграмму, чтобы не напугать домашних.

– Ризван дома? – спросил он невестку, подметавшую двор.

– Нет, – сказала она, опасаясь за меня.

Не заходя в дом, отец пошел к воротам.

– Скажи: приехал! Скажи: приехал! – повторял я невестке. – Он же в отчаянии.

– Папа, – крикнула она вдогонку, – он дома.

Отец обернулся и, не сказав больше ни слова, уехал.

Десять месяцев я прятался от него. Он на работе, я дома, он только приедет, я тайком на работу. Так уж вышло, что и в армию я пришел, не повидавшись с ним.

Так что, кенты, прошу не судить строго. Горький опыт послужил мне хорошим уроком. Чувство вины и стыда еще слишком свежи в моей памяти...

Послесловие

Это послесловие посвящено Исламу Эльсанову, а также всем редакторам и критикам. Настоящим и будущим.

Чтобы завершить данный рассказ, я приехал в общежитие мединститута. Корпеть над бумагой здесь будет проще, чем в войсковой части и уютнее.

Мои друзья – Руслан Джабраилов из Гудермеса, Сайд-Магомед Демильханов и Магомед Дадаев из Алхан-Юрта, Магомед Гаургашвили из Грузии, Айнди Алимхаджиев из Бердыкеля, Садулаев Валид из Ведено и Паша Дьелог из Али-Юрта – отличные ребята.

Я долго не мог поверить, что Паша не чеченец, пока мне не показали его паспорт. Настолько хорошо он владел чеченским языком! В отличие от родителей, многие русские, украинцы и евреи, родившиеся и выросшие в Чечне, владеют языком, танцуют лезгинку не хуже чеченцев и перенимают местные обычаи, что очень сближает молодежь.

Я часто прихожу сюда. Целыми днями студенты на занятиях, а в свободное время занимаются зубрежкой латыни, перечисляя названия всех костяшек и частей тела. Глядя на них, я понимаю, что мы, оказывается, и не учились вовсе, а просто читали любимые книги и пытались сочинить что-то свое.

– Служба у парня идет нехило, – смеются ребята, когда я появляюсь.

– Своим чередом, – соглашаюсь я.

При возможности остаюсь и на ночевку. Нам есть о чем поговорить. Они близки моему сердцу, как родные братья. Даже когда времени нет, заскочу хотя бы на пять минут, и на душе спокойно, словно дома побывал. Наверное, ни один народ в этом мире так не сплочен, как вайнахи.

Поднявшись по лестнице, встречаю племянника нашей невестки Хизира Даудова из Мескер-Юрта.

– Когда ты приехал? – спрашиваю я радостно.

– Два-три дня назад, – говорит он, улыбаясь.

– Есть новости?

– Все по-старому. Все здоровы.

Хизир учится в сельскохозяйственном институте, а сестра его Элиса – в медицинском. В их поисках я и забрел

сюда впервые. Он привез мне из дома спортивную форму, кроссовки, университетский нагрудный знак, альманах «Орга» с моими миниатюрами, а также только что вышедший коллективный сборник рассказов и стихов.

– Хорошо, что не забыл книгу, – говорю я. – Очень хотел увидеть рассказы и стихи друзей.

Заметив книгу, студенты наперебой спрашивают:

– Ты пишешь? – и бережно передают ее из рук в руки.

Когда Хизир ушел, сказав, что будет вечером, и утихли разговоры, я начал просматривать книгу. Адам Ахматукаев, Иса Бецаев, Хеда Батаева, Саид Гацаев, Зайнап Эльдарханова… всего двадцать семь авторов, из которых самое близкое моему сердцу имя – Шарип Цуруев.

– Тебе платят за это?

– Сколько дают?

– А сколько стоит строка? – спрашивают студенты.

– Не знаю, сколько стоит строка, – отвечаю я. – За этот рассказ я получил около трехсот рублей.

В голову лезут разные мысли…

Жаль, что нет возможности регулярно печататься. Напишешь тридцать рассказов, из них, может, с трудом и опубликуют один. Если бы твой труд приносил, пусть не большой, но постоянный доход, это позволило бы посвятить все свое время творчеству. Был бы не только стимул, но люди ценили бы то, чем ты занимаешься и, прежде всего, твои домашние. Иначе приходится выкраивать часы для любимого дела… Так юноша втайне от старших братьев копит деньги на свадьбу, словно его ждет райское блаженство.

«В затмении солнца».

Странные названия бывают у наших книг: «Солнце в глазах», «Впереди была полночь», «У подножья лет». Теперь еще – «В затмении солнца». А не лучше ли назвать просто «Сюрприз»? (Это название моего рассказа, вошедшего в сборник!) И звучит красиво, и более подходит.

Разве выход книги не является сюрпризом для каждого автора? При желании кому-то подарить… тоже сюрприз!

Подожди, Сайд-Хасан, останавливаю я себя. О чем ты? Возможно, все эти двадцать семь человек также жаждут дать сборнику свое наименование. Тогда я вспомнил, что должно быть еще послесловие, где редактор высказывает свои мысли об изысканиях того или иного писателя.

Что же говорит нам редактор? Читаю внимательно. Дохожу до строк, написанных обо мне.

«Трудно назвать «Сюрприз» Сайд-Хасана Кацаева рассказом».

Это выражение, как студеная вода, действует отрезвляюще! Но что же тогда является рассказом? Каким он должен быть? Кто определил его границы? На мой взгляд, рассказ постоянно обновляющийся жанр. Какой из рассказов можно назвать образцом? Рассказы Бальзака или Мопассана, рассказы Пришвина о природе или детективы Кристи? Рассказы Толстого или Моравиа, Достоевского или Хемингуэя, Лескова или Шукшина?

Ясно, что у каждого из них «свой» рассказ.

Тургенев, Чехов, Борхес, Маркес, Моэм, Паустовский, Зощенко, Астафьев, Шаламов...

Нужно ли перечислять еще имена?

И чеченская литература не является исключением. От Бадуева до Бексултанова. Как самобытны рассказы каждого из прозаиков! Среди них и рассказы самого Эльсанова.

Есть пример Хемингуэя, оказавшего колоссальное влияние на мировую литературу XX века. Как долго издатели отвергали его своеобразные рассказы!

«Это не рассказы, а этюды, зарисовки, сказки», – утверждали они.

«Пока есть на свете писатели и пока у них есть желание писать, рассказ волен облечься в любую форму, избрать себе любой размер, любой стиль, он даже волен разрушить и первое, и второе, и третье», – писал У. Сароян.

Если возможно сравнить литературу со спортом, рассказ можно сравнить с легкой атлетикой. Сколько существует видов бега? От спринта и до марафона? Независимо от дистанции, сто метров или десять километров, ты участвуешь в забеге. А рассказ «Сюрприз» – это бег с препятствиями.

Читаю дальше.

«Это не литературоведение, не литературная критика и не мемуары, порой много лишнего, похожего на литературщину, кажется, что это воспоминания об уходящем».

Действительно, это не литературоведение, не литературная критика и не мемуары, но некоторые мои произведения «заражены» ими. В других рассказах, возможно, будет затрагиваться и политика. Одной лишь художественностью и выдуманными историями не затронуть сердца читателей.

«…много лишнего, похожего на литературщину…»

Сколько бесполезных, лишних страниц исписано в мировой литературе! На первый взгляд может показаться, что и в «Сюрпризе» много «лишнего», не связанного с основным сюжетом. Я написал его, чтобы рассказать о нелегком труде писателя и судьбах некоторых произведений известных авторов (Горький, Бунин). Как говорится, это из опыта моей работы…

«… это воспоминания об уходящем…»

А что такое рассказ, если не воспоминание? (Сюда не входит фантастика; я о ней и не говорю.) Разве цикл романов «В поисках ушедшего времени» Марселя Пруста, о котором так возвышенно любят рассуждать редактора и критики, не те же воспоминания? Пиши я не о себе, а о каком-нибудь Абдул-Муталипе, жившем в очень трудное время, то это получается рассказ?

«Главное – не определение жанра, главное – определить хорошо написана вещь или плохо».

Готов поднять за это обе руки! Но, прежде, хотел бы дать короткую справку о своем творческом пути.

В юности я тоже начинал со стихов. Для моего возраста они были неплохими, но по сравнению с классикой, казались слабыми. Я знал наизусть множество стихов, поэм и песен, и это мешало мне сочинять собственные стихи.

Некоторые поэты-песенники часто пишут, подлаживаясь под определенную музыку или ритм. Иные грешат тем, что переписывают понравившееся стихотворение, используя синонимы, но сохраняя мысль и содержание. Это происходит сознательно или подсознательно.

В поисках точных слов для выражения своих чувств, у меня тоже порой всплывали строки известных поэтов или бардов. Но, решив не быть чьим-то подражателем, я оставил поэзию в покое и перешел к прозе. Так уж получилось. Сперва я просто вел записи. Изложив события за день и доверив бумаге свои чувства и эмоции, я освобождался от лишних переживаний.

Ведение дневника для меня стало своего рода терапией души. Перефразировав известное выражение Достоевского «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя», можно сказать, мои рассказы вышли из дневников.

В семнадцать лет, к моему удивлению, среди всевозможных записей я обнаружил готовые рассказы, ни убавить, ни прибавить. И с тех пор начал уделять больше внимания сюжету.

К девятнадцати годам я укрепился в мысли, что умею писать интересно и увлекательно. А сегодня, если бы я думал, что пишу хуже классиков (ради которых оставил стихи), то не писал бы и рассказы.

«Не везде одинаково «красив» «Сюрприз».

И человек не везде одинаково «красив», но даже самая «некрасивая» часть тела является необходимой. Каждый орган в теле, как и каждая деталь в произведении, выпол-

няет свою задачу, а то и несколько функций. Как из них вычленить главный орган?

«В рассказе много лишней информации, например, через определенное время не будет никакого значения в том, что редактором книжного издательства был Эльсанов…»

И здесь ты ошибаешься, Ислам.

Верю всем сердцем, что состояние нашего научно-исследовательского института все же улучшится. И тогда, скажем, лет через сто, при издании моего собрания сочинений, в «Комментариях» напишут: Ислам Эльсанов (годы жизни) – современник Сайд-Хасана Кацаева, чеченский писатель, редактор книжного издательства.

«…если завтрашние читатели и будут умнее сегодняшних, они не поймут с чем Сайд-Хасан связывает притчу, рассказанную ему Мацаевым…»

Ну-у... При наличии трех высших учебных заведений и, возможно, при скором основании Академии наук, разве мы не нуждаемся в кандидатах и докторах наук? Пусть исследуют! Скольким я помогу, благодаря этой «тайне», защитить диссертации!

«…телефон и номер автомобиля Союза писателей, а также другие вещи не будут иметь никакого смысла».

Писатель предназначает свое произведение, прежде всего, современникам. Если пишешь не для денег, конечно, думаешь и о будущих читателях. Они могут увидеть подтекст и постигнуть глубинный смысл художественного произведения, что придаст ему особую значимость. А то, что нам кажется великим, может утратить в их восприятии свое значение. Это невозможно предугадать!

«Некоторые авторы пишут произведения, другие пишут об их авторах, без анализа, занимаясь критиканством».

– Ты закрыл себе дорогу в издательство. Твои рассказы больше не выйдут из печати, – сказали воронежские студенты, прочитав «Сюрприз».

– Я очень хотел бы оказаться дома, хотя бы на час, – сказал я, – чтобы посмотреть на их реакцию.

Ни о каком критиканстве я и не думал. Моя критика, как иголки ёжика, предназначена не для вреда людям, а для собственной защиты от тех, кто хочет меня «съесть». Не раз они ломали зубья критикам. А по поводу того, что изложенное в «Сюрпризе» неверно, скажу словами из романа Алвади Шайхиева «Билет» («Орга», №2, 1990 год, 2 стр.): «Может быть, я здесь ошибаюсь, я хотел бы ошибиться, но я говорю о том, что сам испытал и пережил».

«Кажется странным, что Сайд-Хасан пишет о «чтении» книг: «Я их не читаю. Только листаю». Не знаю, куда деть такую его уверенность в себе».

Я всегда говорю: «Писателей миллионы, а читатель только один. При всем желании, у него нет ни времени, ни возможности прочитать все книги. Поэтому долг современного писателя – писать кратко».

Правда, в некоторых рассказах, не по своей вине, я отступил от этого принципа. Я, вообще, люблю писать о прочитанных мной книгах. У меня наберется несколько десятков книг из серии «Мастера современной прозы». Из них от начала и до конца я с удовольствием прочитал лишь двух авторов – Яшара Кемаля и Ричарда Райта.

А кому интересны остальные, если даже я, филолог, не могу их осилить? Но, несмотря на мое мнение, эти книги издаются. Почему же не печатают мои, из-за того, что они кому-то не по душе?

Люблю больше читать статьи о творчестве писателей, чем их произведения. Слова «великий», «знаменитый» заставляют меня думать: «Какая хорошая книга попала в мои руки!». Но радость сменяется разочарованием. Часто высокая оценка художественных произведений не совпадает с моим мнением. Поэтому и говорю, что они дают мне большой заряд.

«Прочитав «Сюрприз», читатели могут подумать, что Кацаев прислал в издательство рукописи нескольких книг. Это совсем не так, а заранее заботиться в рассказе, может, не совсем верно».

Книги могут быть толстые, как у Рабле, Золя, Диккенса, Толстого, Вулфа и тонкие, как у Мопассана, Набокова и Думбадзе. Мне интереснее сам процесс написания, чем подготовка текста к печати. Это очень скрупулезная работа, требующая нервов и времени. Мне часто не хватает сил и терпения, переписывать и редактировать произведение. Всегда хочется написать что-то новое.

Мы любим вспоминать, что Бальзак и Достоевский в молодости жили очень бедно, ютились в маленьких каморках, голодали, не могли выпутаться из долгов...

Безусловно, они были тружениками. Однако, несмотря на все тяготы и лишения, их печатали толстые журналы, издатели авансом выплачивали им крупные гонорары. Бальзак окружал себя роскошью и тратил огромные суммы, живя как аристократ или ввязываясь в весьма сомнительные предприятия. Достоевский часто выезжал за границу, где за рулеткой проигрывал все деньги.

Сколько произведений уже созрело в моей душе!

Дайте мне аванс, и я покажу вам, как нужно писать!

В наше время и без работы не прожить, и на зарплату не прожить. Очень странная система.

В «Сюрпризе» я хлопотал не о том, что напишу завтра, а скорбел об уже написанном. Я ни в чем не нуждаюсь, кроме секретаря и ежемесячного журнала.

«И все же, в Сайд-Хасане привлекает одно – он пишет открыто, не скрывая свои мысли».

Закончу начатое. Эту духовную свободу мне дала не сегодняшняя демократия. Я рос, наблюдая «замалчиваемое» писателями старшего поколения, досадуя и не в силах повлиять.

Это послесловие растянулось больше самого рассказа.

В начале рассказ состоял только из пятой главы. Потом захотелось немного поведать об армии и о вайнахах на чужбине. Так появились первые четыре главы. Предисловие – информация для читателя. Послесловие возникло неожиданно и для меня самого.

В завершение хочется сказать:

– Ислам, я считаю нас товарищами. Не только из-за того, что при встречах приветствуем друг друга, но и искренно занимаемся одним делом. Этими строками я меньше всего хочу обидеть тебя. Другой вряд ли издал бы мой «ералаш». У тебя может возникнуть вопрос: «Для чего этому рассказу нужно послесловие и фамилии, в которых не будет смысла для «будущих читателей?». Я раскрою тебе свою «хитрость». Смотри. Во-первых, те люди, которых я упомянул в данном рассказе, обязательно прочитают его и порекомендуют своим друзьям, родственникам и знакомым. Что касается «будущих читателей», то и среди них найдутся потомки моих героев. И они захотят услышать имена своих предков… Так и у других народов возникнет интерес к книге, которую читают чеченцы. Во-вторых, через какое-то время, мои рассказы станут школой юных писателей. Ты не смейся. Я рассказываю не только о прочитанных мною книгах, но и о том, как я сам их пишу.

1990

ПИСЬМО

Наступила зима. Каждый раз, когда рота шла в столовую или возвращалась в казарму, из-под сапог отлетали комочки липкого снега.

Султан был недоволен. Его возмущали бесконечные разговоры по телевизору и многие армейские порядки – подъем, утренний осмотр, надоевшая всем вечерняя поверка и дующие ветры. Кому нужно по делу и без дела стоять на холоде, выкрикивая:

– Афанасьев!

– Я!

– Алефиров!

– Я!

Больше всего Султан был недоволен собой. Особенно его угнетала потеря свободы: идти куда хочется и поступать, как хочется.

«Да это и не армия!» – говорил он в сердцах. Он думал, что идет защищать страну и общество и будет хорошим солдатом. В его представлении армия – это занятия спортом, изучение разных видов оружия, стрельба из пушек, военные машины в грязи, тягачи, грозные танки, БТРы, выезды на полигоны на несколько дней без еды и питья, прыжки с самолета...

Кто не мечтал хотя бы раз в жизни наблюдать землю с высоты птичьего полета или парить в небе? А здесь не было ничего похожего на армейскую жизнь, кроме солдатской формы, старой послевоенной казармы, переделанной из рабочего барака и всевозможных ограничений свободы. Они были всего лишь дешевой рабочей силой. Все это понимали. Перед ними ставилась одна задача: любой ценой выполнить план! Обычный стройбат.

После карантина, когда его определили в роту, он заметил, что во время утренней зарядки, в присутствии командира, все выбегали из казармы, а в его отсутствие «деды» продолжали спать. Султан тоже перестал выходить, хотя был не прочь позаниматься.

Он работал охранником. Пост его находился в КПП соседней воинской части. Там было чуть веселее. По вечерам приезжали из города девушки. Порой они оставались до рассвета.

По ночам офицеры редко заглядывали к ним. Иногда Султан уходил в самоволку, на квартиру или в общежитие к друзьям. Настоящей службы все равно не видать!

Как-то вечером в городе его заметил один из офицеров части. Султан шел с группой студентов, переодетый в «гражданку». С тех пор за ним начался неусыпный надзор ротных офицеров, они приходили даже поздней ночью. Чтобы уйти из-под их контроля, Султан сделал небольшую передышку, оставаясь на дежурстве. Тогда начали придираться, чтобы не спал.

– Ты же сторож! Днем будешь спать.

Утром, вернувшись в казарму, он заставал всего лишь несколько больных, получивших травмы на работе и очередной наряд. Одни, как тени в пижамах и тапочках, прохаживали по бараку, другие в «ленкомнате» смотрели телевизор.

Неудовлетворенность службой, оторванность от привычной жизни и учебы пробуждали в нем чувства внутреннего протеста, тоски и одиночества. Свобода как здоровье, которое не ценишь, пока оно не даст сильный сбой. Лишь попав в неволю по-настоящему понимаешь и чувствуешь всю важность и притягательность свободы. Потребность дышать свежим воздухом, воздухом свободы, не находиться под чьим-то контролем, вставать, когда хочется и ложиться, когда хочется, есть, когда хочется и не есть, когда не хочется. Иметь возможность переме-

щаться без ограничений. И чтобы хоть немного восполнить потери и утраченные иллюзии, Султан не упускал возможности бывать в городе. Он обходил книжные магазины, гулял по проспектам, любовался домами, скверами, отдыхал у фонтана, часто ходил купаться. Вечером заходил к друзьям, выпивал с ними чашку чая и до отбоя возвращался в часть.

– Казбеков, ты на курорт сюда приехал?! – упрекали его.

– А вы думали, что я работать приехал? Я сбежал от нее. У нас столько работы дома!

– Попадись ты мне лет пять назад, я бы посмотрел, как ты запоешь! – грозился командир. – Я бы сгноил тебя на гауптвахте! Раньше солдат не баловали. Давно бы ты сидел в дисбате. Это Горбачев все расшатал… И в штабе у нас слишком мягкосердечные люди. Не пойму, для чего они тебя так оберегают.

Наконец, из-за непрекращающихся жалоб командира Султана сняли с должности охранника. Тогда он назло отказался где-либо работать и целыми днями лежал в постели и читал книги, выходя только, чтобы сходить в столовую.

– Пойдешь на работу? – спрашивал командир.

– Я болен! – отвечал Султан.

– Сходи к врачам! – выражал свое недовольство капитан.

– Они ничего не знают, – отрезал Султан.

Он записался в библиотеку и прочитал исторические романы Владимира Яна о нашествии монголов на Русь, средневековую арабскую прозу, «Похождения бравого солдата Швейка» Ярослава Гашека, «Буйный Терек» Хаджи-Мурата Мугуева и еще много книг. До армии Султан не интересовался военной прозой, а сейчас только романы о войне были ему по душе. Война выворачивает многое наизнанку, раскрывает суть человека изнутри, что невозможно в мирное время.

Декабрь был на исходе. Снег покрыл все своей чистотой. Казармы хорошо отапливались. Когда здоров и сыт не так уж чувствуешь мороз.

Солдатам-передовикам присвоили очередные звания и объявили отпуска. Султан, зная, что бесполезно, даже не надеялся. Лежебок и бездельников не поощряли. Но он не гнался за званием и должностью. За последнее время он заметно поправился.

Командир роты, капитан Баранов из-за неприязни к командованию батальона и ненависти к Султану выжидал удобный момент, чтобы посадить его.

Султан не любил ничто из того, что нужно делать по распорядку, даже прием пищи. Вроде бы приятный ритуал, от которого должен получать удовольствие, но, когда кто-то стоит над душой и командует, приятного мало, пусть даже тебя это не касается.

Впервые в жизни тараканов и подливу со свининой Султан увидел в армии. Стоило после отбоя выключить в казарме свет, как из всех щелей старых досок и из-под отслоившихся обоев выползали огромные тараканы с большущими усами. Очень противные насекомые. Еще более омерзительно видеть в подливе шкурки свиньи с щетиной. Прямо с души воротит. Некоторые солдаты с удовольствием оставались в наряде на кухне, чтобы съесть остатки этого месива из котелков. Гражданская столовая открывалась только на обед, и по утрам Султан пил чай с хлебом и маслом. Алюминиевая кружка настолько обжигала губы, а горячий чай – все внутренности, что приходилось по нескольку раз переливать чай из одной кружки в другую. А пока кружка охладится, чай и вовсе остынет. По вечерам макароны или гарнир какой-нибудь с чаем. В неделю раз или два бывал рыбный день.

Иногда Султан задумывался: «Какой из меня солдат?! Мало же пользы от меня государству».

Их было двадцать призывников из Чечено-Ингушетии. Борзые ребята. Стоило на пять минут оставить их одних, потасовки обеспечены. Даже со старослужащими устраивали драки. Они наслушались глупых советов старших, что надо бить первым, как только кто-то подойдет и скажет «здравствуй». Никто и не подходил, не беспокоил. Для того новобранцев и держат на «карантине» две недели, чтобы перед распределением они прошли адаптацию в новых для них условиях.

– Не нужно драться, если к вам не лезут, – объяснял им Султан. – Вот, когда нас разбросают по ротам, тогда нужно будет показать себя.

Никто не хотел идти в наряд.

– Вайнахам позор мыть посуду!

– Вайнахам позор мыть полы!

Султан договорился с сержантом, тогда начали возмущаться другие. Почему все время они должны вкалывать? Находились и другие причины для ссор. Русские не умели разговаривать на литературном языке. Никого и ничего не имея в виду они могли, по привычке, позволить себе нецензурные выражения, матерщину, просто для связки слов. И драки были неизбежны. Эта разница в менталитете труднообъяснима русским. Султан наравне с сержантами вел курс молодого бойца, читал им краткие лекции по этике. Подходило время принятия присяги. Кто-то оказал ребятам «медвежью услугу», все, будто сговорившись, начали утверждать, что не примут присягу. Лучше попасть в тюрьму, чем в дисбат, утверждали они. Замполит части майор Болдин застал их, когда они избивали очередного солдата.

– Что за народ? Ну что за народ?! – ругался комбат.

– Не народ, не народ, – мягко, но жестко поправил комбата замполит. – Если мы так начнем делить, то скоро останемся одни и, переглянувшись, начнем биться между собой: воронежские, тульские, ростовские...

И было решено после карантина раскидать всех по Московской области, по одному-два человека в часть.

Замполит вызвал к себе Султана.

– Студентов же не призывают в армию, как ты попал сюда?

– По своей воле.

– Зачем?

– Хотелось повидать мир.

После короткого разговора замполит предложил:

– Если хочешь, оставайся у нас. Я подберу тебе хорошую работу.

– Есть ли возможность перевести меня в строевую часть, где я мог бы узнать побольше о военной службе? – спросил Султан.

– Это исключено. Все части в нашем управлении строительные. Что такое армия ты узнаешь и здесь.

– Могу я оставить с собой нужных мне ребят?

– Можешь.

Но, кроме одного, никто не захотел остаться. Потом они присылали Султану письма: «Какими же дураками мы были, что не послушались тебя».

Еще месяц-два шли письма в их адрес. Султан пересылал письма по их новым адресам. Он тоже получал письма из дома. Писали братья, мать, невестки, иногда один из друзей сообщал о сельских новостях. Полной неожиданностью был его поступок – уход в армию.

– Что ты забыл там? – говорили родственники.

– Зачем тебе армия? – отговаривали его друзья.

– Хочу написать книгу, – отшучивался Султан.

– Книгу говоришь?

– Да. И название уже придумал: «Бардак».

Хотя это было сказано в шутку, на самом деле так и оказалось. Солдаты убегали домой. Их вылавливали в пути, на поездах, на конечных станциях, дома и возвращали в часть, судили. Даже солдаты, официально полу-

чившие увольнение в выходные или праздничные дни, без ЧП не возвращались. Ночью шарили по чужим подвалам, в поисках варенья, аджики и других припасов. Ребята поопытнее напивались и раздевали гражданских, но следом приезжала милиция и забирала их. Звонили также из военной комендатуры, сообщая о задержании «вояк».

В сравнении с этими происшествиями, самоволки Султана, хоть и нарушали дисциплину, не были общественно опасны. И к нему относились снисходительно. В штабе хорошо изучили Султана. Если и переночует где-то, знали, что он вернется утром. Единственный солдат в части с неполным высшим образованием, Султан не пил, не курил, был самостоятелен.

Как-то замполит попросил Султана съездить на вокзал и купить билет. Но цены подорожали и денег не хватало. Султан доплатил и взял билет. Вернувшись в часть, он молча положил билет на стол замполита, повернулся к двери и сделал несколько шагов к выходу.

– Султан, а сдача? – спросил Болдин.

– Товарищ майор, посмотрите цену, – сказал Султан.

Замполит взял билет обеими руками, посмотрел цену и смущенно улыбнулся:

– Выходит, я тебе должен?

Во всех вузах Воронежа училось много чеченцев. Особенно Султан подружился со студентами мединститута.

– Ваш капитан прав, ты и вправду на курорте, перещеголял даже нас! – смеялись ребята, намекая на его спутниц. Он редко бывал один.

Султан хотел забыться. Хоть на короткое время. Оставшись наедине с собой, перед глазами всплывали: дом, родственники, друзья, книги, институт… девушка из этого института.

Он познакомился с ней во время вступительных экзаменов. Среди всех девушек лишь она привлекла его вни-

мание, заворожив своим изяществом. Потом ему понравилась ее походка. Внешне она казалась гордой.

«Все сокровища этого мира не стоят улыбки красавицы! Надо бы прожить свою жизнь в обществе такой девушки», – подумал Султан.

Разговорившись, он нашел ее немного кокетливой, обаятельной собеседницей. Без всех этих городских штучек. Он понял, что в институте ему нечего делать, если она не поступит. Он пропускал ее вперед, и следом проходил сам. Находил ее взглядом и как-бы случайно садился за соседний стол. Чуть погодя спрашивал:

– Что тебе досталось?

Абитуриенты украдкой, как осьминоги в поисках добычи, тоненькими пальцами осторожно копошились в своих шпаргалках, припрятанных в потайных карманах.

Султан старался, чтобы она написала побольше. За себя он не так беспокоился.

По его просьбе их зачислили в одну группу.

Начав как бы ради забавы, он влюбился в девушку. Прав был Ибн Хазм, сказавший: «Любовь – вначале шутка, но в конце – дело серьезное». Ее воспитанность и умение вести себя покорили сердце Султана.

Наступила весна. Часто они ходили к фонтану, чтобы полакомиться мороженым, и в «Столичное» – попить кофе. После занятий вместе посещали «Чеховку», книжный магазин и музеи. Библиотеки, книжные магазины и музеи – это особый мир со своей культурой и атмосферой добра и любви к искусству и знаниям. Женщины тепло встречали их, говорили приятные слова.

– Как вы подходите друг другу!

– Молодец, парень!

– И девушка красавица!

Султан жил в общежитии, а Фатима – в пригороде.

– Сходим в кино? – предложил однажды Султан Фатиме. Фатима не захотела. Султан не огорчился, а лишь

обрадовался. Чем ближе он узнавал Фатиму, тем сильнее влекло его к ней.

Разные мысли лезли в голову, порой пугавшие его:

«Что будет, если кто-нибудь ее украдет?».

Султан вспомнил, как она упоминала об одном парне из их поселка. На его расспросы Фатима ответила, что не выйдет за него.

– А за меня выйдешь?

Она промолчала. Чувствовалось, что она волнуется.

– Фатима…

– Что?

– Посмотри на меня…

– Что?

– Подними глаза.

– Так скажи…

– Выйдешь за меня?

Фатима стояла перед ним опустив глаза, щеки покраснели от смущения. Стыдливость была ей очень к лицу.

Сердцем он чувствовал, что Фатима любит его, но этого было мало. Султану хотелось услышать ее признание и добиться от нее слова, жениться и жить счастливо. Даже любимые книги давались с трудом. Он замечал, что читает и не запоминает, все время думая о ней. Он хотел видеть ее своей. И не боялся того, что он еще студент и не зарабатывает себе на жизнь.

– Подожди до конца учебы, – просила Фатима.

– Я бы подождал, но люди не станут ждать.

– И люди подождут, – успокаивала она его.

Зная, что тревога не покидает Султана, Фатима вновь подтвердила свои слова, что ни за что не выйдет за другого.

Девушке намного сложнее выйти замуж, чем юноше жениться. Если для молодых это вопрос любви и создания семьи, то для родителей это, прежде всего, проблема материальная, экономическая. Хлопоты на приданое невесты намного превосходят затраты на свадьбу со сто-

роны жениха. Расходы на свадьбу возмещаются подарками и денежными суммами родственников и друзей, а тяжесть приданого целиком лежит на родителях невесты.

Но Султан даже не задумывался об этом. Он толком ничего и не знал о ее родителях. Живут ли они в достатке? Есть ли у нее братья? Фатима не рассказывала о них, а спрашивать было неудобно. Да это и не главное, думал Султан.

На третий год, узнав, что тот парень настойчиво пытается ухаживать за Фатимой, Султан не выдержал:

– Я желаю забрать тебя, чем мучиться в ожидании. Если любишь меня и дорожишь тем, что есть между нами, выходи за меня, – сказал он.

– Не изводи себя зря. Я ни за что не выйду за него, – ответила Фатима.

– В таком случае назначь мне время на этой неделе, – сказал он.

– Подожди хотя бы до осени, – попросила она.

– Осенью попросишь подождать до весны. Хватит! Я ждал два года. Если намерена выходить за меня, выходи. Иначе я уеду, бросив все, – сказал Султан.

Вроде бы и не поругались, но очень расстроили друг друга. Султану некуда было идти, но ему хотелось сделать так, чтобы она об этом пожалела. Он вспомнил про армию. И летняя сессия была на носу.

«К черту сессию и все остальное!» – подумал он.

В райвоенкомате его выслушали и, не заставляя упрашивать, направили на медкомиссию, вручили повестку и назначили день отправки на службу. Военкомат и так не справлялся с весенним планом призыва.

С этой повесткой Султан отправился к Фатиме и сказал, что еще не поздно все исправить. Она не поверила, что он и вправду собрался в армию.

«Призывник должен быть пострижен наголо. Да и как он может уйти в армию, ведь скоро сессия», – полагала Фатима.

Султан не собирался писать Фатиме, но получив от нее письмо с просьбой простить ее, что она не думала, что все так обернется, он ответил ей.

Как же легко оказалось попасть в зависимость от власти и как трудно избавиться от этой зависимости! Воспитанный в духе Свободы личности, он только теперь по-настоящему осознал всю ее сладость, истинный смысл и любовь к независимости. И только теперь Султан и Фатима поняли, что их разделяет время длиною в два года. Нужно было терпеливо ждать.

Султану всегда казалось, что он будет хорошим солдатом. В детстве, как и все мальчишки, он очень любил играть в войну. Обычно дембеля свою военную форму и значки раздаривали соседским мальчишкам, которые с гордостью бегали в них по селу. Когда из армии возвращались старшие братья, он тоже носил фуражку, китель и ремень. По вечерам приходили гости. Слушать истории об армейской жизни, о разных приключениях было одно удовольствие. Самому поскорее хотелось стать солдатом. Хотя и ходили разного рода поговорки, что армия – это хорошая школа, только нужно ее пройти заочно, у чеченцев отслужить считалось за честь и почетную обязанность. «Косить» от армии было не принято. Не служивших в армии считали не совсем полноценными, нездоровыми. А теперь он обнаружил, что и сам слишком гражданский человек. Он сожалел не столько о том, что пошел в армию, а о том, что попал не в боевую часть. Мечты не соответствовали действительности.

Султан бывал в разных частях города и наблюдал разные порядки. В основном, ни о какой романтике в армии, братстве, боевом и моральном духе солдат не приходилось и говорить. Сама атмосфера была нездоровой. В каких-то частях, где больше славян, – «дедовщина», в других, где служило хотя бы несколько кавказцев – «зем-

лячество». Землячество было более гуманным и справедливым и образовалось как противопоставление «дедовщине». Многое, что считалось нормой в армии, не соответствовало этическим нормам кавказцев. Здесь не приходилось думать о человечности и гуманности. Все держалось на насилии сильного над слабым, старослужащего над новобранцами. Вся тягость военной службы и поддержание на должном уровне хозяйственно-бытовой жизни подразделения лежала на молодых.

Султан не любил насилие и относился ко всем одинаково, как к равным. Ребята обращались к нему с разными просьбами, и он помогал, чем мог. Не будучи в силах изменить порядки, сложившиеся десятилетиями (скорее можно было угодить в дисбат!), он понимал, что должен написать об этом. Главное – достойно пройти тот путь, который тебе выпал. Трудности и испытания лишь закаляют характер, точно также, как спорт закаляет тело.

Армия, конечно, не тюрьма, но тоска съедала Султана изнутри. Он тосковал по дому, по родным и близким, по учебе и своим друзьям. Не с кем было побеседовать на родном языке. Ни с чем не сравнить любовь к родному языку! Неописуема его глубина и красота! Звучание родного языка ласкает слух, как журчание горного ручья! Родной язык! Как сладок он для души и сердца! Язык Матери, которая учила тебя делать первые шаги в жизни, произносить первые слова!..

«Может и не моя вина, что я не образцовый солдат?» – размышлял Султан.

Ему казалось, что время пролетело бы незаметно, если бы с ним служили чеченцы. Единственного земляка в роте ему удалось устроить водителем, договорившись в штабе, и они виделись изредка.

Среди всего этого бедлама настоящей отдушиной были вечера у студентов мединститута. Студенческая пора – самое счастливое время в жизни каждого человека! Неза-

бываемы дни, проведенные в общежитии, в кругу друзей, где, в отличие от солдатской казармы, царит атмосфера культуры и дружелюбия.

Султан отказался от всех видов работ на заводе, и командир терпел это скрепя сердце. Наконец договорились, что он будет через сутки заступать в наряд дежурным по роте. Обычно дежурным по роте назначали старослужащего из числа сержантов или же хорошо подготовленных рядовых. Казбеков тщательно изучил обязанности дежурного по роте. В основном все сводилось к слежению за распорядком дня всей роты; поддерживанию чистоты и порядка; наблюдению за службой дневальных; осуществлению своевременного отбоя и подъема солдат и т.п. Но эти мелочи солдатского быта не изгоняли тоску Султана. И после полуночи он начал ложиться спать. Особенно в это время сильно тянуло ко сну.

«Сейчас не военное время, – размышлял он. – И спать нужно именно тогда, когда организм требует этого. Да и кого остерегаться? Находимся в центре России. Население хорошо относится к солдатам, с любовью и уважением. В части нет ничего такого, на что могли бы позариться любители легкой наживы. Ни оружия, ни боеприпасов. Да и сами они держали в руках автомат только в день принятия присяги. В стройбате вместо автомата – лопата».

В одну из ночей с проверкой неожиданно нагрянул командир роты и застал Султана Казбекова спящим.

– Просыпайся. Не спи, – сказал он тихо и ушел.

Все негодование вылилось на следующий день.

– Бесполезно ставить Казбекова дежурным. Он плохо выполняет свои обязанности. Постоянно спит! Надо его сначала научить, назначив дневальным. Пусть постоит на тумбочке, – сказал капитан Баранов сквозь зубы.

– Шутить изволите, товарищ капитан? – улыбнулся Султан.

– Какие уж тут шутки?! – произнес капитан, еле сдерживая гнев.

– Ну, Вы и артист, товарищ капитан! – сказал Султан.

Стоявший рядом старшина вмешался:

– Казбеков! Нельзя так разговаривать с командиром! – сказал он, желая предостеречь Султана от беды.

Поднося руку к козырьку фуражки, командир четко и ясно произнес:

– Приказываю заступить дневальным по роте!

– Нравится мне Ваша фамилия, товарищ капитан, – усмехнулся Султан.

Конфликт между ними назревал давно, но только сегодня неприязнь вылилась наружу. Султан мог промолчать, старшина уладил бы этот инцидент, но он был удивлен тем, что Баранов решился отдать такой приказ, заранее зная итог. Командир объявил Казбекову трое суток ареста. Он стремился не столько наказать за невыполнение приказа, а подорвать авторитет Казбекова среди сослуживцев.

– Так я давно туда просился, – улыбнулся Султан.

Наслушавшись разных историй про гауптвахту, он несколько раз уговаривал замполита посадить его на несколько дней. Считалось: кто не был на «губе» не был и в армии. «О чем писать, если кроме девчонок и книг я ничего и не видел?» – думал Казбеков.

И Баранова ситуация вполне удовлетворяла. Командир был уверен: попав на «губу», Казбеков там задержится надолго. И у него будет отличная возможность пройтись по мозгам личного состава:

– Смотрите, к чему привело Казбекова неподчинение командиру! Работать не хотел! Ярый самовольщик! И к тому же спит во время дежурства! И что? Вместо того, чтобы честно отдать Родине свой гражданский долг, он почти месяц сидит на гауптвахте! И светит ему дисбат! А я ведь предупреждал!

На гарнизонной гауптвахте было подозрительно тихо. Недавно там скончался солдат. Дежурившие сержанты и курсанты настолько жестоко избили залупившегося «деда», что у него случился разрыв желчного пузыря, но судебно-медицинское вскрытие установило: «Смерть наступила из-за инфаркта, вследствие чрезмерного потребления алкоголя».

Еще не улеглись страсти вокруг этого случая, так как многие знали правду. Бедная мать во всех инстанциях гражданских и военных настоятельно требовала установления истинной причины смерти сына и наказания виновных. Испуганные сержанты вели себя не так нагло, как об этом рассказывали в роте. Султан понимал, что если кому-то из них взбредет в голову придраться к нему или поручить грязную работу, вряд ли он оттуда выйдет в добром здравии. Там проблемы решаются не по-мужски, один на один. На непокорных и непослушных нападают гурьбой и избивают до беспамятства: бьют в пах, по почкам, по печени, по голове...

Свободный человек достойно соблюдает традиции и обычаи своего народа, но подневольному порой очень трудно придерживаться их, особенно находясь среди людей, не чтящих эти законы. Некоторым трудно понять, что мусульманам нельзя есть свинину, что мужчине зазорно подметать и мыть полы. В армии солдат и бойцов часто заставляют выполнять работу, унижающую их честь и достоинство.

«Какой из солдата воин, если он моет полы и посуду, чистит туалеты? Прежде всего, само правительство не уважает свою армию!» – рассуждал Султан.

Картина гауптвахты была удручающей: деревянные нары, как в бомбоубежище, узкие, в одну доску, скамейки для сидения, маленькое решетчатое окошко под потолком, бетонный пол, стены в штукатурке под шубу, глухая металлическая дверь, колючая проволока вокруг всей территории и курсанты с автоматами на вышках... После отбоя нары откидывались и вместо матраса разрешалось брать

шинель. Вырубался свет и на ночь зажигалась какая-то мрачная и тусклая лампа. В день три раза выводили на прием пищи и по утрам на прогулку. Поход в туалет тоже под конвоем. Невольно в голову приходила мысль, что рота по сравнению с «губой» пионерлагерь. Как бы и что бы не говорили, отношение к солдату на «губе» было намного хуже, чем в роте. Никто тебя не знает. У тебя нет ни друзей, ни знакомых. На «губе» ты просто преступник.

Султан во всем положился на Аллаха.

«Кто полагается на Аллаха, тому Его достаточно», – вспомнил он слова из Священного Корана.

Вспомнил он также историю о том, как идолопоклонники хотели бросить пророка Ибрахима (мир ему) в пылающий огонь. Архангел Джабраил явился к Ибрахиму и спросил: «Хочешь я потушу этот огонь?» – «Достаточно мне Аллаха, и Он лучший покровитель!» – ответил пророк. И огонь по повелению Всевышнего не навредил пророку Ибрахиму.

Когда пророк Мухаммад, да благословит его Аллах и приветствует, призвал своих сторонников выступить против язычников, по дороге их предупредили: «Народ собрался против вас. Побойтесь же их! Они хотят окончательно вас уничтожить». Однако многочисленность противника не испугала их, а лишь прибавила им веры, и они сказали: «Достаточно нам Аллаха, Прекрасный Он Покровитель!» И тогда, как сказано в Коране, они вернулись с милостью от Аллаха и щедростью, не коснулось их дурное.

Выходные прошли без происшествий. На третий день их повезли на хозработы. Автозак ехал долго. Высадили в центре города перед каким-то предприятием с железными воротами. Прямо на тротуаре красивые женщины с распущенными светлыми волосами, в белых халатах и пилотках бойко торговали молоком. На вывеске у входной двери написано «молочный комбинат». Но оказалось, что это военный завод. Их привезли, чтобы собрать

металлолом. В цехах стоял ужасный смрад, черный дым поднимался к высокому потолку и было очень шумно. Султан, решив попить водички, начал бродить по цехам. Его нагнал запыхавшийся сержант и сказал:

– Казбеков, хорошо, что я тебя нашел. Не отходи без спроса, а то ненароком могут и расстрелять, упаси Боже!

К обеду вернулись на гауптвахту.

В одной из камер с железными прутьями Султан заметил бойцов из своей роты: русского и армянина. Их не выводили даже на утреннюю прогулку. Еду передавали через решетку. Когда Султан проходил по коридору, они вскакивали с мест:

– Казбеков, Казбеков, что нового в роте?

Железнодорожная милиция сняла их с поезда. При проверке у обоих не оказалось ни билетов, ни документов. Беглецов вернули в часть. Суд уже состоялся. Осужденные к направлению в дисциплинарную воинскую часть, они ждали вступления приговора в законную силу.

Новобранцы с большим трудом переносят первые полгода. Поздней ночью их поднимают, скидывая с кроватей, и полусонных пинками и кулаками выстраивают в шеренгу. Старослужащие, водкой заглушив в себе голос совести, телесными побоями, страшной руганью и угрозами подавляют волю молодых солдат, приучая их к беспрекословному подчинению.

Утром дежурный офицер спрашивает:

– Что у тебя с глазом?

– Упал, – отвечает солдат.

– А зубы куда делись?

– Поскользнувшись, ударился о столб.

– А где были твои глаза?

Но как бы не отчитывал офицер, солдат его не боится. Он бить не будет, отдежурит и уйдет домой. Молодому солдату страшнее остаться на ночь в казарме. Конечно, попадается немало парней, больных и немощных, кото-

рым не место в армии, но рукоприкладство и моральное унижение ломают психику даже физически развитых ребят. Происходит деградация личности. Чтобы избежать побоев и унижений, некоторые начинают «косить» и хитрить, имитируя болезнь, другие бегут из части, отчаянно пытаясь найти спасение под сенью родителей, третьи нарочно наносят себе увечья, выдавая их за производственные травмы, чтобы попасть в госпиталь и комиссоваться. Есть и те, кто стойко переносит все тяготы и лишения, выполняет самую грязную и тяжелую работу, терпит издевательства, побои, чтобы в свою очередь, через годполтора, отыграться на новобранцах. Но львами становятся из них всего несколько человек, среди которых лидируют один или два вожака. Остальные просто дослуживают свой срок. Львиный прайд – это семья. Именно сплоченность делает их сильными даже перед более крупными представителями фауны. Стоит буйволам не убегать, а сгруппироваться и дать отпор, они могут нанести серьезный урон прайду, но, поддавшись страху за собственную жизнь, становятся кровавой жертвой...

Командование прекрасно обо всем осведомлено, но предпочитает молчать. Офицерам так удобнее управлять солдатами. Офицеров по призванию в армии мало. В основном, это солдаты, которые, не выдержав первого полугодия, подались в военные училища по призыву агитаторов. Солдаты выбирают училища, которые расположены поближе к дому. Мечтавшие стать генералами офицеры, после пяти или десяти лет службы, переводятся в другие города и страны соцлагеря. И, уходя на пенсию в звании капитана или майора, вместе с семьями оказываются без собственной жилплощади и почти без средств к существованию. Всю накопившуюся злость они срывают на солдатах. Но немало в армии и мужественных, благородных, сильных духом офицеров, беззаветно преданных Родине!

И вот, на своих старых «Жигулях» за Султаном приехал старшина.

– Ну, и как тебе здесь? – спросил он.

– Кормят неплохо, товарищ старшина, – ответил Султан, – но на койке спится лучше, чем на нарах. У меня и так поясница пошаливает.

– Так ты сам хотел побывать на гауптвахте.

– Я не жалуюсь.

Прибыв в расположение части, Султан искупался и переоделся в чистое. Он лежал на заправленной постели, наслаждаясь свободой. В полупустой казарме отдыхала лишь ночная смена. Султан думал о последних днях и о дальнейшей службе. Было такое чувство, будто вернулся домой...

Тишину нарушили осторожные шаги дневального.

– Казбеков, тебя вызывают в штаб, – сказал он.

Замполит был явно не в духе.

– Что дальше? – спросил он. – Если так будет продолжаться, тебя посадят. Будешь ходить по камере кругами и писать письма: «Везде параша, прости мамаша».

– Товарищ майор, из Вас получился бы хороший поэт. И с рифмой все нормально, – улыбнулся Султан.

– С вами невозможно стать поэтом или кем-либо еще! Если есть какой-то талант, и его не разовьешь! Днем и ночью одни проблемы! Даже с тобой, наиболее сознательным из всех! Я думал, студент, умен, жалел тебя. Ты даже не знаешь, сколько раз я выручал тебя от гауптвахты! Но нет! Тебя все-таки угораздило туда попасть! Но и мне надоело оберегать тебя, раз ты сам не остерегаешься.

Впервые замполит говорил с ним на повышенных тонах. Султан понимал, что замполит переживает за него, как за сына. И был ему благодарен. Немного успокоившись, замполит продолжил:

– Даю слово, что если в дальнейшем ты что-либо натворишь, я не стану защищать тебя. Сам знаешь, как обрадуется Баранов, если с тобой что-нибудь случится. Можешь идти. На, возьми! Это письмо тебе! Ты меня понял? Иди.

Вернувшись в казарму, Султан поудобнее устроился на кровати и открыл письмо. Почерк не был ему знаком.

Здравствуй, Султан! Хотя мы и учились вместе, ты, наверное, удивишься, получив от меня письмо. Я объясню тебе причину…

У Султана от волнения впервые в жизни сильно забилось сердце, словно хотело выскочить наружу.

Я всегда относилась к тебе как к родному брату, ведь сестра твоя замужем за моим родственником. Я не переставала восхищаться вашей с Фатимой любовью. Я очень хотела, чтобы вы и в жизни были вместе… Она очень хорошая девушка. Вы очень подходите друг другу! Хоть и случилось так, что ты ушел в армию, я знаю, насколько она тебя любит. Султан, если ты срочно не приедешь домой, может случиться несчастье…

Несчастье случилось, но еще не поздно все исправить! Фатиму похитили... К сожалению, из твоих друзей с нашего курса никого не оказалось рядом в тот злополучный день. Все же родные, как только узнали об этом, вернули ее домой.

Поспеши! Эти люди и не думают успокоиться! Фатима говорит, что не пойдет за него, но она очень растеряна. Ежедневно к ним присылают сватов. Женщины убеждают ее в том, что ты теперь на ней не женишься, что она теперь по нашим обычаям, хотя и не была с ним, не считается девушкой. Она не знает, что ей делать. И не решается написать тебе. Поэтому я и пишу тебе.

Срочно приезжай! Да поможет тебе Аллах!

13.12.1989 г. *С уважением, Элина.*

Письмо было написано тринадцатого числа. После этого прошло ровно тринадцать дней. Переночевав у студентов и переодевшись в «гражданку», на рассвете Султан сел в поезд Москва – Грозный.

1992

САМОВОЛКА

(История создания рассказа «Письмо»)

Во время моей юности ни одна дружеская встреча мужчин не обходилась без армейских воспоминаний. Романтик по природе, я очень трепетно относился к этим рассказам. Как и многие мои ровесники, мечтал о военной службе. Но, будучи студентом, я заболел, и до 24 лет врачи запрещали мне призываться в армию. Любой на моем месте давно решил бы проблему: получил «белый билет», завел семью.

После снятия с учета в тубдиспансере, я уволился с работы в школе. Сельских учителей не призывали на срочную службу. А еще через три года меня не взяли бы при всем желании. По закону призыву на военную службу подлежат граждане до 27 лет.

В последнем диалоге с лечащим врачом я спросил:

– Я и вправду был болен? Если да, то действительно ли выздоровел? Ведь те лекарства, что вы мне прописывали, я выбрасывал в Сунжу…

В этом я следовал глупым наставлениям больных, считавших, что больше половины этих препаратов не следует пить, ибо они подорвут оставшееся здоровье. Принимать их нужно было горстями и запивать молоком.

– Ты исцелился в силу своей молодости. Порою организм и без лекарств справляется с недугом. Главное – не запустить болезнь! – сказал доктор. – Хорошее питание и чистый воздух!

Я не знал ничего более формального и бесполезного, чем медицинское освидетельствование в военкомате. Особенно в нашем районе. Что бы не творилось с моими легкими, местные врачи не направили бы меня на дополнительное обследование. Будучи студентом, я был прописан в городе. Это сыграло свою роль. Наши, если ты не катаешься по земле с выпученными от боли глазами и не умираешь прямо у них на глазах, на другие недомогания не обращали особого внимания. Состоятельные родители за деньги отмазывали своих чад. А вместо них, выполняя план, в армию отправлялись не совсем здоровые.

Мой двоюродный брат Мохайд Муртазалиев в детстве упал с тутового дерева, росшего перед старой мечетью, можно сказать вернулся с того света, но потерял слух. С годами он научился читать слова собеседника по губам. Но сколько бы ты не кричал, стоя в стороне, он не слышал. Поначалу офицеры изводили его:

– Если бы ты не слышал, то комиссия не признала бы тебя годным к службе.

Старший брат Хусайн, доставив в часть выписку из больницы, похлопотал, чтоб его перевели на несложный участок. Хотели даже комиссовать, но Мохайд отказался.

Несмотря на болезнь почек, после неоднократного стационарного лечения в разных больницах, мобилизовали Султана Такалашова, сорвав при этом учебу в вузе. При марш-броске от внезапной боли он почувствовал себя плохо. Его госпитализировали и через какое-то время комиссовали. После перевода на заочное отделение мы оказались на одном курсе. Я был рад этому, ибо мы давно находились в дружеских отношениях.

Также через полгода службы был направлен домой и Бехоев Муса, состояние его здоровья легко было определить даже визуально. Во всем Курчалое днем с огнем не сыскать более немощного человека.

Со мной в санатории отдыхал мой сверстник из Шали, с таким же диагнозом, как и у меня. На военных учениях их забросили куда-то вдаль, где всех завалило снегом. Без еды и теплой одежды, многие получили обморожение конечностей и воспаление легких, рассказывал он. После лечения в госпитале им вручили «белые билеты» и отправили домой.

Военные врачи намного гуманнее, чем гражданские.

Я знал еще много молодых ребят, которых отправили в армию, невзирая на различные хворобы.

Однажды я был крайне удивлен увиденным в коридоре военкомата. На одном из стульев сидел явно больной юноша. Он трясся всем телом, словно в лихорадке, запрокинув голову. Из перекошенного рта невольно стекала пенистая жидкость. Рядом стоял отец, придерживая сына одной рукой, а другой – вытирая платком слюни. Не нужно обладать большим умом или заставлять проходить медкомиссию, чтобы удостовериться в явном факте: перед нами инвалид детства. Я спросил у его отца:

– Почему ты не отведешь его домой?

– Велели доставить сюда. Они больше, чем я, жаждут его выздоровления. А он с рождения у меня такой, – ответил он.

Дважды в год, ранней весной и осенью, служащим военкоматов и приглашенным врачам выпадал «сезон ловли красной рыбы». После того как я хорошо изучил этих людей, я не мог уже серьезно относиться к членам комиссии и к самой процедуре медосмотра. Я перестал раздеваться, стоять в очередях, проходить поднадоевшие процедуры. Сняв обувь (все призывники были в плавках и на босу ногу), я быстро обходил кабинеты:

– Я здоров, жалоб нет. Распишитесь здесь.

Некоторые сразу расписывались, кто-то задавал пару вопросов. Потом, приложив к решению медкомиссии справку из тубдиспансера, получал отсрочку на полгода.

Как и многие мои другие произведения, рассказ «Письмо» написан на основе автобиографичного материала. Хотя автор может ошибиться в оценке своей творческой работы, считаю данный рассказ одним из лучших.

Наш ротный командир Сергей Афанасьевич Дубов многие годы прослужил на Севере, а теперь подходила пора выходить на пенсию. Его усы, когда-то молодцевато вздернутые вверх, как у героя романа Генриха Манна «Верноподданный», теперь уныло свисали вниз. Он вечно ходил без настроения, подавленный. И не желал уйти на заслуженный отдых, не получив майора. Всю свою злость он срывал на солдатах. Солдаты отвечали взаимностью.

– Чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона, – говорили про него за глаза.

В рассказе «Письмо» образ капитана Баранова вполне соответствует своему прототипу.

Замполитом части у нас был Виктор Петрович Овчинников. Человек слова. Его уважали и солдаты, и офицеры. После двухнедельного карантина, перед распределением, меня позвали к Овчинникову.

– Кацаев, оставайся здесь. Твои дела будут неплохими. Я поставлю тебя мастером. Каждый месяц будешь зарплату получать на руки. У нас тут все мастера – люди гражданские. Учитывая твой возраст, образование, думаю, справишься, – сказал он.

Наш батальон состоял из 300 солдат, разделенных на 3 роты. Жили мы в дощатых казармах 1949 года. Кроме нас, на заводе железобетонных изделий работало много гражданских лиц – мужчин и женщин. Отдельно для них работал буфет. Разница между армейской похлебкой и их блюдами была велика. Иногда там обедали офицеры, когда позволяла копейка. Солдаты же заходили редко, и то ближе к дембелю. Я не испытывал трудностей с питанием, но не хватало хорошего чая.

Без ведома командования части, еще во время карантина, директор завода полковник Е. Родичкин взял на должность мастера гражданского человека. Я остался без работы. Овчинников, чтобы его слово не разошлось с делом, предложил мне:

– Побудь пока в штабе. Мы найдем для тебя достойную работу.

У меня был свой кабинет. Вся обязанность состояла в том, чтобы отвечать на редкие телефонные звонки, если командиров не было в штабе. Иногда в поздний час звонил комбат или замполит, то ли проверяя на месте ли я, то ли чтобы удостовериться, что все в порядке. Бывало, что поступали телеграммы из Главка. Они могли побеспокоить и в 3 часа ночи. Дежурный на том конце провода записывал мои данные и диктовал текст сообщения.

Часть располагалась в центре города. Официально основателем Воронежа считается Петр I, хотя город стоял на одноименной реке за несколько столетий до Петра. Просторные площади, большие ровные проспекты, широкие тротуары, жилые и общественные здания разных эпох и стилей от барокко и классицизма до ампира и модернизма придавали городу своеобразную красоту. Старинные купеческие и дворянские дома с декоративными элементами на фасадах, особняки крупных промышленников, типовые советские здания: гостиницы, кинотеатры, магазины, учебные корпуса, общежития, музеи, храмы, знаменитая башня с часами, многоэтажки… Множество парков, скверов и фонтанов украшали город. И люди были добрые и приветливые.

Я часто наведывался на почту, там работали молодые, красивые девочки. Заглядывал и в книжный магазин, что напротив. За несколько недель я ознакомился с Воронежем.

Обычно в первый же день службы молодых призывников ведут в баню, стригут наголо и переодевают в повседневную военную форму. Домашнюю одежду собирают и

сжигают под надзором прапорщика, чтобы старослужащие не бегали в ней на самоволку.

Я свою одежду хранил у каптерщика. А позднее перевез к землякам – студентам мединститута. Мы очень быстро подружились. Я бывал у них при каждом удобном случае. Меня принимали как родного. Когда я переодевшись и причесавшись уходил по своим делам, они шутя говорили вслед:

– Ален Делон!

Из всего нашего призыва только я один отказался стричься, и носил длинные волосы.

Воронеж называли городом воинских частей. От завода до общежития можно было добраться на троллейбусе за пятнадцать минут. Чтобы избежать нежелательной встречи с военным патрулем, я выходил, не доезжая до вокзала, и срезал путь через сквер. А увидев меня в «гражданке», им бы и в голову не пришло, что я рядовой солдат. Даже когда я оставался на ночь, в части особенно не беспокоились. В штабе, наверное, считали, что я нахожусь в роте, а ротные офицеры лишний раз не ломали себе голову. Я им не подчинялся. Некоторые из них были моими ровесниками, а то и моложе. Жаль, что в ЧИГУ не было военной кафедры. Служил бы теперь лейтенантом, а не простым рядовым. Но были среди офицерского корпуса и те, кто уважал меня больше, чем своих коллег и сослуживцев: старший лейтенант Иванов Иван Петрович, лейтенант Мамедов Эльман Расулович, капитан Клейменов Михаил Витальевич…

Пожалуй, самым блистательным офицером в части являлся Клейменов. Черты лица, военная выправка, манера одеваться, держаться на людях, умение изъясняться и благородство, все в нем говорило о внутреннем аристократизме. Хотя я ничем еще не проявил себя, по-моему, он считал меня наиболее достойным собеседником.

Иванов был очень добродушным человеком, казалось, он и в армию попал по нелепой случайности.

Мамедов – благочестивый молодой азербайджанец с детскими чертами лица.

Присутствие женщин в штабе батальона определенно скрашивало наш быт. Лена-старшая (секретариат), Лена-младшая (отдел снабжения), Тамара (отдел кадров) и несколько бухгалтеров…

– Саид, иди к нам, будем чай пить.

– Саид, я принесла тебе пирог.

– Саид, я положила тебе на стол торт.

В принципе, я был безработным. Дежурный по штабу давно вернулся из командировки и приступил к своим обязанностям. Меня просто держали при штабе, чтобы чем-то занять.

Во время отпуска Лены-старшей я печатал приказы и служебные письма комбата. На время отпуска Тамары, по ее же рекомендации, назначили начальником отдела кадров. Работы не так много, изредка оформлял документы прибывающим и убывающим офицерам и служащим. Посторонние удивлялись, увидев солдата в этой должности. Хотя мне и доверили такой ответственный участок, но это было совсем не то, о чем я мечтал перед призывом.

– Твое счастье, что попал сюда, – говорила Лена-младшая. – В строевой части ты полгода шагал бы по плацу, пока не истопчешь сапоги. И в остальные полтора года у тебя вообще не было бы свободного времени.

Мое желание служить в армии было продиктовано стремлением написать книгу о чеченцах. До армии у меня не было никакого представления о военной службе. Не разбирался даже в сержантских лычках и офицерских звездочках на погонах.

Ознакомившись с порядком в нашей части, мне хотелось побывать в разных городах, гарнизонах и подразделениях. На каждом новом месте задерживаться настолько, насколько это нужно для сбора материала. И так объездить всю страну, изучая, постигая, испытывая все на

себе. По наивности я считал, что мог бы составить методические рекомендации по улучшению работы с личным составом. Москва, воспользовавшись моментом, должна предоставить мне такую возможность, считал я искренно. Как же далека была реальность от моих желаний и стремлений! И как я был далек от действительности!

«Везет же тем, кто попал в командировочную часть! Сегодня – здесь, завтра – там!» – думал я. Но мне и в этом не повезло.

В штабе и подразделении узнали, что я писатель. Я получил гонорар от издательства за рассказ, опубликованный в коллективном сборнике. (Были случаи, когда «деды» отнимали деньги у «молодых». Доходило до того, что «салаг» побоями и угрозами заставляли писать родителям письма, прося их выслать немного деньжат на почту «до востребования». Поэтому комбат приказал, переводы из дома выдавать только через штабную бухгалтерию.) Кажется, это был мой первый гонорар, хотя рассказы выходили и до этого. 300 рублей – приличные деньги по тем временам, для солдата тем более. Во многих госучреждениях зарплата была меньше.

Дела мои шли хорошо. Однако в нашем батальоне служили еще четверо чеченцев и ингушей. Поначалу нас было человек двадцать. Они дрались со всеми подряд и после карантина их разбросали по всей стране. Лучших увезли, а привезли каких-то горемык. Одного с ними призыва, но как старшему по возрасту, мне приходилось опекать их, чтобы не ставили дневальными, не назначали в наряд на кухню и оберегать от неуставных отношений. «Деды» все-таки ребята крутые. И любят погонять молодых солдат.

– Нас тоже гоняли, – говорят они в свое оправдание. – Придет время, и они будут «дедами».

В армии строгая неуставная иерархия: «дух», «слон», «черпак», «дед», «дембель». Я находился вне этой систе-

мы. И был сам по себе, как кот Киплинга. Спал, когда хотел, вставал, когда хотел, гулял, где и когда хотел. Но чаще, чем с сержантами, мне приходилось разбираться с офицерами и прапорщиками. Многие не понимают почему-то, что нормально для других, унизительно для чеченца. Армейские порядки не соответствует вайнахскому менталитету.

Я не мог постоянно находиться рядом с земляками, и по возможности старался устроить их на «теплые места», по мере демобилизации старослужащих. Да и в других частях нужно было улаживать проблемные ситуации.

Но вскоре я сам оказался не у дел…

Случилось это из-за драки с ребятами из 3-й роты. Обычно, взаимные претензии решались ночью, когда все уже спят. Во мне же, как только я услышал о ЧП, вскипела кровь. Выбежав из штаба под палящее солнце, я увидел роту солдат, строем бредущих на обед. Из-под кирзовых сапог вздымались клубы пыли и цемента. «Деды» вразвалочку шли впереди. Первые несколько ударов достигли цели. Рота рассыпалась, как разбитый стакан. Многие отбежали в сторонку и стали наблюдать за происходящим. «Деды», понимая причину моего нападения, сразу же схватились за ремни. Это хороший способ защититься от толпы, но подлый прием в драке с одним человеком. Ремень наматывается на руку, и, делая быстрые круговые вращения, бляшкой наносятся удары по голове противника. Они не наносили ударов, но и не давали приблизиться к себе. И в эту минуту прозвучала команда:

– Отста-а-ви-и-ть!!! Равня-я-йсь!!! Сми-и-рррно!!!

Тут же прибежали прапорщики и офицеры, выбежали из штаба комбат и замполит части. Много шума, разборок. Глупо получилось!

Обычно я человек очень спокойный. С уважением отношусь к солдатам любой национальности. Ребята приходят ко мне с разными просьбами. Я выручаю их по

мере своих возможностей, помогаю. Но здесь кровь и гнев взяли верх над воспитанием и образованием.

С нами служило немало ребят моего возраста, призванных после тюремного срока или тех, кто сумел увильнуть от уголовного наказания. Причины были разные. Видимо, военкоматы формировали стройбаты из случайных людей и остатков под конец призыва. И неопытным восемнадцатилетним юнцам рядом с ними, конечно, приходилось не сладко. Некоторые солдаты были настолько рослые, что ходили, сгорбившись и опустив плечи. Матери с детства кормят их овсянкой и салом, и они вырастают такими амбалами. Особенно славяне. В соседней части служили ребята из Средней Азии, все, как на подбор, ниже среднего роста. Не на пустом месте родились сказания о Нартах и книга о Гулливере!

После увольнения из штаба, надо мной резко усилился контроль со стороны ротных офицеров. Я со всеми ходил на прием пищи, возвращался, стоял в строю на поверках личного состава. Особенно себя ничем не утруждал, но уже не было прежнего раздолья. Когда у тебя отменное здоровье, ты не можешь в полной мере оценить всю ее важность. Вольный человек не так дорожит свободой, как лишенный ее. Но познавшему вкус свободы ничем не заменить ее сладость!

Однажды командир сказал, что нашел для меня работу и позвал с собой на завод. Пульт оператора по цементу стоял довольно высоко над производственным цехом. В обязанности оператора входило отпускать необходимое количество цемента нажатием одной кнопки. Все бы ничего. Сидишь высоко, глядишь далеко. Но цементная пыль столбом поднявшись вверх, словно ядерный гриб, заполняла кабину. Без маски дышать невозможно. Еле снявшись с туберкулезного учета, у меня не было никакого желания вновь оказаться на больничной койке.

Если б не Дубов, никому бы не было до меня дела.

– Где Кацаев?! Почему его нет?! – донимал он офицеров и прапорщиков.

И поэтому они не хотели отпускать меня по вечерам. Находясь на военной службе, они были подотчетны вышестоящим командирам. В порядке очереди и в конкретное время каждый желал получить очередную звездочку на погоны. А Дубов заявлялся в любое время: после полуночи и на рассвете.

– Строиться! – отдавал он приказ.

– Кацаев на месте? – спрашивал он подчиненных, и, убедившись, что я нахожусь в казарме, уходил. Если же удавалось поймать меня на самоволке, наказывал всю роту:

– Будете стоять до тех пор, пока он не вернется!

Зная, что они устали на работе и хотят спать, командир подбивал их на конфликт со мной.

Самым старшим по возрасту в нашем батальоне был старший прапорщик Ерофеев. Тучный, словно кабан, он дышал с трудом и еле умещался в свои «Жигули». Даже те, кто смел ослушаться командира, побаивались его. Он мог выкинуть что угодно и не робел перед руководством. А что они могли ему сделать? Давно пора на заслуженный отдых! Служебный рост тоже исключается. Больших потребностей у него и не было, лишь бы солдаты приносили ему остатки пищи из столовой – для домашних свиней, и изредка ставили бутылку. Он мог разрешить любой конфликт. Предельно строгий с солдатами, он любил их и оберегал, как наседка своих цыплят. В сердцах сам мог ударить, но защищал от сержантов и офицеров. В армии часто авторитета добиваются запугиванием и страхом наказания, но старшего прапорщика Ерофеева уважали не за грубую силу и суровость, а за родительское отношение и справедливость. За спиной его звали «папа».

– Он решит любую проблему за бутылку водки, – говорили о нем, и мне трудно было поверить в это. Я доселе

не пил и никогда не давал взяток. – То, что нельзя уладить одной бутылкой, можно уладить за две бутылки.

В день, когда я вернулся из гарнизонной гауптвахты, куда попал за невыполнение приказа командира роты заступить в наряд, Ерофеев наставлял меня:

– Не слушаться командира – плохо. Если бы твой конфликт был со мной, не беда. Я в раздражении могу стукнуть, чем попадется под руку, а потом отхожу. Но командир не забывает про такое. Ты же перед всей ротой унижаешь его, не выполняя данный приказ.

– Но, выполнив его приказ, я унижу себя!

– Именно поэтому он и отдает такой приказ, зная, что ты его проигнорируешь. А он собирает их в папку. Когда приходит пора увольняться, он достает эту папку из ящика стола. Разве ты не видел, как он поступил с Рыжим? Перед самым дембелем – дисбат! Лучший вариант для тебя – пойти на работу. И времени не хватало бы бегать по самоволкам. И командир отстал бы от тебя. А теперь ты у него, как бельмо в глазу.

Но нашлись еще люди, беспокоящиеся о моей судьбе.

Как-то утром меня вызвали в управление завода. Горин Валентин Иванович, полковник в отставке, бывший начальник особого отдела гарнизона ожидал меня. Как выяснилось, отец Людмилы, библиотекаря соседней части. Он производил впечатление очень благородного человека.

– Людмила высокого мнения о тебе. Образован, много читаешь, печатаешься, ведешь дневники, – сказал он. – Овчинников не предлагает тебе работу? Он ведь не последний человек в части.

– Устал, наверное, покровительствовать, – сказал я.

– Ты знаешь, что будучи безработным, твой долг перед государством растет с каждым днем. В вашей бухгалтерии всему ведется счет. Питание, обмундирование, постель, стирка – все за ваш счет. Как ты расплатишься перед дембелем? – говорил Валентин Иванович. – Я вот

обдумывал, как тебе помочь, чтобы и свободное время имелось, книжку почитать, написать рассказ. Ты должен думать о будущем. Не стоит портить себе жизнь из-за таких как Дубов. Я и сам невысокого мнения о таких людях. Ты согласился бы работать сторожем? Мы не назначаем на эту должность солдат. Но, если хочешь, тебя назначим.

Я согласился. Оказалось, работа сторожа – своего рода лафа. Отдежурил ночь, отдыхаешь сутки, заступаешь утром. Отдежурил день – опять свободен! В мои обязанности входило только одно – ждать товарного поезда, и в нужный момент открывать ворота. Поезд прибывал раз в сутки. Остальное время полагалось держать ворота на замке.

На моем участке не было автомобильной дороги и возможности что-либо украсть. Да и красть, собственно, нечего. Панели, кольца, бордюры и другие железобетонные изделия, коих полно на территории завода, на руках не унесешь. Только подъемный кран может их сдвинуть. (Очевидно, эту должность придумали, чтобы трудоустроить меня.) Пару раз приходил командир с проверкой, один раз заглядывал замполит роты. Больше меня никто не беспокоил. Если бы я был восемнадцатилетним юношей, поневоле призванным в армию, мою работу стоило бы счесть подарком судьбы. Любой солдат на моем месте был бы счастлив.

«Оставив любимую работу в институте, неужели я приехал открывать ворота товарному поезду? – размышлял я. – О такой ли службе я мечтал?»

Войсковая часть находилась в центре города, который постоянно манил к себе. Словно магнитом тянули к себе и книжные магазины. Другие бы на моем месте тратили деньги на еду и развлечения, я же покупал книги. Я собирал их у студентов или по почте отправлял домой. Мне удалось приобрести шесть томов Садриддина Айни, четырехтомник Эрве Базена, трехтомник Ивана Франко и другие собрания сочинений. (Есть фотография той поры, где,

будучи на самоволке, я сижу с книгами Франко за столом в гражданской форме.) Обычно я оставлял ключи от ворот дежурному по КПП или же сторожу с западной стороны завода и уходил к землякам. В душе я все еще жил студенческой жизнью. Если же не удавалось вырваться в город, то уходил в другую комнату и ложился спать.

Наш КПП никогда не пустовал. Ночью его оккупировали молоденькие девочки, только начинающие курить и пить пиво, а днем – родители военнослужащих. Никакой возможности спокойно сидеть и читать книгу, но деваться было некуда. Мое командование договорилось с руководством данной части о моем дежурстве.

По сравнению с нашей, это была крупная часть. Многоэтажные казармы из кирпича, с кабельным телевидением на каждом этаже, которым солдаты пользовались в выходные дни. Постоянно чистый плац, по которому то и дело маршировали солдаты. У нас: в жару – цементная пыль по щиколотки, после дождя – месиво. И по этой слякоти или подняв облако пыли, постоянно курсировали грузовые машины. У них солдаты подметали, белили и красили. В казармах – идеальный порядок, постели убраны так, что жалко даже садиться на кровать. У нас на заводе трехсменка: одна смена – работает, вторая – спит, третья – бодрствует. Главное – выполнить план, а в свободное время разрешалось и поспать, и полежать. Разрешалось, но молодым не хватало сна. Приходилось отрабатывать и за «того парня». Порой и в столовой не доставалась еда. Устав от чрезмерных нагрузок, солдаты засыпали на ходу и получали производственные травмы. Некоторые умышленно подвергали себя опасности, чтобы попасть в госпиталь.

С нами в карантине был очень крупный парень из Краснодара, по прозвищу «Слон». Встретившись с ним через полгода, я сильно удивился.

– Саид! – окликнул меня кто-то. Я оглянулся…

На меня смотрел высокий, долговязый парень с крупным носом. Я еле узнал его по очкам.

– Как сильно ты похудел! – вырвалось у меня.

– Знаешь, я очень рад этому. Чего только я не делал дома, чтобы похудеть!

Помню, в первые дни ему никак не удавалось втиснуть ноги в сапоги. Пришлось отрезать голенище. Так он и ходил в кирзовых калошах.

Некоторые рассказывают, что их гауптвахта находилась в войсковой части, и они нехило проводили там время.

Вся разница в том, что в части, где служишь, тебя хорошо знают. И завтра твой надзиратель сам может оказаться на твоем месте. И он понимает, если позволит себе лишнее, придется отвечать. Товарищи могут зайти проведать. Они приносят поесть, попить, свежие газеты, журналы и сигареты. А когда дежурный офицер уходит после ночной проверки, могут и выпустить до утра… В гарнизонной же гауптвахте тебя никто не знает, никому и дела нет кто ты, что ты. Там и наряд состоит из курсантов и краснопогонников. В случае неповиновения, оказания сопротивления или по поручению офицера, могут избить до потери сознания. Пока стоишь на ногах, будут бить прикладами автоматов, упадешь – будут бить ногами, пока не лишишься чувств. Причиной избиения является даже не наказание за провинность, а безнаказанность творимого ими беспредела и получаемое от этого удовольствие. Сколько было случаев в армии, когда доведенный до отчаяния чеченец отбирал оружие у первого попавшего под руки и гонял наряд, а прибывшие по тревоге командиры, обещав, что во всем разберутся и не будут подвергать наказанию, если сложит оружие, избивали до полусмерти и отдавали под суд. Много храбрецов, что не отступили от кодекса чести, стали заложниками обстоятельств и загремели в дисбат.

Размышления главного героя рассказа «Письмо» Султана Казбекова об армии, – это мысли автора, навеянные увиденным и испытанным на действительной срочной военной службе. Также является правдой написанное мной о порядках на гарнизонной гауптвахте, где от побоев скончался мой однополчанин, единственный сын у матери.

Так как свободных мест на гауптвахте не было, то за меня было обещано несколько бочек половой краски и распиловка бревен на пиломатериалы. Ожидалось, что меня ждет хорошая взбучка, но, по милости Аллаха, я познакомился там с двумя курсантами. По дороге из магазина, с бутылками молока, их встретил декан и объявил трое суток:

– Увидев вас, люди подумают, что курсанты голодают, – сказал он.

Мои новые знакомые учились на четвертом курсе, а заступившие в наряд – на втором. Когда утром объявлялись фамилии солдат для уборки территории и мытья посуды, я дергал курсанта за рукав. Он говорил:

– Кацаева оставить!

Караульный называл другую фамилию.

Я запамятовал имена этих ребят. Один из них, высокий и худощавый, был родом из Казахстана. Вечерами он, как на исповеди, рассказывал о своей любви к чеченке, которую любил больше жизни. (После выселения 1944 года много чеченских семей осталось проживать в Казахстане и Киргизии.) За несколько лет учебы в России он не забыл ее.

– Может, она и вышла бы за меня, если бы не боялась братьев. Как ты думаешь, если я приму ислам, они разрешат нам пожениться?

За несколько дней до Нового года неожиданно меня навестил брат Сайд-Селим. Заехал по пути в командировку.

– Я не могу долго задерживаться. Попробую договориться о твоем отпуске, поедешь домой, – сказал он.

– Бесполезно, не дадут, – стал я отговаривать брата. – Да я и не хочу. Уже немного осталось.

Он быстро договорился в штабе, дал мне денег на дорогу и, сказав, что у него билет на самолет, уехал в тот же день.

– Привези им грозненский коньяк, – сказал он на прощание.

«Зачем мне нужен этот отпуск, если все равно возвращаться? – думал я. – Лучше бы дал побольше денег! Я жил бы, как король!»

Мое дело осложнялось тем, что я, уволенный с должности охранника из-за самоволок, нигде больше не работал и не имел такого желания. Командир предложил мне заступать в наряд через сутки дежурным по роте. Вначале все шло хорошо. Рота ложилась спать и просыпалась согласно распорядку. Завтрак, обед, ужин. Утренняя смена уходит на работу, ночная – возвращается... Вместе с утренними сумерками исчезал и сон, я чувствовал в голове какой-то туман и усталость в теле. Да, нам объясняли, что враг не дремлет, что нам доверена жизнь спящих солдат и т.п., но так как наша часть дислоцировалась внутри своей страны, в центре русского города, я позволял себе ложиться после полуночи, проведя дополнительный инструктаж дневальных, которые отдыхали, чередуясь каждые два часа.

В последнее время у меня очень сильно болела поясница. Внезапно возникшая острая боль заставила меня аж подпрыгнуть, будто ударила молния. Боль то пропадала, словно ничего и не было, то появлялась неожиданно. Боли в спине временами беспокоили меня и дома. Видимо, сказывались нагрузки на строительных работах. Я никогда не обращался к врачам, просто отлеживался, помогали болеутоляющие, массаж. А тут медкабинет находился в расположении нашей роты, и с доктором Сазоновым я был в хороших отношениях. Он направил меня в военную поликлинику. Военврачи в белых халатах. Все

офицеры. Невролог – женщина среднего возраста, подполковник, в очках. На меня не смотрит. Записывает что-то. Я сижу на кушетке.

– Ложитесь на спину, – предлагает она. Я ложусь. – Поднимите правую ногу. Больно?

– Нет, – говорю я.

– Опустите. А теперь поднимите левую ногу. Больно?

– Нет.

– Садитесь. Поставьте правую ногу на левую, – сказала она и постучала по коленке молоточком. – Больно?

– Нет.

– А теперь поставьте левую ногу на правую, – говорит она и опять постукивает по коленке молоточком. – Больно? – спрашивает.

– Нет, – отвечаю.

– Все. Обувайтесь. Можете идти.

– Все?

– Да.

Я улыбнулся. За годы службы она, вне сомнений, повидала тысячи солдат, но не научилась отличать больного от притворщика!

Вернувшись в часть, я опять зашел к доктору Сазонову. Он прописал мне десять сеансов электротерапии по пятнадцать минут в день и стало намного легче.

Капитан Дубов, как и многие офицеры, жил в семейном общежитии, неподалеку от военной части. Он редко приходил на ночную проверку, но все-таки застал меня спящим. А дневальный не успел предупредить. Командир и так меня невзлюбил за отказ работать на производстве, а тут пришел в бешенство, хотя во время моего дежурства ни разу происшествий не случилось. Главное – он нашел повод!

– Как работать – ты не здоров, но горазд на самоволки бегать! А теперь еще и спишь во время дежурства?! Тебя сперва надо научить обязанностям дневального!..

И опять начались мои самоволки, а командир строчил на меня докладные. В штабе читали донесения Дубова и обсуждали мои похождения.

– Опять в самоволку ходил? – спрашивал замполит. – Интересный ты человек! Если твое дело передадут в прокуратуру, никто за тебя не заступится!

– Я найду для тебя работу! – ругался комбат. – Целый день будешь месить бетон в формовочном цеху, посмотрим, захочется ли тебе идти в самоволку. А если захочется, можешь идти!

И вот, безработный, отстраненный от дежурства, я целыми днями лежу на кровати и скучаю. По субботам и воскресеньям к нам привозят видео. В первом ряду среди личного состава, с бутылкой пива и с таранкой в руках, сидит начальник штаба батальона майор Иван Иванович Коптев. Добрейшей души человек! Он, как завороженный, смотрит на экран. И мне после фильма спится лучше.

На завтрак и ужин я хожу в солдатскую столовую. Да и столовой как таковой нет, только место приема пищи: длинные столы из досок, скамьи и алюминиевая посуда. Еду три раза в день привозят из соседней части. Обедаю в буфете. Он и открывается только на обед.

Вчера капитан Дубов сказал:

– Приготовься поехать со мной в суд. Будешь представителем солдат.

И, предваряя мой вопрос, продолжил:

– Больше некому. Все на работе.

Может, командир хотел наглядно показать, что меня ждет, если я не остепенюсь.

Судили рядового Косякова.

Дезертирство, как бич божий, тяготеет над командованием части. И не только. Это бедствие всей Советской армии. «Дедовщина» и все, что с ней связано. В газетах пишут о том, что армия нуждается в реформах, что надо

расформировать стройбаты, что надо сократить срок службы... Пишут, что в Италии сократили срок службы до года, Америка сокращает военные расходы, в Британской армии тоже происходят перемены... И только в нашей стране далее разговоров дело не идет.

Солдаты не только убегают домой, но и совершают ужаснейшие проступки: воруют машины, избивают мужчин и забирают одежду, чтобы было в чем сбегать на самоволку, насилуют девушек... Недавно двое из нашей роты ночью проникли в детский сад и украли шоколад и печенье. И это не самое худшее, что они творят.

Дезертирство происходит по двум основным причинам: неуставные взаимоотношения и нервное истощение организма.

Военная служба должна быть добровольной и проходить именно в тех войсках, где призывник хочет служить. С соблюдением всех прав и свобод военнослужащего. Иначе это узаконенное рабство и янычарство.

Я ранее не присутствовал на суде, не знал что делать, что говорить и какова роль сослуживца на данном процессе. И спросил об этом у командира.

– Ты должен от имени солдат осудить беглеца, – ответил командир.

Больше я не стал ни о чем спрашивать. Хотя я сам был злостным самовольщиком, но дезертирство считал последним делом, слабостью характера.

Оба случая считаются преступлением, но квалифицируются по-разному. Дезертир, совершает побег из армии, желая уклониться от дальнейшего несения службы. Военнослужащий, самовольно оставляя часть, такой цели не имеет. Через какое-то время он планирует возвратиться. Самоволка – не бегство. Я всегда возвращался. Но в свободное время меня неудержимо влекло в город. Неизвестно, когда еще приеду в Россию. И приеду ли вообще. Я, как уходил аккуратно, так и приходил, спустя одни или

двое суток. Такая самоволка считалась безупречной. Не каждый решится, и не каждому простится.

Дезертир – человек со сломленной силой воли, напуганный страхом быть избитым или убитым. Если не можешь противостоять силе и злу, то надо обладать хотя бы терпением и стойкостью, чтобы выдержать. И тогда, упорство и самообладание сделают тебя мужчиной. Убегали домой те, кто не выдержал трудностей и сломался. Но я не мог их винить, виновата сама система.

Что я скажу на суде, когда мне предоставят слово?

Весь процесс прошел с мыслями об этом.

Я с самого начала сидел за отдельным столом, рядом с представителем военной прокуратуры. А командир ожидал в коридоре и зашел только по приглашению. Наверное, таков был порядок.

Командир обвинил рядового Косякова во всех смертных грехах. Он не в первый раз самовольно оставил воинскую часть, сказал Дубов. Его неоднократно ловили, то на вокзале, когда он хотел купить билет, то с поезда снимали и возвращали в часть. Прощали неоднократно, предупреждали. На этот раз ему даже удалось доехать до дома. Как командир роты, считаю, что рядовой Косяков виновен и заслуживает уголовного наказания в виде лишения свободы, без смягчающих обстоятельств.

В углу, сгорбившись, словно зверек, затаился бедолага Косяков, отчасти даже не понимая, что здесь происходит.

Когда прокурор зачитывал обвинение, я обратил внимание на анкету, составленную в военкомате. На вопрос, в каких войсках он хотел бы служить, Косяков ответил: «В военно-морском флоте». Теперь я знал, что сказать.

Прокурор попросил суд приговорить рядового Косякова к двум годам дисциплинарного батальона.

Судья предоставил мне слово. Медленно встав из-за стола и глядя прямо на судью, я произнес такую речь:

– Я внимательно слушал всех выступавших. Виновными по делу Косякова считаю военкомат и призывную комиссию по месту жительства обвиняемого. На каждого гражданина, подлежащего призыву на военную службу, в военкомате заводят личное дело. Анкета и лист изучения ведутся не просто с целью собрать сведения о предпочтениях и увлечениях призывников, их морально-деловых качествах и состоянии здоровья, а для более целесообразного распределения их по видам и родам войск, чтобы служба была не в тягость, а в радость. Но, к сожалению, служащие военкоматов относятся к данным призывника формально и не учитывают их при направлении на службу. Например, обвиняемый Косяков хотел служить в военно-морском флоте. Об этом свидетельствует опросник. Наша войсковая часть расположена в центре города. За оградой много юных, красивых девушек и все, о чем только может мечтать молодой человек. Да и ограда стоит не везде. Есть, чем соблазниться. Если бы, вместо стройбата, военный комиссариат направил его бороздить морские глубины, из подводной лодки он бы точно не убежал.

Не скажу, что из-за моей речи, но из запрошенных гособвинителем двух лет, судья скосил полтора года и объявил Косякову приговор – полгода дисбата.

На следующий день Тамара Дмитриевна, начальник отдела кадров, говорит мне, загадочно улыбаясь:

– Саид, мой муж про тебя спрашивал.

– А кто ваш муж? – удивился я. – Разве мы знакомы?

– Ты был вчера на гарнизонном суде? Судья и есть мой муж. Спрашивал кто ты, откуда. Хвалил тебя.

Меня ожидали десять суток гауптвахты, объявленных (два раза по пять) капитаном Дубовым. В первый раз – за отказ выполнить приказ, во-второй – за самовольную отлучку. Однако это не мешало мне время от времени бывать у земляков. Много ребят училось и служило в городе.

Доктор Сазонов (он был в звании майора) сказал однажды:

– Умный ты парень, Кацаев! Не то, что эти балбесы! Стоит им выйти за пределы части, сразу попадают в какую-нибудь историю. Ты не только умудряешься пойти на самоволку, но и возвращаешься без происшествий.

Мой арест каждый раз откладывался по причине того, что другие солдаты совершали более худшие проступки. Кого-то милиция ловила за кражей в магазине или в чужом подвале за воровством солений, кого-то задерживал военный патруль. А то и «деды», изрядно подвыпивши, в день получки избивали «духов».

Среди этого бедлама об отпуске не стоило и говорить, но нашелся выход. В связи с приездом брата, мне как бы предоставили городской отпуск и оформили документы на проезд. Зная, что Дубов ни за что не подпишет их, старшина попросил об этом заместителя командира – Иванова.

Как видно из данного отрывка, в художественном произведении романтика занимает большее место, чем в реальной жизни. В рассказе «Письмо» главный герой Султан Казбеков получает письмо от подруги любимой девушки и едет домой. Читатели спрашивают меня:

– Что же случилось дальше? Рассказ заканчивается на самом интересном месте.

– Женится ли Султан на Фатиме? Насколько правдива эта история?

Отношения Султана и Фатимы играют в рассказе роль художественного обрамления.

Образы героев, их чувства и любовь приукрашивают произведение, как соль и приправы делают неотразимым вкус шурпы. Но главным я считал показать состояние современной армии, проблемы, к которой чеченская литература еще не обращалась. Да и в советской литературе

о вооруженных силах говорилось слишком возвышенно и безупречно. Неправдивое изображение жизни в литературе, как фальшивые ноты в музыке, режут слух. Произведение делает ценным не обилие красок на полотне. Кисти, тряпки, масло, краски, мастихины – всего лишь выразительные средства, которые использует художник.

Образ Фатимы, не заменив даже имени, взят мною из жизни. Я познакомился с ней до армии. Правда, мы не учились вместе, как об этом написано в рассказе. Я не ухаживал за ней два года и в армию ушел не потому, что она не вышла за меня замуж. Фатима заочно училась вместе с моим братом. К тому времени я уже окончил университет и работал в научно-исследовательском институте.

Она понравилась мне с первого взгляда. Среди всех девушек, словно цветы заполонивших город и пединститут, я выбрал именно ее. Прекрасные чеченки, беленькие, как рафинад, словно сотканные из ваты и никогда не знавшие загара солнца. Каждое слово из их уст отдавало сладостью и звучало, как мелодия! Фатима казалась мне идеалом девушки, лелеемым мной в душе и мыслях. Может быть, в чьих-то глазах другие девушки были более прекрасны. Не только внешний облик, но и внутренняя красота, душевность и женственность делали ее любезной моему сердцу.

Музеи, кафе, фонтаны и другое было на самом деле. Я с ней поддерживал очень чистые отношения.

Если бы дело дошло до женитьбы, я бы несомненно женился на ней, и она вышла бы за меня. Оставалось единственное сомнение в этом сватовстве, то, что она жила в городе. В горе и в радости трудно поддерживать родственные связи вне своего села. Но и это сомнение отпадало перед ее достоинствами. В институт к ней часто заглядывали младшие сестры, полагаю, и дома все были в курсе наших отношений.

Новый год я встретил дома! Первые два новогодних дня провел с родными и близкими, собравшимися по случаю моего возвращения домой, а 3 января поехал в Грозный.

Как обрадуется Фатима, неожиданно увидев меня!

На наряженной центральной площади установлена большая елка, рядом качели, фотографы в ожидании клиентов стоят рядом с макетами Деда Мороза и Снегурочки. Вокруг много празднично одетых людей со своими детьми и семьями.

В последние годы в Чечне под праздники снег выпадает все реже. Если и выпадает, сразу же тает, стоит лишь выглянуть солнцу. А без привычного снега и веселье не в радость. Кажется, снег не только осветляет улицы, дороги, деревья, крыши домов, но и очищает людские сердца...

Вдруг замечаю в толпе Мадину и Залву, младших сестер Фатимы, и подхожу к ним. С ними еще сестра постарше и пожилая женщина, видимо, мать. Я не видел их раньше.

– Добрый день! – приветствует меня Мадина и обнимает по-родственному. Ком в горле мешает ей вымолвить еще слово, на глазах выступили слезы. Я растерянно оглядываюсь на других сестер, у них тоже на глазах слезы.

«Неужели Фатима умерла?! – пронеслось в голове. – Да нет! Иначе бы они не пришли на елку».

Я отхожу с Залвой в сторонку.

– Что случилось? – спрашиваю.

– Фатиму умыкнули, – произносит Залва, и слезы душат ее. Остальные тоже подходят и начинают плакать, как на похоронах. Перебивая друг друга, они рассказывают, как это случилось. Фатима любила меня, ждала, верила... Ее сначала вернули домой, но мужчины, против ее воли, отдали замуж. Женщины сокрушались из-за своей вины передо мной и своей дочерью, и сестрой. Они и предположить не могли, что я так скоро, менее чем через полгода, вернусь домой...

На прощание Мадина тихо молвила:

– Прости нас...

Нигде больше не успев побывать, я получил от студентов телеграмму: *«Приезжай быстро, тебя ищут»*.

Обычно, уходя в городской отпуск с ночевкой, солдат оставляет адрес квартиры, где будет находиться. Я написал координаты общежития мединститута. Мой отпуск закончился. Дубов, наверное, сходит с ума. Очевидно, старшина ошибся в подсчете суток. (Почему я сам не посчитал?) Первое увольнительное с 28 декабря по 2 января, второе – со 2 до 4 января. Если «по 2», надо же продолжить «с 3»? И не «до 4», а «по 4». Таким образом, из-за путаницы с предлогами «до» и «по», вместо обещанных в штабе 10-11 суток, я получил – восемь. Учитывая, что до 12.00 4 января я должен находиться на территории части, итого меньше – 7 суток. К тому же, поезд, следующий из Москвы в Грозный, прибывал в Воронеж только утром 29 декабря. И эти сутки пропали.

Если бы это был настоящий отпуск, можно было бы продлить в районном военкомате на пару недель. Не успел даже навестить друзей, хотя бы известить их, что приехал домой. И к чему такой отпуск?

По прибытию в часть, на тумбочке дневального по роте, я нашел адресованное мне письмо. Его написала Жанета, подруга Фатимы. Не знаю, по своей ли инициативе или же по чьей-то просьбе.

«Фатиму умыкнули, но вернули домой. Дома ее сильно терзают, говорят, что ты после этого на ней не женишься, если даже она будет ждать, требуют, чтобы вышла замуж. Каждый день те люди присылают сватов. Фатима очень растеряна. Приезжай скорей», – писала Жанета.

Письмо сильно запоздало.

Как бы я поступил, если бы получил телеграмму или письмо пришло вовремя? Ведь все-таки армия не пионерский лагерь, откуда можно вернуться, когда вздумается. Ежедневно находясь под угрозой попасть в дисбат, приехал бы я ради нее домой?

Уверен, что да.

Опять (в который раз за последние полгода!) командир написал рапорт о возбуждении против меня уголовного дела. Хотя считается, что я опоздал на трое суток, я прибыл ровно через одиннадцать суток, предоставленных мне. Но ведь об этом нельзя говорить. Главное – что написано на бумаге! Получивший нагоняй от командира старшина Ерофеев, которого и так мучила одышка, заметно обрадовался моему приезду. Чтобы старшине окончательно полегчало, я вручил ему сумку с презентом, привезенным из дома. Наверное, поделится с кем надо, решил я.

Когда лейтенант Ширнин приехал в общежитие, командир узнал, что я поехал домой. Это считается самоволкой. Недавно рядовой Симонюк после ряда самоволок угодил в дисбат на 8 месяцев. А он еще радовался, что его демобилизуют в числе первых, как только закончит ремонт машины командира. Ночью его, изрядно подвыпившего, в городе задержала милиция. При попытке доставить в отдел оказал сопротивление, удалось сбежать. (Рассказывали, что после убийства сотрудника, МВД усилило ночные патрули.) В надежде уйти от погони, Симонюк заскочил на завод и взобрался на бетонные плиты, спасаясь от служебной собаки. Там его и скрутили, хорошенько избив дубинками.

Дубов следил за каждым моим шагом и при каждом удобном случае писал докладные в штаб.

– Теперь-то ты точно отправишься на гауптвахту! Пиши объяснительную, где ты находился в течение трех суток.

Он поступает так назло мне и штабным, желая доказать, что он является командиром роты.

«Я получил письмо, что похитили мою любимую девушку. Поехал домой, и, узнав, что ее отдали замуж, вернулся обратно», – написал я, приложив письмо Жанеты.

Оно как-раз было написано на русском языке.

Русские слишком болезненно, ранимо относятся ко всему, что связано с женщинами. Вошло даже в традицию вешаться, по мягкосердечности или напившись до беспамятства, если невеста выйдет замуж за другого или жена выгонит из дома. В соседних воинских частях произошло несколько случаев суицида, когда ребята получили письма из дома. Одного из них нашли повесившимся в кабине крана, на котором он работал. По сравнению с такими фактами, то, что я поехал домой, получив подобное письмо, и приехал живой и невредимый, согласно их понятиям, достойно ордена Мужества.

На следующий день по дороге в столовую, я встретил комбата и замполита. Они шли с завода.

– Ты опять бегаешь по самоволкам?! – злобно бросил комбат.

– Твою объяснительную хоть сейчас можно отправить в Союз писателей, – ухмыльнулся Овчинников.

– Или в журнал «Крокодил»! – с сарказмом добавил комбат, уходя.

Замполит на минуту задержался.

– Тебе еще полгода осталось служить? Ладно, дослуживай, – сказал он и быстрым шагом ушел вслед за комбатом.

1994

О ПОЭТАХ И ПИСАТЕЛЯХ

Облекать мысли в слова для меня было
все равно что дышать, иначе бы я задохнулся.
Луи Арагон.

1

Труд. Труд поэта и писателя над созданием произведения, сравнивают с женскими родами (Белинский, Бальзак). Но не надо забывать, что ребенок созревает в утробе женщины, а мысль поэта – в сердце. Мысли, рожденные в животе писателя (или из-за его потребностей) не доходят до людских сердец.

2

Родина поэта. «Сельский поэт», «местный поэт», что за мода? А бывают ли поэты сельские и местные? Наличие в кармане членского билета не делает человека писателем. Во всех государствах от писателя требуют «быть патриотом». Нет более патриота, чем писатель, но его Родина – это вся земля, писатель – гражданин мира.

3

Идеология. Государство и политики оценивают писателя и его творчество в соответствии с его значимостью в идейной борьбе с другими странами. «Мы пишем не по указке партии, а по велению сердца, но сердца наши принадлежат партии». Это знаменитые слова Шолохова. Писатель, лояльный существующей власти и творящий в соответствии с официальной идеологией, редко восходит

на вершину мировой литературы. По той причине, что большинство пишет не потому, что их сердца принадлежат партии, а потому что, партия… просто указала.

4

Свободные писатели. Когда говорят, что «советские люди не верят в Бога, как прежде», «советские люди не читают книги антисоветских писателей, они пылятся на полках», я вспоминаю четверостишие Державина:

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей кричат: «Пой, птичка, пой!»

5

Творчество. Творчество требует, прежде всего, материальной возможности и свободного времени. Поэтому искусству нужны или состоятельные люди, или люди, пожертвовавшие свои тела, души и семьи.

6

Уважение. Легко почитать мертвого, уважать живого труднее. Поэтому в почете классики и в немилости современники.

7

Прошлое. Знаменитые писатели работали в историческом жанре в силу разных причин: отсутствие героических характеров как в древнем мире, непонимание, отвращение к современности, «бегство»; поиск новых

философских и художественных форм; попытка сравнить настоящее с прошлым; боязнь принять участие в происходящих событиях; желание остаться незапятнанным; вдохновить сердца, напомнив современникам, как отцы справлялись с народными бедами; за честь и свободу родины; с целью рассказать о стойкости народа и доблести героев; стремясь к справедливости… И сегодня некоторые писатели обращаются к истории, считая это легким делом. Вместо того, чтобы говорить о социальных недостатках или о духовном падении, пишут произведения о тяготах народа в прошлом. Опасаясь писать о том, что видят, или в поисках выгоды, из-за недостатка мужества, порой, и опыта, они не имеют успеха и в этом жанре. Писать о прошлом нелегко. Правда, если «легко» понимать в смысле «безопасно», это верно. Любая власть дает писателю право обличать прошлое. Лишь бы не затрагивались ее интересы и недостатки. Пиши сколько угодно исторические романы, рассказывающие о тяжелых испытаниях, выпавших на долю народа. Нынешняя власть принесла мир и свободу. И надо ее воспевать. Писатели трудятся над историей в силу того, что действительность находится под запретом и писать правду небезопасно. Они заполняют белые пятна определенного исторического отрезка, когда это уже не представляет угрозы. А я историк своего времени. Сегодняшний день завтра станет историей.

8

Родник. И чистый родник можно замутить, бросив в него камень. Так и имя писателя. Со временем ил оседает, и родник вновь очищается. В человеческих руках – заполнить источник мусором и заглушить или совершить благодеяние, заботливо очистив от мусора, дать ему свободное течение. Огромная разница между чистым ключом, бьющим на воле, где-то в горах и лесах и химически обрабо-

танной водой, прогоняемой по городским трубам. Одни писатели пишут, как Бог положит на сердце. Другие – как диктует власть. Одни – об утерянных его народом ценностях или о том, чего не достает. О чистых и благородных взаимоотношениях или свободе. Другие – об опасности, довлеющей над народом. Например, проституции.

9

Вера. Я люблю автобиографические произведения русских и зарубежных писателей. В последнее время я увлекся рассказами и повестями Бунина. «Митина любовь», «Натали», «Сны Чанга» и рядом других произведений. Бунин и в прозе поэт. Каждая его строка сверкает красотой, каждый абзац полон изящества. Во всем мире немного таких писателей. Перечитываю его вновь и вновь. И книги о его жизни и творчестве. И получаю неимоверное наслаждение. Чтобы люди и меня читали и любили как Пушкина, Горького, Бунина и других, я тоже должен писать так же хорошо, как они. Даже лучше их. Лучше других я вижу и слабые стороны своего творчества. Ведь никто не будет думать о моих произведениях больше, чем я. Много остается мест, которыми я и сам недоволен, может, другой написал бы лучше. Кажется, Блок сказал, что наличие в этом мире Толстого мешает ему писать. Позже, другой поэт сказал то же о Блоке. Нет, классики не мешают мне, как бы хорошо они не писали. Они мне помогают писать еще лучше. Верю, что когда-нибудь и мои книги помогут людям преодолевать жизненные тяготы и муки творчества.

10

Писатель и спортсмен. «Быстро сдай в издательство свою книгу, не то опоздаешь, – говорит Сайд-Али Маца-

ев, – словно кто-то готов ее издать. – Поднятая тобой тема взаимоотношений современной молодежи новая в чеченской литературе. Поэтому ее и не принимают. По складу характера мы консерваторы. Увидишь, не пройдет много времени, твои противники сами начнут так писать». Но писатель не спортсмен. Здесь золотой медали удостаивается не тот, кто прибежал первым. Труд писателя не должен устаревать со временем. Это вершина, на которую должны равняться и стремиться все новые поколения. Опередить всех или прийти позже, не это главное. Конечно, писатель и не проповедник. Но очень важно, какие ценности ты вещаешь! Вот главное. А время история сравняет.

11

«Я». Произведение, написанное от первого лица, люди считают автобиографичным. В записных книжках Чехова есть заметка: «Калигула посадил в сенате лошадь; так вот я происхожу от этой лошади». Разве Чехов говорит о себе?

12

Разбойник и писатель. В адском огне, рядом, горели разбойник и писатель. Через много лет разбойника освободили. Заклеймив печатью ада, его отправили в рай. «Что это? – воскликнул писатель. – Он грабил, убивал людей, сделал много зла. Он на свободе, а я еще горю в огне». – «Сегодня он сполна получил наказание за свои земные грехи, – сказали писателю. – Читая же твои книги, каждое поколение совершает новые грехи. Поэтому твое тело до сих пор в огне». Изобразить действительные недостатки общества – значит служить ему верой и правдой, чтобы освободить его от этих недостатков. Все мои рассказы (какими бы легкими они не казались на первый

взгляд) писались в назидание. Если я допустил ошибку, и мои произведения послужили соблазном неискушенным умам, астагIфируллах, я раскаиваюсь в этом. Я не из числа разукрашивающих и сбивающих. Прибегаю к Аллаху, свят Он и всемогущ, да оградит Он нас от вечного пылающего огня. Спаси и сохрани.

13

Зачем писать? «Зачем писать книги, если в мире ничего не изменится?» – спрашиваю себя иногда. Пораженный этим вопросом, я долго думаю, не находя ответа. Как счастливы были люди в древние времена, не умея читать и писать. Когда вечером заходишь в дом и включаешь свет, на душе, как и в комнате, становится светлей. С ночной мглой рассеивается и грусть. И думаешь: «Как же древние люди жили во тьме? Горькая участь!». Какой был бы смысл в этой жизни без книг для чтения и возможности писать о своих надеждах и чаяниях? Какой бы это был мрак… Пусть людям и не нужно то, что ты пишешь, в первую очередь, это необходимо тебе. Как люди могут не писать?

14

Командировка. Молодого и подающего надежды Юрия Трифонова направляют в командировку для создания повести о строительстве канала в Туркмении. Он бегает по Каракумам: на вездеходе, верблюдах и маленьких самолетах. В жажде узнать все и познакомиться с людьми… Он может писать только о том, что хорошо знает. Накопив достаточный материал, садится писать. Но повесть не идет. Неужели он забыл, как надо писать, думает Трифонов. Его повесть «Студенты» была хорошо принята читателями и критикой. Но теперь он ищет другие

стороны жизни. И вдруг приходит сообщение: в связи с нецелесообразностью, приостановить строительство канала. Решив, что книга о незаконченном строительстве канала никому не нужна, Трифонов прекращает работу над повестью и возвращается в Москву. Я бы на его месте написал. Написал бы, как государство писателям делает заказы, советует, как и о чем писать и возлагает на них социалистические обязательства. О том, что в нашем свободном государстве писатель и художник не являются свободными. Писать когда и о чем угодно, а без желания – не писать вовсе. Я написал бы о своих мытарствах по Каракумам, изучая характер нового советского человека. И так далее, и так далее… Ведь рабочий класс и строительство не обязательно восхвалять, можно писать как есть. Государственный заказ и реальность – вещи несовместимые. Писатель, прежде всего, должен прислушиваться к своему сердцу. Трифонову понадобилось много лет, чтобы понять это.

15

Маяковский. Стихотворение Владимира Маяковского «Паспорт» является его паспортом. Средний читатель знает его лишь как автора поэм «Ленин», «Хорошо» и нескольких других знаменитых стихотворений. Маяковским, которого считали знаменем коммунизма, написаны следующие слова:

Слава, Слава, Слава героям!!!
Впрочем,
им
довольно воздали дани.
Теперь
поговорим
о дряни.

Он рассказывает о дряни, устроившейся во всех учреждениях советской власти. В чем заключается их преданность революции? В том, что муж обращается к жене «товарищ Надя», верхнюю одежду сменили на полувоенную, а в кабинете висит портрет Маркса. Я бы рекомендовал каждому вновь назначенному руководителю любой организации, в первую очередь, выучить наизусть «Прозаседавшиеся».

Мечтою встречаю рассвет ранний:
«О, хотя бы
еще
одно заседание
относительно искоренения
всех заседаний!»

Каким поэтом был бы Маяковский сегодня, если бы был жив? Он, написавший:

Отечество славлю,
Которое есть.
А трижды –
Которое будет!

Прославлял бы сегодняшнюю жизнь, или же обрушился с прежней критикой?

Врали:
«народа –
свобода,
вперед,
эпоха,
заря…»

Сегодня, в эпоху развитого социализма, Маяковский

был бы политическим диссидентом, сидел в тюрьме или выслан из страны?

Метко сказанные слова не подвластны времени и не теряют своей значимости. Живут в виде афоризма или крылатого выражения. Также и названия целых произведений: «Горе от ума» Грибоедова, «Мертвые души» и «Ревизор» Гоголя, «Кому на Руси жить хорошо?» Некрасова, «Что делать?» Чернышевского, «Шаг вперед, два шага назад» Ленина…

Как читатели восприняли бы Маяковского сегодня? Осмелился бы хоть один редактор опубликовать его произведения? Как критика восприняла бы их? В свое время Владимир Ильич сказал: «Не знаю, как на счет поэзии, а на счет политики ручаюсь, что это совершенно правильно». Хватило бы ума хоть одному политику повторить эти слова?

16

Торга. Я не поверил автору, когда первый раз прочитал рассказ Бексултанова «Торга». Торга – молодец. Он стал абреком, спасая честь девушки из родного села. Она молила о помощи, когда солдаты пытались силой увезти ее на потеху своему генералу. Не выдержав этого, Торга выстрелил в грудь пристава, натравившего солдат. Когда власти начали преследовать его родных, отец и братья шлют ему весточку с просьбой возвратиться домой. «Из-за тебя нам нет здесь житья. Необходимо уехать в Грузию. До рассвета мы должны быть в пути… Отдохни немного», – так отец и братья связывают спящего Торгу и отдают в руки властей. Этому я и не мог поверить! Нет, говорило сознание, чеченец не способен на такое. Чеченец не свяжет спящего безоружного человека, доверившего ему жизнь. Тем более сына и брата! Испугавшись власти, чеченец никогда не отдаст своего родственника

в руки врагов Всевышнего! На худой конец, могли же они действительно уехать в Грузию. Я прочитал рассказ еще до выхода в печать. Мы сидели в редакции детского журнала «Радуга»: Зелимхан Яндарбиев, Сайд-Али Мацаев, Муса Бексултанов, я и художник Камал Мовтаев. (Камала я видел в первый раз.) «Госпожа Бовари и Анна Каренина – это типы. А твой герой одинок. Он не типичен. Это на самом деле было так, как ты пишешь?» – допытывался у Мусы Сайд-Али Мацаев. Хотя он приводил далекие примеры, было ясно, что Сайд-Али имеет в виду. Подлость родных Торги задевала национальные чувства. Просто не укладывалось в голове. «Это случилось в нашем селе», – отпарировал Муса. Я молча пил чай. Но Сайд-Али не отступал. «Я изменил не только имена, но и время действия», – признался Муса. И все стало ясно. Это произошло в годы советской власти. И при царском режиме было невозможно. Пусть чеченцы и проиграли более сильному врагу, но сознание людей не было побеждено. Дух свободы не был сломлен, но все задушила Советская власть. В подвалах НКВД тысячу людей пропустили через мясорубку, а их останки были спущены в Сунжу. Погубили тех, кто носил шапку, пользовался уважением, за кем могли последовать люди. Потом, оставшуюся часть депортировали, и люди стали более покорными. В другом своем рассказе Бексултанов так характеризует сегодняшнее время: «Теперь все и всех сдают в милицию. Жена сдает мужа, сестра – брата... Мужчины очень ущемлены, не дают поднять голову. Попробуй только влепить подросшей дочери пощечину, если даже она занимается проституцией – в тот же час пожалуется в милицию, что религиозный фанатик не дает ей жить. Будет кричать на тебя, запрокидывая голову, уставившись в глаза. Садись, скажут тебе, садись, прошло то время. Молодые имеют право выйти замуж за кого угодно, носить что угодно, не придержи-

ваться ни одной религии и вести борьбу с верующими. И ты сядешь, молча. И не будешь больше наставлять жену и дочь. Ты узнаешь, что твое время действительно ушло, что это другое время, время трусов и доносчиков». Да, советская власть не позволяла быть мужчиной. Поэтому хватило искры, чтобы спалить ее в синем пламени. …В тот день я понял различие между писателем и читателем. Мысли зреют и накапливаются в душе писателя, как вода в колодце. Людям достаточно высказаться, просто излить душу, чтобы успокоиться, но писатель не находит себе места пока не запишет это. «Ну как тебе рассказ?» – спросил меня Сайд-Али. Трудно было ответить однозначно, и тяжело воспринять рассказ, как читателю. Я не хотел допускать, чтобы чеченец мог сдать властям сына и брата… Возможно, если бы автором был я, может, и я закончил бы рассказ так же. Читая рассказ Мусы, я смотрел глазами чеченца, и дух чеченца не мог смириться с коварством. Поэтому я хотел, чтобы он написал таким образом, чтобы мы могли гордиться его творчеством. Об этом твердил и Сайд-Али. Но, когда я сажусь писать, я забываю, что я чеченец. Искусство требует от человека нечто большее, чем принадлежность к одному отдельно взятому народу. Как читатель я хочу, чтобы о моем народе писали и говорили только хорошее. Задача писателя – задеть читателя за живое.

17

Что нужно для того, чтобы быть писателем? Среди книг двоюродного брата Мохайда, я нашел недостающий моему собранию первый том из четырехтомника Владимира Вересаева. Я попросил у него книгу, и дома просматривая иллюстрации, обратил внимание на литературную лекцию автора: «Что нужно для того, чтобы быть писателем?». Заинтересовавшись ею, начал читать. Во-первых –

талант, во-вторых – внешние условия, в-третьих – читать побольше, ну и, естественно, учиться писать. Но самое главное в творчестве – быть самим собой. Мюссе говорит: «Я пью из маленького стакана, но этот стакан мой». Главное, чтоб был свой стакан. Если он есть у вас, если есть хоть маленькая, но своя рюмочка, то вы – художник, вы вправе сидеть за тем столом, где с огромными своими чашами восседают Гомер, Эсхил, Данте, Шекспир, Гете, Пушкин, Толстой, Ибсен, учит Вересаев. До сих пор я не мог понять: «Почему чеченские писатели, несмотря на мои заслуги, не принимают меня в творческий союз? Почему в издательстве не выходит моя книга? Почему мои рассказы не печатаются в журнале «Орга» и других изданиях?». Теперь все прояснилось! Завтра же, с рассветом, захвачу для всех лучшую выпивку, куплю себе большой рог и пойду в Союз писателей, книжное издательство, журнал «Орга», газету «Даймохк». Обойду все редакции! Ведь до сих пор я не пил!

18

Мир поэта. У каждого из наших поэтов свой «мир». Поэтому они не видят друг друга.

19

Встречи. Наши писатели друг с другом встречаются, но друг друга не понимают.

20

Нежелание читать книги. У нас много хороших писателей, от Бадуева до Бексултанова. Все есть в их творчестве – красивый, образный язык, содержание, философская глубина, народные традиции, человек и природа...

Но немного людей читает их книги. Они написаны на чеченском языке. То, что чеченцы не умеют или не желают читать на родном языке, не вина писателей, а беда чеченцев.

21

Место писателя. «Он занял в литературе достойное место», – читал я о многих писателях. Как можно занять недостойное место? Это же не кресло.

22

Соответствие своему месту. Место писателя не то, которое он занял при жизни. А то, которое достается после смерти. Хорошее или не очень, но это место он действительно заслуживает. Понятен ли другим смысл, вложенный мной в это слово?

23

Поэты. Один царь собрал всех поэтов в своем государстве и велел заключить их в тюрьму. Познав голод, холод и лишения, все поэты, кроме одного, начали восхвалять царя, которого раньше всячески поносили. И царь отпустил всех, кроме него. Прошло время, и царь спросил: «Что делает наш поэт?». – «Он пишет стихи о твоей жестокости», – был ответ. «А что делают остальные наши поэты?» – «Они тебя восхваляют». Царь опять приказал собрать поэтов. И объявил им: «Я запрещаю вам всем писать стихи. Поэт одинаково должен переносить и горе, и радость. А ты, – сказал он, повернувшись к опальному поэту, – можешь писать что угодно». Сегодня, когда нам вернули все права, появляется много «смелых» поэтов. Они свободно кричат в печати о том, о чем недавно боялись и подумать.

24

Талант. «Бездарь», думал я раньше, читая книги некоторых писателей. Теперь я понимаю, чтобы написать так много, не сказав ничего, нужно большое мастерство. Для этого требуется немалый талант.

25

О животных. Каждый уважающий себя писатель считает своим долгом написать о собаке или лошади. Несколько примеров: «Муму» Тургенева, «Холстомер» Толстого, «Каштанка» Чехова, «Мадемуазель Кокотка» Мопассана, «Барбос и Жулька» Куприна, «Белый клык» Лондона, «Сны Чанга» Бунина, «Снежок» Акутагавы и т.д. А Киплинг создал целый сказочный мир о животных.

26

Проклятие. Ни один писатель никогда не рискнул бы что-либо написать, услышав в свой адрес проклятия студента перед экзаменом.

27

Не умеющий жить. «Если то, что ты пишешь, приносит тебе деньги, это называется успехом, если нет, такого человека называют – близким к искусству. Это значит, что он имеет состояние, человек светский», – говорится в одной из новелл Джона Голсуорси. Это наводит меня на размышления о жизни и труде писателя. «А как называется человек без состояния, которому его труды на писательском поприще не приносят доходы?» Общественность это называет: «дурака валяет». Поэтому в чеченском языке слово «писатель» является определени-

ем человека, не умеющего заработать на жизнь. Есть и у Салтыкова-Щедрина своеобразное описание такого человека. У людей дети дурни как дурни, а этот особенный дурак. Из дома не выходит, все книжки читает, отца-мать ласкает… (Я долго смеялся над этой характеристикой.) Писателям в зрелые годы хватает сил высмеивать то, чем сами переболели в юности.

28

Смерть Бальзака. Среди бальзаковедов бытует мнение, что страсть к кофе послужила причиной смерти Бальзака. Из-за любви к крепкому кофе (15 тысяч чашек!) ему удалось так много написать, и это погубило его сердце. По-моему, Бальзака убила страсть к женщинам. Он писал из-за любви к женщинам, и сердце великого человека не выдержало.

29

Американские ракеты. История сумасшествия героя повести Константина Паустовского «Кара Бугаз» Василия Дмитриевича Шацкого такова. Каждый день басмачи выводят его на расстрел. Но когда расстреливают каждого второго, он оказывается в первом ряду. При расстреле каждого пятого, он – третий. Шацкий остается в живых, но сходит с ума. Паустовский знакомится с ним, квартируя у его сестры. Спаситель мировой цивилизации геолог Шацкий каждый день пишет письма в Совет Народных Комиссаров. Он сделал гениальное открытие. Под городом Ливны в геологических пластах сконцентрирована психическая энергия очень большой разрушительной силы. До сих пор люди умели развязывать только материальную энергию – нефть, уголь, сланцы, руду. Американцы хотят выпустить психическую энергию пластов,

лежащих под нами и стереть с лица земли Советское государство. Необходимо оцепить кордоном все местности, где есть выходы известняков и фосфоритов и применить дегазацию и выпустить молодую мощную энергию аллювиальных напластований, приказать людям делать то, что они не делали до сих пор. Например, ложась спать, все ставят обувь носком к помещению, а следует повернуть носками к кровати. Из-за таких вроде бы пустяков рухнет фашистский план. Эмиссаром фашистской власти в Ливнах является местный аптекарь...

Мусбек Кибиев – один из немногих чеченцев, окончивших Литературный институт имени Горького. Он часто заходит к нам в редакцию со своими стихами. Кто-то восхищается его творчеством, некоторые боятся его. Имея некоторый опыт общения с душевно больными людьми, я легко нашел с ним общий язык. Сидим мы в кабинете, разговариваем о том, о сем, стоит кому-то выйти, Мусбек говорит: «Я знаю, кто он, и кто его сюда направил. Много агентов со всего света следят за мной. Стоит мне взглянуть на человека, я сразу могу определить, на чью разведку он работает». Иногда приходят молодые красивые девушки. Вслед им Мусбек изрекает: «Их специально посылают, чтобы соблазнить меня. Они хотят иметь от меня детей, чтобы обладать моей силой». Еще никто не знал, кого назначат редактором журнала «Орга», когда Мусбек предрек Мусе Ахмадову: «Не беспокойся, тебя назначат главным редактором, а ты возьмешь меня на работу». Действительно, Мусу назначили редактором, и он взял Мусбека редактором отдела поэзии. Это благородный поступок со стороны Мусы. Зарплата, непыльная работа – хорошее подспорье для Мусбека. Необязательно отрабатывать часы. Достаточно подготовить к публикации подборку стихов и иногда наведываться в редакцию. При каждой встрече Мусбек перечисляет мне американские ракеты, уничтожаемые им в воздухе. И если бы

Мусбек не занимался этой проблемой, наверное, они стерли бы с лица земли не только Чечню, но и половину мира. В Организации Объединенных Наций еще не знают этого. А Мусбек не решается им сказать, боясь, что они заберут его. Ведь он последний потомок первых людей на земле, обладавших космической силой. Ему ничего не стоит вызвать дождь или остановить его. «Недавно, – рассказывает Мусбек, – стою на митинге. Один старик, ткнув меня посохом, приказывает: «Подвинься!». Ты только подумай! Он приказывает мне, истребителю ракет! Что поделаешь, не ведает старче, на кого руку подымает. Не буду же я ему объяснять, кто я и чем занимаюсь. Ну, я и отошел».

30

Потребность писателя. Зашла речь о бедности и обездоленности писателей, и безразличии к нам властей. «Писателю ничего не нужно, кроме делянки в лесу, – сказал Апти. – Пусть пишет книги, сажает кукурузу, с голода не умрет». Прошло два года, которые перевернули нашу жизнь и общественные устои. Мы, несколько человек, стояли в фойе Дома печати. И по тому же поводу Апти высказался так: «Писателю нужно много денег, а женщин, на которых их можно потратить, он найдет сам».

31

Непонимание близких людей болью отзывается в сердце. Жил в нашем селе корреспондент районной газеты. Он всегда писал какую-то чепуху: «Почему людям позволяют строить фундаменты выше метра? Куда смотрит власть?»; «Такой-то при строительстве навеса вышел за пределы своего участка на полметра». Наконец болезнь сковала его, и он умер, не оставив в памяти односельчан ничего хорошего. Кажется, он не верил и во Всевышнего...

Быстро пообедав, пока братья отдыхают, я сажусь писать дневник или рассказ. Выходя на работу, они зовут меня. Увидев, чем я занят, начинают ругать: «Знаешь, кем ты станешь? Да смилостивится над ним Аллах (произносится имя покойного). Помнишь его? Ты хочешь прожить, как и он, никчемную жизнь, ни себе, ни людям?» Что значат издатели и редакторы? Их мнение меня давно уже не волнует. Но суждение близких людей, их непонимание болью отзывается в сердце.

32

Французы. У французов большое место в жизни занимают литература и искусство. По поводу смерти Жорж Санд, статья Альфонса Доде начинается так: «Минувшая неделя не принесла нам ничего нового в области театра…».

33

Богатство поэта. К Апти Бисултанову, в редакцию, часто приходили парень и девушка. Студенты университета, оба такие застенчивые, они пробовали свои силы в поэзии. Апти дал им почитать двухтомник Гарсиа Лорки. После этого они не появлялись долгое время. Однажды Апти спрашивает меня: «Ты видишь их в университете?» – «Да, – говорю я, – хотя они не мои студенты». – «Ради Аллаха, скажи им, чтобы они вернули мои книги». – «Может они думают, что ты их подарил? – спрашиваю я. «Как я могу их подарить, если это все мое богатство!» – воскликнул Апти.

34

Семья. «Человек, стремящийся стать писателем, не должен жениться», – говорит Апти Бисултанов. Он один из самых моих любимых поэтов из ныне здравствующих.

Чтобы пояснить свою мысль, он продолжает: «Человек не имеет права жениться и, создав души, заставить их страдать. Ни ты, ни я, никто. Я был женат несколько раз, а детей у меня нет… Одному легче нести бремя ответственности в холод и голод. Перед Всевышним, перед людьми и своей душой. Работающий человек в нашей стране не может сегодня прокормить семью, а писатель тем более…»

35

Голубь. Мы каждый раз радуемся, когда к нам приходит тот или иной поэт и писатель. Других радостей осталось мало. «Что случилось с детским журналом?» – спросили мы Апти Бисултанова. «Радуга» давно уже не выходит. Апти начал издалека: «Однажды колхозные поля в нашем селе обработали химикатами, чтобы урожай был хорошим. В тот год этими химикатами отравилось много диких голубей. Когда советская власть была еще в силе, работал у нас один объездчик, правдоискатель. Этот молодец довел дело до суда. Директор, агроном и другие ответственные лица откупились, и органы мучили некоего беднягу бригадира. Сидит он в кабинете следователя. Вдруг на подоконник садится голубь. С грустью взглянув на него, бригадир молвил: «Эх, несчастный голубь, для других ты символ мира, а мне принес одни беды». Так и чеченская революция, – сказал Апти, – людям принесла свободу, а нашему журналу только несчастье. Помните у Маркеса в «Осени патриарха» постоянно идут дожди? В повести описана ситуация похожая на сегодняшние события в Чечне. Только у нас идет снег. Идет и идет без конца…»

36

Здоровье. В полночь просыпаюсь от острой боли в груди. Не могу сдвинуться с места, произнести слово, ше-

вельнуть руками и ногами. Если бы к сердцу была прикреплена ручка, а кто-то изо всех сил тянет за эту ручку, что должен чувствовать человек? «Эти же чувства, наверное, испытывает человек, умирая, – проскакивает мысль, – словно невидимая рука вытягивает из тебя душу». Мусульманину нельзя желать себе смерти, но он должен быть готов к ней в любое время! Знать, что он смертен! Инна ли-ЛЛахIи ва инна илайхIи раджиIун. (Поистине, мы принадлежим Аллаху, и воистину к Нему предстоит возвращение.) Я вспомнил пророка Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует). Как много раз он просил Всевышнего за свою умму. И был спокоен. Ибо Аллах – Милостивый и Милосердный! О Аллах! Прости все мои грехи и проступки. Жизнь нам дана во временное пользование и смерти не избежать. Если умер любимейший из пророков, лучший из людей, тогда кто же спасется от смерти? Мне показалось, что я действительно умираю. Я не испугался, но мне стало жалко себя, такого молодого и ничего не успевшего сделать в этой жизни. Вспомнил я и Лермонтова, погибшего на дуэли. Теперь мне столько же лет, сколько было ему в тот роковой день. Но он оставил после себя гениальные произведения, а моя книга так и не вышла. Конечно, друзья позаботились бы о моих рукописях, но лучше бы мне самому отредактировать их. Многие свои записи, через некоторое время, я и сам толком не могу прочитать. А сколько еще не написано!.. Отлежавшись две-три недели, я опять встал, как ни в чем не бывало. «Может, Всевышний смилостивился надо мной из-за книги, о которой я так переживал, лежа при смерти? Может, Он продлил мне срок, чтобы я писал?» – думаю я. Однажды старший брат Супьян сказал: «Писание книг – это жизнь писателя. Но то, чем он занимается, должно служить не гибели, а сохранению его здоровья и улучшению условий жизни». Супьян – философ, всегда излагает свои мысли логически, но немного пространно, как

романы XIX века и с большой долей фантазии. Он был бы хорошим писателем, если была бы возможность заниматься творчеством. Будь он писателем, строительство занимало бы в его книгах особое место. Он очень любит свою профессию. Но кто знает, может, по этой причине его книги были бы лучше.

37

Влияние власти. Первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС разогнал литературное объединение молодых писателей «Прометей», назвав его «гнездом националистов». Стукачи КГБ были везде. Во всех городах и селах, учреждениях и предприятиях, коллективах и среди студентов... Один из наших товарищей-старшекурсников организовал в общежитии чеченскую вечеринку. И его стали донимать оперативники. Другого склоняли к вербовке. Из каждого поколения они выбирали лучших или худших, тех, кто чем-либо выделялся среди коллег или ровесников. Кого-то подкупали, обещая успехи в учебе и карьерный рост, кого-то ломали, угрожая всевозможными карами. «Если вы не оставите меня в покое, я пожалуюсь на вас в обком». Только это заставило их отстать. Сказать так посоветовал ему один из старших друзей, которого в свое время тоже пытались опутать той же паутиной. Наиболее выдающийся студент из их потока «выпал в окно со второго этажа». Преступление осталось нераскрытым. Пропали его рукописи... Одна из целей этой тайной канцелярии – внести раскол и интриги в стан друзей и единомышленников, посеять страх и недоверие, заставить засомневаться друг в друге, кляузничать...

Поистине, тогда власть придавала большое значение печатному слову. Даже типографские наборщики находились под их неусыпным оком. Не писались, а если и писались, то не издавались книги, хоть немного не соот-

ветствующие официальной политике и которые могли не понравиться власти.

Хрущевская оттепель дала писателям свободу творчества. Несмотря на разные оценки государственных деятелей этого короткого промежутка в истории СССР, для репрессированных народов это было торжество справедливости и правосудия. Именно шестидесятые годы сыграли важную роль в жизни молодых людей многих национальностей, ставших впоследствии выдающимися представителями науки и литературы, культуры и искусства.

В тот период и Магомед Мусаев начал работу над романом о знаменитом Бейбулате Таймиеве. Но очень скоро, «поняв свою ошибку», власть ужесточила закон о печати.

Спустя некоторое время Абузар Айдамиров спросил Магомеда Мусаева:

– Что стало с твоим романом?

– Я оставил его, – ответил Магомед.

– Почему? – не понял Абузар.

– Он все равно не вышел бы, – сказал Магомед.

После горбачевской перестройки и демократизации общества, чеченские писатели начали переписывать свои книги. Магомед Сулаев переиздал Товсолту под названием «Горы не забывают». Повесть Зияуддина Абдуллаева «Всполохи», так хорошо воспринятая народом, то же была новой версией его забытой книги. В первых главах повести рассказывалось о некоторых неизвестных фактах выселения чеченцев и ингушей. Как тогдашний глава правительства ЧИАССР Супьян Моллаев, которому не хватило мужества стать перед Сталиным, и защитить свой народ от геноцида, пускай даже ценой собственной жизни, последним выехал на место ссылки со своей семьей, в отдельном вагоне специального эшелона, со всеми удобствами и привилегиями, в то время, когда его народ уже погибал в бескрайних степях Казахстана и Киргизии от холода и голода.

После выхода этой книги в чечено-ингушском книжном издательстве власть опять закрутила гайки.

После развала СССР к власти в республике пришел генерал Дудаев. И как-то в разговоре с Абузаром Магомед Мусаев обмолвился:

– Я думаю продолжить работу над романом о Бейбулате Таймиеве.

– Видишь, – сказал Абузар, – если бы ты тогда не бросил начатый роман, тебе оставалось бы только издать его.

Сам Абузар в период расцвета Советской власти, невзирая на то, что «Долгие ночи» были под запретом, реабилитировал себя книгой о партийном руководителе и создал роман «Молния в горах», вторую часть трилогии об освободительной войне чеченцев против русского самодержавия.

Зная, что люди по-разному оценивают его творчество, Абузар высказал свое мнение:

– Я не хочу переписывать свои книги в соответствии со временем. Писатель не должен менять свои взгляды со сменой власти. В любой книге, особенно в исторических романах, присутствуют две эпохи: время жизни персонажей и период создания книги. Поэтому в них заложены два смысла. И на них надо смотреть, исходя из этих двух измерений.

Среди чеченских писателей было немало мужественных людей. Несмотря на столь суровую власть, довлеющую над ними, политику запретов и установок партии, они не только развивали культуру и повышали образование народа, им удалось заложить основы национальной науки и создать высокохудожественные произведения. Но, к сожалению, среди них не было более независимых и свободомыслящих авторов, чем наше поколение. Мне никогда не приходила в голову мысль, что власть не позволит мне написать так или иначе, или моя книга может не выйти. Примером мне служили книги и жизнь выдающихся писателей мировой литературы.

38

Возможность. Знаменитые писатели жаловались, что они вынуждены писать в день одну-две статьи. Газетные публикации давали им средства на жизнь и возможность работать над романами. Счастливчики! Хоть кому-то нужен был их труд!

39

Почему я пишу? Чтобы перечислить только имена всемирно известных писателей понадобится несколько страниц. А чтобы прочитать их произведения не хватит и всей жизни. Но, несмотря на это, во всех странах ежегодно выходят все новые и новые романы, сборники рассказов и стихов. Ежедневно и еженощно представители всех народов мира работают над новыми произведениями. Говорят, что в мире не осталось ничего не сказанного и не написанного. Так о чем же пытается написать и поведать каждый юный художник? Почему они пишут? Ответ Канташа таков: «Говорят, что не осталось ничего не сказанного и не написанного, но осталось не сказанное и не написанное мной». Я пишу не только поэтому. Ни в одной книге я не нашел в полной мере всего, что лежит у меня на сердце, что хотелось бы высказать. Это, во-первых. Во-вторых. Как сказал Ницше: пожилой художник смотрит на близкую смерть и смеется. Свою жизнь и душу, он обратил в бессмертие, смерти достанутся только кости. «Вещи и дела, еще не написании бывают, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются, написании же яко одушевлении…» («Жизнь Арсеньева», И. Бунин). «Толстой – это целый мир», – сказал М. Горький. То же самое можно сказать о любом человеке. «Каждый человек в отдельности целый мир, который возникает с ним и угасает. Под каждым надгробием история целого

мира», – сказал Г. Гейне. Но если со смертью человека его «мир» разрушается вместе с ним, то когда умирает писатель, его «мир» остается. Когда Горький утверждал, что Толстой – это целый мир, в первую очередь, он имел в виду его творчество. В этом различие между смертью простого человека и писателя.

40

Чеченский писатель. Оноре де Бальзак и Джек Лондон начали писать из-за денег и чтобы выбиться в люди. В год у них выходило по три-четыре книги. Джек Лондон в 31 год был автором 19 книг. Ни Бальзак, ни Лондон не были бедными после того, как начали издаваться. То, что им всегда не хватало денег, связано с их все возраставшими потребностями. Они не дорожили деньгами, хотя зарабатывали их каторжным трудом. Лучше и больше они писали, оставшись без копейки, когда возникала необходимость выплачивать долги. Издать же книгу на чеченском языке никогда не было легко. В последние годы это стало еще сложнее. На чеченском языке выходит только один журнал. Но читают и интересуются им очень мало людей. Если бы из чеченцев вышел писатель с энергией Бальзака или Лондона, он бы умер от разрыва сердца, не дождавшись выхода своей первой книги.

41

Классика и чай. С нами в научно-исследовательском институте работает Мадина Ш. Она специалист по русскому языку и литературе, но смело пришла в национальный отдел. У нее на столе постоянно лежат книги Бадуева, Ахмадова, Эльсанова и Нунуева. Самую толстую из них она, каждый раз заваривая чай, кладет на кружку. «Если кружку накрыть книгой Ахмадова, чай получается

слаще, чем, если накрыть книгой Бадуева», – признается она. «Как-то сижу я одна в отделе, – рассказывает Мадина, – на столе у меня книга Ахмадова. Готовлюсь пить чай. И в этот момент с дипломатом в руке заходит Муса. Увидев у меня на столе свою книгу, он изрек: «Я смотрю, ты классику читаешь...» Еще одну интересную историю рассказал литературный критик Халим Бурчаев: «Как-то я написал материал о встрече Мусы Ахмадова и Лемы Ибрагимова с работниками культуры и сдал его в печать. Я немного приболел и день меня не было на работе. И вот, прихожу я на работу, вижу мой кабинет открыт, девушки с машинописного отдела роются в ящиках стола. «Что вы ищете?» – спрашиваю. «Пропал твой материал, ищем второй экземпляр», – отвечают. Поднялся я к Мусе в редакцию журнала и говорю: так, мол, и так, пропала статья. «Что происходит? Все, что связано с моей фамилией исчезает в этой республике», – огорченно произнес Муса... Мы решили дружески подшутить над Мусой: «Говоришь, Мадина классику читает?» – «А разве это не так?» – серьезно ответил он.

42

Совет. Самое лучшее для писателя это устроиться сторожем в тихое местечко. Днем спать, а по ночам писать книги.

43

Канташ. Лема Ибрагимов, Шарип Цуруев, Вахаа-Хаджи Амаев, Муса Ахмадов и я были приглашены на встречу со студентами университета. Когда предоставили слово, Лема, сказав несколько слов, сел на место. Его спокойный, тихий голос был еле слышен. Он придерживается своего стиля не только в письме, но и в жизни.

Кто-то из студентов спросил:

– Лема, почему твой голос звучит так слабо?

– Мой голос звучит соответственно состоянию нашей культуры, – ответил Лема.

Его первая книга «Опыты» вышла с фотографией автора и под псевдонимом. Он говорит, что бабушка по матери в детстве ласково называла его Канташ.

– В Курчалое это распространенное имя, – сказал я.

– Я и не знал, что детям дают такие имена, – удивился он.

Впервые мы познакомились в университете. Тогда среди студентов про него ходили целые легенды. Мы учились на 1 и 2 курсах, а он заканчивал учебу. До поступления в Чечено-Ингушский государственный университет Лема учился еще в двух высших учебных заведениях: в Краснодарском медицинском институте и Ташкентском университете. Когда подошло время получить диплом в ЧИГУ, он попытался поступить в Литературный институт им. М. Горького. В то время при Союзе писателей ЧР готовилась группа переводчиков. Лема тоже подал документы. Прошел творческий конкурс, но, в связи с возрастом, представители Москвы отказали ему.

– Огорчаться не стоит. В Литинституте для филолога нет ничего нового, кроме семинаров. А на них можно учиться, поступив на Высшие литературные курсы после принятия в Союз писателей, – сказали ему.

Была бы возможность, я и сам учился бы до конца своих дней… Наверное, поэтому у меня возникли симпатии к Леме, хотя близко мы узнали друг друга позже. Тогда особенно много говорили о нем Шарип Цуруев, Асланбек Абдулмежидов и Лема Багаев. Их сблизил стройотряд. По их словам, после десяти классов он ни разу не просил денег у родных. И делали вывод: «Вероятно, он нашел клад, когда ходил еще с геологами».

Однажды я заговорил с ним на эту тему.

– В геологоразведке, по тем временам, мы зарабатывали большие деньги, – сказал он.

Лема первым из чеченцев начал писать афоризмы.

Но неправильно считать афоризмы одной только литературой. Этот жанр стоит на стыке литературы и науки, ибо впитал в себя соки и литературы, и философии.

После выхода книги «Опытов» стало ясно, что труды многих наших писателей и ученых оказались не востребованными. Если положить на одну чашу весов работы философского направления ученых Чечни за 70 лет, а на другую сторону небольшую по объему книжицу Л. Ибрагимова, тяжесть последней перевесила бы. У чеченских писателей много толстых книг, вся художественность которых не равняется той художественной красоте и силе мысли, присутствующей на каждой странице его книжки.

Чеченская философия нового времени, можно смело утверждать, начинается с «Опытов» Лемы Ибрагимова. Во Франции, Германии, в любой цивилизованной стране за такую книгу автору присудили бы многие престижные премии, а университеты объявили бы почетным доктором наук.

«Может ли чеченский писатель быть гением?» – задается вопросом Канташ в одной из своих сентенций. Если я правильно понял его мысль, он не имеет в виду конкретно кого-либо из писателей или его талант. Он говорит о состоянии чеченского общества в целом, и, в частности, о его низком уровне сознания. Родится ли среди чеченцев гениальный писатель? Это значит: «Созрели ли мы как нация? Узнает ли наш народ, когда из него выйдет гений?». Я так его понимаю.

44

Рай. Будут ли там писатели? Вопрос имеет два значения. Первое: Чем ближе я узнаю писателей, которых вос-

принимал как святых, я думаю: «Достойны ли они Рая?». И второе: «Будет ли в Раю у людей необходимость или желание читать и писать книги, даже ради собственного удовольствия?»

45

Тысяча преград. Тысяча преград на пути писателя. Особенно чеченского писателя. Тысяча причин, чтобы вынудить его отступить, отречься от собственного творчества, нарушить его покой, заставить сожалеть о годах, проведенных в чтении и писании книг, признать, что все силы и молодость затрачены впустую. Писателем быть нелегко. Чтобы стать хорошим писателем, одного мастерства и таланта мало. Нужно быть стойким и мужественным. Самое главное – быть личностью. Все остальное приложится. Чем ярче личность, тем сильнее его книги будут теребить сердце читателя. Если ты злопыхатель – твоя зловредность всплывет наружу. Если ты настоящий мужчина – люди увидят твою мужественность. Если попытаешься обмануть читателя – и это видно между строк. Правду нельзя скрыть. Иногда снег, покрыв белым одеялом, ненадолго скрывает все. Но и снег тает с приходом весны, под лучами теплого солнца. И там, где раньше росла трава, опять чисто, зелено. Где была грязь, там опять месиво… В молодости, много сил и энергии тратится на соблюдение приличий. Нужно одеваться как люди, зарабатывать деньги. Необходим свой дом. Человек должен быть готов принять как добрую, так и плохую весть и в состоянии решать эти проблемы. Если спросить писателя, многое из этого ему не нужно. Но, «живя в обществе, нельзя быть свободным от общества». И если, не считаясь с этим, жить только в своем «мире», не зная, что происходит вокруг, чем живут люди, то с годами остаешься один, как Ахмад Сулейманов, без опоры, старый

и больной. Устанешь от борьбы с властью, дашь чуть слабину, как Магомед Дикаев, Алвади Шайхиев, Асланбек Осмаев, ищешь утешение не в работе, а в другом… Вокруг нас много таких примеров. Я не упрекаю их. Со всеми своими недостатками и слабостями, эти люди дороги мне и близки по духу. В том, что у них не сложилась жизнь, я виню наше общество. Если ты талантлив, как Саид Бадуев, тебя ненавидят. Пытаются всячески запугать, грозятся расправиться. Или уничтожает власть. Если ты мужественный, как Халид Ошаев, Магомед Мамакаев или Магомед Гадаев – гниешь в тюрьме… Если ты закален в боях, как Зайнди Муталибов, над тобой глумится бюрократическая система. И боевые товарищи, с которыми ты прошел войну, в мирное время, из-за чинов и денег, готовы предать тебя… Такова судьба чеченского писателя. Не знаю, чтобы я сам делал без братьев. Благодаря им, я дожил до этого дня. Сегодня я здоров и молод. Но, не дай Бог никому оказаться без сил и средств, в надежде на власть и общество!

46

Тонио Крегер. Некоторые авторы считают, что не надо писать о том, что было с ними в жизни. «Главное для писателя – фантазия, воображение». Согласно их теории, произведение должно основываться не на реальных событиях, а на тех, что могли случиться. Прочитав «Тонио Крегера» Томаса Манна, я удивился тому двойственному впечатлению, которое оставляет рассказ. Первая часть – это жизнь, облеченная в художественную форму. Читается с большим интересом. Вторая часть показалась без «души», притянутой за уши и искусственно связанной с первой половиной. Потребовалось некоторое усилие, чтобы прочитать эту часть. Причину того, что небольшое по объему произведение оставляет противоречивое чувство,

я нашел в его «Очерке моей жизни». Та часть, которая мне показалась неискренней, оказалась вымыслом. Ведь это могло случиться, вообразил автор. Вне всяких сомнений, художественное произведение должно строиться на реальной основе, если не на личных впечатлениях, то на исторических фактах, фольклоре или мемуарах. Разница между вымышленным и основанным на воспоминаниях произведениями, словно между манекеном (или трупом) и живым человеком. Как кровь человеческая одушевляет тело, так реальные события оживляют художественное произведение, вдыхают в него душу.

47

Вниманию исследователя. «…Как мимолетное виденье. Как гений чистой красоты». Впервые прочитав это стихотворение, я задумался: «Почему «как гений»? Разве «ангел» не ближе и роднее для определения чистоты женской красоты? Не мог же Пушкин не знать то, что знаю я? Почему же «гений»? Этот вопрос мучил меня долгие годы. Я и не догадывался посмотреть значение слова в «Словаре иностранных слов». Да и что там смотреть? Гений – человек, обладающий высшей степенью таланта. Гений Пушкина и т. п. Но оказалось, что в античной мифологии (а Пушкин был знатоком античности!) «гений» – дух-покровитель, сопровождающий человека в течение всей его жизни; позже – добрый или злой дух вообще.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Чтобы хорошо усвоить творчество того или иного поэта прошлого, недостаточно владеть языком своего време-

ни. Надо тщательно изучить время, в котором жил поэт. Только еще и еще раз обдумав значение каждого слова, можно делать какие-то выводы. Необходимо постигнуть, какая литература и культура оказала воздействие на того или иного автора. Только после этого, результаты исследователя будут правильными и ценными. Как бы подтверждением сказанному, являются строки Пушкина, посвященные Кюхельбекеру:

Да сохранит тебя твой чистый гений
Под бурями и в тишине.

48

Сила книги. БисмиллахIир-рахьманир-рахьийм. Было время, когда я мечтал своими книгами изменить мир и несправедливые человеческие законы. (Тогда я еще не писал, но меня уже мучили мысли, жаждущие быть написанными.) Но, оказалось, люди не читают книг. Тем более те, кто управляет этим миром. Любовь к книгам облагораживает человека. В сердце его нет ненависти, только бескорыстная любовь к людям. Чем чище твоя душа, тем с большими проблемами ты сталкиваешься в жизни. И книги, которые ты хотел написать, остаются жить в твоих мыслях. Даже в собственном творчестве ты не находишь в полной мере того, к чему стремился, чего искал, что не давало тебе покоя. Летним днем камни в прозрачной воде, ночью яркие звезды на небе кажутся такими близкими, можно дотянуться рукой, но… они так далеки… Если даже хватит сил написать отличную книгу, разве она сравнится со Священным Кораном? В Книге Ясной прекрасным и благозвучным языком изложено все – начала всех наук от происхождения всего сущего и человечества до Судного дня; наше прошлое, настоящее и будущее; нравственные наставления, примеры благой

морали, запретное и дозволенное в жизни и торговле; добро и зло, дорога в рай и в ад… «Если бы все джинны и люди на земле собрались вместе и договорились написать подобную книгу, то им не удалось бы написать даже одну суру…» Коран – это чудо Аллаха. И по содержанию, и по стилю. А люди, верующие и не очень, живут не по Писанию, следуя своим страстям. Еще говорят: «Сколько бы ни было написано книг, они не остановили ни одну войну». Это правда. Потому что воюют невежественные народы и тщеславные правители. А они не читают книг. В этом вся беда.

49

Двуличие. Сегодня, когда Чечня объявлена исламским государством, и люди получили «свободу», лучше понимаешь персидскую и таджикскую поэзию, видя, как живут восседающие в диване, их родные и близкие. Рудаки, Фирдоуси, Хайям, Саади, Хафиз, Джами, Хакани и Низами – звезды Восточной поэзии. Последние события в Чечне убедили меня в том, что они и те, «которых персы считали порочными» (Гёте), были глубоко верующими людьми. Омар Хайям даже не входит в число восьми избранных персами поэтов. Именно про таких сказал Гёте: «…среди тех, которых персы считали порочными, многие лучше меня». Омар Хайям и поэты его ряда (в XX веке необходимо отметить Садриддина Айни и Саида Бадуева), выросли в мусульманском обществе, наблюдая двуличность отцов религии и их показную набожность. Поэтому их творчество, как и Накшбандийский тарикат, – это реакция против двуличия князей и мулл, утверждающих: «Делайте не то, что мы делаем, а то, что мы говорим». Двуличность «исламской власти» и религиозных авторитетов породила и Муллу Насреддина. Точно также образ Дон Жуана, в большей степени, является созданием испанской инквизиции.

50

Второе «я». В «Заметках о жизни» Альфонс Доде вспоминает, что «впервые заметил свою двойственность после смерти брата Анри, когда отец драматическим тоном воскликнул: «Он умер, умер!» Мое первое «я» плакало, а второе размышляло: «Какой естественный возглас! Как он был бы хорош на сцене!» Мне было тогда четырнадцать лет». Это «второе я» автора, т.е. образ двойника в разных вариациях мы находим еще в древних мифах и легендах: проделки богов, духов, лис-оборотней, волшебников и т.д. Художественная литература, обогатив образ двойника новыми персонажами (близнец, душа) и приемами (зеркальное отражение, тень, портретное изображение), преобразовала его от «внешнего» двойника к «внутреннему» двойнику. В романе «Подросток» Федор Достоевский трактует двойничество как психическое заболевание: «Двойник – есть не что иное, как первая ступень некоторого серьезного расстройства души, которое может привести к довольно худому концу». Достоевский дает и другое определение этому явлению: «раздвоение» чувств и воли», которым с большим успехом широко пользуется современная кинематография, штампуя безыдейные фильмы один за другим. С одной стороны их не надо воспринимать всерьез. Но так как они заполонили весь эфир, их нельзя не принять во внимание. Поднимаемые в них проблемы кажутся надуманными. Вся трагедия персонажей – от одиночества, на которое обрекает человека капитализм. В обществе, где главную ценность составляют деньги, люди живут отчужденно от родителей и семьи, разорвав родственные узы. Каждый сам по себе. Причина двойственности героев Достоевского заключается в их бедности, нищете, безденежье… Второе «я» Доде – это мысли зреющего художника.

1986-1999

О МАТЕРИ

Я очень любил свою мать. Всем сердцем.

Она умерла в очень тяжелое для чеченского народа и для нашей семьи время, в самом начале второй войны.

Не помню случая, чтобы она хотя бы раз поругала меня. Я не помню дня, чтобы она хоть раз поссорилась с кем-либо или возвысила голос. Даже соседские дети называли ее мамой.

Она прожила тяжелую жизнь. Отец пропал без вести на Германской войне. А зимой 44-го их многодетную семью выслали вместе со всем народом в бескрайние степи Казахстана и Киргизии. Умерла младшая сестра. Моя мать, Петимат, была старшей в семье. И надо было помогать матери. Устроилась на работу в шахту, добывали руду. Переболела тифом. Из-за этого у нее всю жизнь были слабые бронхи и легкие.

Она много рассказывала о тех днях. И много доброго я слышал от нее о русских и украинских женщинах, немках, казашках, киргизках, вместе с которыми работала. Они помогали им, чем могли, хотя самим приходилось нелегко.

Через несколько лет их нашли родственники отца. Стали жить вместе.

Потом ее встретил мой отец, и они поженились.

Построили дом, родились дети. Вроде бы трудности остались позади.

Но после XX партсъезда жизнь репрессированных народов изменилась коренным образом. Им разрешили вернуться на историческую родину. Родители не нашли покупателей на дом даже за бесценок и приехали домой, оставив нажитое с таким трудом добро.

Первые годы было нелегко, но что это по сравнению с тем, что пришлось пережить во время высылки. От голода, холода и болезней десятки тысяч людей навечно остались на казахской и киргизской землях. А дома, как говорится, и стены помогают.

Наверное, самым счастливым этапом в жизни чеченцев были 60-80 годы прошедшего века.

Женились мои старшие братья, сестры вышли замуж.

Я, после окончания средней школы, поступил в университет.

Отец болел уже несколько лет, и я, в свободное от учебы время, помогал братьям на стройках. Облицовочные работы на многих крупных зданиях организаций и учреждений Грозного произведены нами. В Чечне тогда мало было специалистов по резке и кладке мрамора, гранита и ракушечника. Работа, хотя была и тяжелой, хорошо оплачивалась. Но семья была большая, и мне порой не хватало денег. (Правда, я покупал очень много книг.) Но у мамы всегда было что-то припасено для меня. При случае она откладывала с пенсии.

Я был младшим в семье, тем, кто должен остаться в родительском доме и обязан быть их опорой в старости.

– Ты наш будущий кормилец, – говорила мама, и называла меня ласковыми именами.

Я стеснялся. И говорил иногда:

– Мама, мне неудобно, когда ты обращаешься со мной, как с ребенком. Я уже взрослый.

– Сколько бы тебе не исполнилось лет, для меня ты всегда будешь моим маленьким, дорогим сыночком, – отвечала она.

Что я мог сделать? Я горячо любил ее. И готов был отдать за нее жизнь.

Пять лет учебы не удовлетворили моей тяги к знаниям. Я хотел быть ученым, писателем.

Меня пригласили на работу в научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. Зарплата была маленькая, квартиры в Грозном у меня не было, и я опять, как и в студенческие годы, сидел на шее у братьев.

Несколько лет я стоял на учете в тубдиспансере, и меня не брали в армию. На этом можно было сделать белый билет, но при первой же возможности я пошел в армию. Накопив достаточный материал из армейской жизни, я вернулся домой, хотя и не увидел того, что ожидал.

Меня пригласили на работу в родной университет, на кафедру вайнахской филологии. Начались сбываться мои мечты. Любимый город, любимая работа... Я молод и полон надежд. И дома все живы. По направлению прошел собеседование в ИМЛИ им. М. Горького. Оставалось только приступить к занятиям в аспирантуре. Пожил немного в одном из общежитий МГУ.

Но после развала СССР началась страшная инфляция, достигшая своей кульминации именно в эти дни. На свою зарплату, которая автоматически переходила в стипендию, я не мог прожить в Москве и нескольких дней.

И в республике события начали развиваться со стремительной скоростью. Президент России Б. Ельцин объявил в Чечне ЧП. Начались волнения. Дудаева не признавала Москва, а он объявил о выходе из РФ и о создании суверенного государства.

Жизнь стала очень дорогой. Работы не было. А тем, кто работал, зарплата не выплачивалась. И в этих условиях у меня не было никакой возможности продолжить учебу в Москве. Братья уже обзавелись своими семьями, и не могли помогать мне, как раньше.

Это было время серьезного испытания для чеченского народа на прочность. Руководство республики вело народ в тупик...

Перед самой войной от продолжительной болезни умер мой отец.

Это была суровая зима. Декабрь 1993 года.

Отец был человеком мужественным и щедрым. Люди до сих пор рассказывают о том, как он в самые трудные времена помогал обездоленным, больным, старикам, вдовам и сиротам...

Отец – это твой корень, благодаря которому ты родился и вырос, по воле Аллаха. Отец – твоя опора в жизни, твой фундамент, который всегда будет твердо поддерживать тебя в любые невзгоды. И у тебя должен быть тот же стержень!

Мать – это твоя вечная и неугасимая любовь, твоя душа, твой земной рай, благодаря которой Аллах удостоит тебя небесного Рая.

Когда родители живы, человек очень счастлив, порой даже не осознавая этого в полной мере. Ты и мысли не допускаешь, что можешь их потерять, словно они будут жить вечно. После их смерти наступает полнейшая апатия ко всему и душевная пустота...

Казалось бы, по окончании войны у Чечни были все шансы зажить цивилизованной жизнью. Но республика опять погрузилась в мрак.

В это непростое время я работал заведующим районным отделом образования. Часто в доме даже хлеб не на что было купить. Не выплачивалась зарплата, не выдавались пенсии. А у меня уже росла дочь.

Мама болела недолго.

– Я не боюсь смерти, – говорила она не раз. – Я пожила достаточно. Лишь две просьбы у меня к Аллаху, после смерти оказаться с вашим отцом в раю, и чтобы Он послал Сайд-Хасану сына...

Мама умерла в самом начале второй войны, в ноябре 1999 года. (Ей было 70 лет от роду.)

Федеральные войска, окружившие село, два дня не пускали нас на кладбище, чтобы похоронить ее. Не знаю, может только больная спина не позволила мне тогда уйти в лес. Боль приходит неожиданно, так что я не могу ни сесть, ни встать.

Бог миловал. Я пережил и вторую войну.

У меня вышло несколько книг. Работаю главным редактором районной газеты. Союз писателей Чечни готовит к выпуску собрание моих сочинений. Я счастлив в браке. У меня пятеро детей: две дочери и три сына. Исполнилась мечта моей матери. Каждый раз, вспоминая о ней, у меня на глаза наворачиваются слезы. Она была хорошей матерью. Дай Бог всем таких матерей, добрых, любящих, любимых. И дай ей Бог встретиться в раю с моим отцом и со всеми нами. Аминь.

2012

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ВАЙНАХОВ
(Заметки о чеченской прозе 80-х годов)

В понятие «нравственность» каждый народ по праву вкладывает свой смысл. Тем не менее, многие пункты и нормы морали у всех народов, за редким исключением, общечеловеческие. Однако не следует забывать, что даже у одного отдельно взятого народа понятие нравственности со временем видоизменяется. Я в этой статье следовал, прежде всего, современным понятием об обычаях и традициях чеченского народа.

Проблему нравственности в художественном сознании вайнахов я рассматриваю на примере анализа творчества чеченских писателей: М. Ахмадова, М. Бексултанова, С.-Х. Нунуева и И. Эльсанова.

В чем новаторство прозы 80-х годов? Отражает ли искусство молодых жизненную правду? Насколько оно художественно? У кого они учатся и чему учат?

Литературоведами уже отмечалось, что современный этап чеченской литературы «характеризуется интенсивным развитием жанра рассказа», «соответственно растет интерес к этому жанру у широкой читательской аудитории, и повышается необходимость разностороннего освещения особенностей его развития в литературоведении и критике». (Чеченский и ингушский рассказ. Проблемы жанра. Грозный, 1987. С. 3.)

Что-ж, Сайдалбек, персонаж рассказа С.-Х. Нунуева «Гость», вполне сойдет за человека, выросшего и воспитанного на идеях нашего «свободного» мирного времени.

В этом рассказе С.-Х. Нунуев изобразил тип людей – ханжей, отщепенцев, которые даже знакомство поддерживают не по родству и влечению души, а по состоянию кармана. (Нунуев С.-Х. Пятна на солнце. Грозный, 1983.)

В раскрытии характеров персонажей огромное значение имеет речь героев, их манера разговаривать. Как правило, отрицательные персонажи в произведениях чеченских писателей употребляют в речи много русских слов. Они пародируют современную чеченскую «элиту», прослойку общества, которая старается, во что бы то ни стало, отличиться от простого народа, в особенности, от сельских жителей.

Должностные лица из числа вайнахской интеллигенции до недавнего времени избегали слов вайнахского происхождения, особенно остерегаясь упоминания имени Бога. Сегодня, в эпоху гласности и демократии, Бога стали упоминать всуе; что стало даже своеобразной модой.

Недалеко ушло время, когда выражения «Дела реза хуьлда», «Дала дукха вахавойла», «Далла везийла» вносили смуту в души разного рода чиновников.

Вот эту ситуацию нравственной деградации и гражданской трусости «начальничков» очень хорошо подметил и изобразил в своем рассказе С.-Х. Нунуев.

«Поправится, – говорит Сайдалбек Расулу, услышав, что мать больна. – *Обязательно.* (Выделено автором). Только передай, чтобы берегла себя. Все наши болезни от простуды».

«Обязательно», а следовало сказать: «Дала мукъалахь» («Даст Бог») или «Дай ей Бог здоровья».)

М. Ахмадов, С.-Х. Нунуев, М. Бексултанов, И. Эльсанов мастерски используют художественные детали и тонкие психологические приемы в обрисовке персонажей.

К примеру, момент ссоры между супругами по поводу, сколько следует дать на карманные расходы «бедному родственнику» мужа (и нужно ли давать вообще?), С.-Х. Нунуев изобразил следующим образом: « – Делай как знаешь! – сказала жена, притворившись обиженной, и повернулась лицом к стене».

Этим все сказано о данной женщине.

Молодые писатели часто изображают в одном герое определенный тип людей. Это характерно и для С.-Х. Нунуева.

Так, истинное лицо родственников Руслана мы видим, когда тот решил подшутить над ними и сказал, что его дядя по матери «устроился» председателем райсовета. Хозяева негостеприимного дома забеспокоились, тут же завели его обратно в дом, насильно раздели и заставили сесть. Роза, которой до этого жалко было для него пяти рублей, теперь быстро ушла на кухню, и оттуда уже долетал приятный запах жарящегося мяса… Но, улучив момент, студент уходит, решив никогда больше у них не бывать.

Заслуга этих писателей в том, что они первыми поняли: вести борьбу следует не с «пережитками» прошлого, а с «нажитками» настоящего.

Чаша официального равноправия в нашем обществе в последнее время все более склоняется к культу женщины в семье. Ведь жена нередко выводит мужа «в люди», следовательно, вольна поступать по-своему.

И та же Роза, кажется, обязательно бы накормила гостя, будь он сыном, допустим, ее троюродной сестры. И мужа бы заставила выложить ему не пять, а пятьдесят рублей!

«Гость» – не единственный рассказ С.-Х. Нунуева, где женщине, ведающей семейным бюджетом, куплей-продажей и подарками, отведена главенствующая (но обязательно отрицательная) роль («Подарок», «В купе»).

Те искусственные ограничения эпохи культа личности и времен застоя все еще сказываются на жизни и деятель-

ности старшего поколения. Во многом по-иному ведет себя подрастающее поколение, которое не испытало тех трудностей, что выпали на долю старших. Поэтому оно чувствует себя раскованнее, свободнее без этого груза запретов и ограничений.

Именно таких молодых и обрисовали М. Ахмадов, М. Бексултанов, С.-Х. Нунуев и И. Эльсанов.

Примечательно, что с произведениями о прошлом и настоящем, о нравственных поисках и своих суждениях они выступили еще до перестройки.

Место и роль женщины в обществе и ее влияние в семье, проблема «отцов и детей» по-новому осмыслена в творчестве молодых писателей. Матерям и старшим сестрам всегда противостоят их же дети и братья, молодые люди, еще не познавшие, точнее, не принимающие этот мир взрослых – мир лжи и обмана. Он их не только не прельщает, но и отпугивает. Это чаще всего подростки. Они уже задумываются над проблемами нравственности и воспитания в семье. У них свои взгляды на жизнь. Они не всегда довольны делами и поведением родных, хотя и бессильны что-либо изменить. Но они органически не приемлют этот мир. А иногда даже позволяют себе сделать какое-нибудь замечание, скажем, сестре, но не переходят границы морали.

Таков герой рассказа М. Бексултанова «Я-то молчу…»

Проснувшись утром, он видит старшую сестру, любующуюся собой перед зеркалом в коротком халатике.

« – Халат у тебя слишком длинный», – говорит он. (Бексултанов Муса. Облаков журавли белые. Грозный, 1985. С. 3.)

Брат не говорит, что у сестры короткий халат, ибо это противоречит чеченскому менталитету. И эффект от этого сильнее. Он не советует, не угрожает, а намеком, не нарушая семейный этикет, дает понять, как следует одеваться…

Нравственные поступки людей также, как и безнравственные, обусловлены определенными идеями. Кстати, и в этом рассказе «первым лицом» в семье является мать – защитница интересов «угнетенных горянок» – дочерей. И неслучайно у М. Бексултанова одна из них напевает песенку про глупого скворца. Впрочем, в произведениях рассматриваемых писателей нет ничего случайного. Они отнюдь не склонны идеализировать прошлое. Но они считают своим долгом подчеркнуть высокую нравственность людей прошлого.

Было бы неверно думать, что эти авторы с пессимизмом смотрят на сегодняшний день. И в современной действительности находят они своих героев. Бесподобен в этом отношении рассказ М. Бексултанова «Хорошо, что ты есть…». (Там же, стр. 76.)

Это своего рода монолог современника об отце. Парень десять-одиннадцать лет учился в советской школе, теперь – студент. Познал, в некотором смысле, жизнь. Но, прежде всего (и это очень важно), он воспитан на обычаях и традициях вайнахов. В вайнахской семье отец всегда был символом уважения и почитания. Особенно в пожилом и старческом возрасте. Отсюда и уважение у чеченцев вообще к старшему по возрасту.

Сын не садится при отце, не ест при нем. И он не помнит такого дня, когда отступил бы от этих канонов. Отец, несмотря на это, постоянно поучает его и других сыновей, ставя в пример жизнь своих семерых отцов. Они и служат ему примером.

Одно из несомненных достоинств творчества М. Ахмадова, М. Бексултанова, С.-Х. Нунуева, И. Эльсанова в том, что именно они выступили подлинными выразителями, а не исказителями духовной и бытовой жизни народа, его дум и чаяний…

Азим, герой рассказа «Черноглаз», похитил полюбившуюся ему девушку – Разет, сестру одиннадцати братьев.

Он же, посмевший не только пролить воду из ее кувшина (несмотря на ее угрозу), но и похитить красавицу, – у матери один. На второй день, не позднее, приходят в дом Азима… (Там же, стр. 91.)

Нужно сказать, что для писателей старшего и среднего поколений приход братьев в дом Азима означал бы вражду героев, это был бы повод для кровопролития, что привело бы к гибели любимой или любимого из-за несогласия родных выдать девушку за сироту или бедняка… «Всему виной адат! – кричали бы они. – Злополучный обычай предков повелевать жизнью и смертью женщины, кровника, похитителя сестры, врага и т.д.»

Но, как мы знаем, эти традиции и обычаи держат «в узде» тех, кто сегодня свободно может клеветать, воровать, убивать или же позволяет себе вольности по отношению к той или иной женщине. М. Ахмадов напоминает нам: это были «ориентиры в жизни – такие маяки, такие вершины, такие духовные башни, которые они видели… с любого расстояния…» (Газета «Грозненский рабочий», 1988, 8 апреля. С. 3.)

«Без лишних слов, точно и сжато дана сцена появления троих из одиннадцати братьев Разет во дворе Азима – похитителя. Кратко, буквально в двух словах, дана картина встречи Азима и ее братьев: «Іаьзима цаьргахьа букъ берзийра, бехк лаьцна». Как много сказано этой фразой! Здесь емкий материал – этнографический, культурный, этический… Не сказано ни одного слова, что так требует культура, этикет чеченцев, что, повернувшись спиной к своим гостям, Азим отдал им, может быть, большую дань уважения, как смог бы отдать в другом случае рыцарь средневековой Европы, сняв шляпу и поклонившись». (Чеченский и ингушский рассказ. Проблемы жанра. Грозный, 1987. С. 72.)

А. Сумбулатову удалось глубоко вникнуть в суть рассказа и дать его тонкий анализ, несмотря на незначитель-

ные погрешности. К примеру, сообщение-свидетельство рассказчика, «деро кхоьссира Изноврас», А. Сумбулатов переводит и комментирует как «не очень сердито бросил Изновр», когда слово «деро» (от «дера» – злой, гневный, разъяренный, раздраженный) здесь и вообще имеет смысл «злобно». И это понятно, ведь девушку посмели умыкнуть у одиннадцати братьев. Тут важно другое, что озлобленные братья сменили гнев на милость, столкнувшись с настоящим мужчиной. Свидетельство тому – незапертые ворота и двери…

Итак, в рассказе «Черноглаз» М. Бексултанова мы не видим никаких кровавых сцен, ужасающих своей жестокостью и беспощадностью обычаев гор. Вместо этого, мы видим реальную действительность: братья поступили так, как должны были поступить настоящие мужчины в подобной ситуации.

Сравнивая современных писателей со старшим поколением писателей и даже с наиболее талантливым из них – С. Бадуевым, необходимо иметь в виду время жизни и деятельности их, знать их цели и задачи.

Думается, живи С. Бадуев сегодня, он был бы писателем совсем другого плана. Он не писал бы теперь повестей и рассказов о вреде шариата, о приверженности чеченского народа старым обычаям, не ратовал бы за эмансипацию женщин, а был бы, возможно, автором рассказов «Черноглаз», «Я-то молчу…», «Хорошо, что ты есть» или «Свадьба не состоялась», «В купе» С.-Х. Нунуева; «У моря» И. Эльсанова; «Землятрясение» М. Ахмадова или же одного из последних рассказов М. Бексултанова «Он этого не знал».

Это рассказ о старике, с радостью и нетерпением ожидающем появления на свет внука. С глубокой симпатией, состраданием и проникновенностью передан образ простого человека из прошлого. У него и в мыслях нет ничего худого. Когда же, наконец, он узнает, что «его» (т. е. ребенка)

не будет, он ошеломлен! А узнав, что это был бы мальчик, он вскакивает, чтобы пойти и объявить кровную месть родителям невестки. Жена, плача, удерживает его, а старик вырывается, даже проклинает ее в пылу гнева и горечи.

– Мы все виноваты, – говорит жена. – Все произошло с согласия твоего сына.

У старика словно спина надломилась.

«Он ничего не видел. Он и не желал ничего видеть. Он не знал, что это, почему, откуда это, когда. Ему казалось, что женщина должна рожать детей, беречь их, ухаживать за мужем, вести хозяйство. Казалось, что долг мужчины в том, чтобы прокормить семью, чтобы дети не чувствовали ни холода, ни голода, что жить – это значит растить детей нравственными и воспитанными. Оказалось, то, что ему казалось, устарело вместе с ним, прошло – обносилось. Он этого не знал, не знал…» («Аргун». Альманах Грозный, 1986, № 3. С. 47-53.)

Думается: вот об этом и писал бы С. Бадуев сегодня, доведись ему дольше жить или дожить до наших дней. И братья Бусаны из повести «Бешто» (Бадуев С. Собр. соч., в 2-х т. Т.1. Грозный, 1976) поступили бы совсем иначе. Хотя и тому есть свои причины. Ведь Хизир, отец Бусаны, и братья Разет – это совершенно разные люди. Дело даже не в том, что их отделяют несколько десятков лет или они живут в разных общественных формациях.

Братья Разет – люди, живущие своим трудом. Для них важнее в мужчине не его богатство (это наживное), а чисто мужские качества – честь и достоинство. Хизир же обогатился на том, что выдал за большой калым двух своих старших дочерей. И собирается получить еще больше за младшую. Она красивее. А для одиннадцати братьев важнее всего – счастье их единственной сестры. И тут неважно, что Азим раньше не ухаживал за ней и т. п. Главное – она полюбила его.

Когда она услышала во дворе шум и узнала голоса своих братьев, плотный лед сковал ее сердце. Это ли не признак любви? И братья Разет, зайдя к Азиму, видят не только этого мужественного парня, отважившегося умыкнуть сестру одиннадцати братьев (а на подобное так долго у Бешто не хватало решительности), но и то, что сестра их не против этого замужества…

А мы из «Илли» знаем, как наказывали виновных, когда уводили невест насильно. Нередко гости, съехавшиеся на той (пир), оказывались на похоронах. («О князе Мусосте и Сурхо, сыне Ади».)

В чем же разница между Бешто и Азимом?

Бешто – романтик. Он нерешителен в нужный час и слишком мягкосердечен. Совсем другой человек Азим. Хотя он «гол, как сокол», но горд, как орел. По словам старшего из братьев Разет (все зависело от его решения), Азим достоин девушки, если она даже дочь царя.

Мы помним случайную гибель Бусаны от руки брата.

Какими были бы Хасан и Хусейн (братья Бусаны) сегодня? Как бы они поступили или отнеслись к такой сестре, как Ася из рассказа «Я-то молчу»?

Ася – студентка. Она часто говорит матери, что с подругами идет заниматься в библиотеку. А однажды брат видит ее в кинотеатре, целующейся с парнем. Младший брат Аси, когда она в очередной раз собирается «в библиотеку», бьет ее. Бьет без передышки, не сознавая, что он делает, дрожа всем телом, готовый и сам зареветь.

После случившегося парень позволяет себе оскорбить продавщицу – молодую девушку. Теперь они все для него одинаковы. И «своя», и чужая, и старая, и молодая…

«Один коварный юноша, когда девушка отказала ему, пустил слух, что он обесчестил ее… Она, не выдержав позора, взобралась на высокую скалу и бросилась вниз.»

Эта история приводится автором для сравнения сегодняшней и вчерашней морали девушки.

Выражение «куьйгаш тоьхна» можно было перевести и как «наговорил, оболгал, наклеветал, возвел напраслину» на девушку. Для современного русского языка и образа мышления «переспал», кажется, наиболее эквивалентным. Но и это слово не передает всей полноты и глубины трагедии. Я выбрал слово «обесчестил», так как речь идет не об обыденном, а о чести девушки, которую она свято блюла.

Проблема нравственности в обществе, языковая проблема, проблемы интернационализма, экологии и культуры, воспитания, отношения к прошлому, к самой литературе и многие другие аспекты писателями художественно осмысливаются не только в жанре рассказа, повести или романа, но и в публицистике.

Обычаи и традиции предков, которые так нам «мешали» жить при социализме, «обуславливали характер взаимоотношений между старшим и младшим, мужчиной и женщиной, систему общения с родственниками, гостями. Это был, образно говоря, пояс, заставлявший человека не распускаться, всегда быть подтянутым и аккуратным.

Порой слышишь от людей, покидающих родные гнезда в поисках «веселой» жизни: «Хочу быть свободным»! От чего? От ограничивающих нравственную распущенность запретов? В конечном итоге – от ответственности. Сначала перед родителями, потом – перед народом. Бездуховность, отсутствие внутренней культуры, суровых нравственных ориентиров зачастую оборачиваются преступностью. Примеров тому мы знаем немало. Корни этой бездуховности кроются, прежде всего, в пренебрежении к вековой народной мудрости, в равнодушном, а то и презрительном отношении к духовному наследию – добрым, здоровым традициям старших поколений». (Ахмадов М. Газета «Грозненский рабочий», 1988, 8 июня, С. 3.)

Мы прежде много говорили о национализме малых народов, о «забитости» женщин, о вреде всего национального, о «косынке», о «волосах», о религиозных предрассудках и т.п. Защищали кандидатские диссертации на темы типа «Об опыте работы партийной организации республики по раскрепощению горянки», ничуть не задумываясь над тем, что этим «кандидатам» следовало бы многому научиться в вопросах морали, прежде всего, у тех же горянок или их братьев.

Какова же была эта мораль, жестокая, как нам может показаться, общественная форма поведения, этот «пояс»?

Многие годы данный вопрос муссировался в печати. Утверждали, что традиции, которых мы придерживаемся до сих пор, не национальны, а пришли к нам вместе с исламом.

Однако у арабских народов, где собственно и возникла мусульманская религия, не встречаются многие законы, по которым живут чеченцы. И не все, что принесла тогда с собой новая религия, было принято чеченцами. Тут старые традиции – обычаи предков, законы гор – оказались сильнее! Многие из них сформировались еще во времена язычества.

Примечателен в этом смысле рассказ И. Эльсанова «Цена лезгинки». (Эльсанов И. На закате. Грозный, 1986. С. 14.)

– Свадьба – праздник! И счастлив тот, чей праздник не омрачила чужая беда. Если у соседей или сельчан несчастье, о пиршестве, о горском «тое» не может быть и речи. Это нетактично по отношению к пострадавшим. Ибо нет чужого горя! И радость, и беда – общие!

Каждый взгляд, каждое движение при танце – это разговор молодых… Мужчина остерегается даже легкого, случайного прикосновения к девушке.

Но случилось непредвиденное! Давид (юный кунак из соседней станицы), споткнувшись, коснулся стана

девушки. Старики утихомирили людей, чтобы потом выяснить степень вины Давида. Присутствовавший там Алхазур, друг брата девушки, подскакивает к нему и незаметно для других говорит, чтобы он ждал его в условленном месте.

– Ты уходи первым, чтоб люди не заподозрили, я буду следом за тобой. Позор друга – мой позор…

Условились: стреляться на всем скаку и рубиться кинжалами.

Яха, младшая сестра Алхазура, привезла полуживых врагов домой и стала их выхаживать. Алхазур выздоровел первым. Когда пришел срок Давиду покинуть его дом, Алхазур заставил его станцевать с сестрой, а потом говорит:

– Клянусь Богом и Солнцем, я убью вас обоих, если вы вместе не покинете этот дом!

Конечно, молодые не заставили себя долго упрашивать. Давид и Яха за это время успели полюбить друг друга.

Но суть рассказа в другом.

Алхазуру кодекс чести не позволяет, чтобы его незамужнюю сестру могли упрекнуть, что кто-то дотрагивался до нее или она позволила себе вольность в общении с мужчиной. И выход здесь один: или они женятся (в лучшем случае), или же он их убивает (в худшем случае). Честь мужчины, женщины, семьи, рода – превыше всего!

Приведу сравнение.

Мы наслышаны о знаменитом обычае: если женщина бросит свой головной платок между враждующими мужчинами, они немедленно разойдутся… До следующей встречи. Из уважения к женщине, которая обнажила перед ними голову.

И герои И. Эльсанова поступили бы так же, доведись во время схватки Алхазура и Давида оказаться там женщине.

Но мы знаем, что сегодня в аналогичной ситуации никто не прекратил бы бой (да и не в чести теперь в нашей повседневности «дуэли»), а, наоборот, прибили бы заодно и ее: «Пусть не лезет!».

А когда-то она стоила двух мужчин!

И косынка, с которой мы с таким завидным запалом «воевали», исчезла из публицистики… Ныне вопрос снят с «повестки дня».

Что же может противопоставить современная чеченская проза нравственной ущербности иных женщин, которых мы так долго считали, с гордостью, истинно свободными? Что привело значительную часть вайнахской молодежи к нравственному падению? Чему же мог и должен (!) был научиться у горянок иной «кандидат» в доктора, так долго и упорно «раскрепощавший» их?

Классические образцы, которые должны быть вечным примером: жена Шихмурзы («Три победы Шихмурзы»), которая верностью супругу, смелостью и умом спасла его от верной гибели; жена Таймиева Бибулата, оберегавшая авторитет мужа; жена Зелимхана, которую не сломили никакие беды… А сколько еще их – таких замечательных жен, матерей, сестер, невест!

Разет («Черноглаз») после смерти Азима поняла, что если «такая, как она, женщина, оставшаяся (вдовой) после такого мужчины, как Азим, повторно выйдет замуж, то мир, пусть не весь, но ровно наполовину рухнет».

Если бы пришлось заплатить калым за таких девушек, как Себила или ее подруги из повести М. Ахмадова «И воздвигая горы на земле», не хватило бы всех сокровищ мира. (Ахмадов М. «Аргун». Альманах. Грозный, 1987. № 3. С. 31.) В трудный для отчего края час, когда белогвардейцы пытались сравнять с землей ее родное село, которое не выдало красных (в понимании жителей – гостей), Себила вместе с подругами вышла на окраину села

и, несмотря на взрывы снарядов и свист пуль, устроила горские пляски. Враги в смятении. Односельчане воодушевились и победили!

Как хозяйке принимать гостей, когда мужа нет дома, давно известно. И. Эльсанов в рассказе «Хозяйка – при госте» возвращает нас к этой теме. (Эльсанов И. На закате. Грозный, 1986. С. 45.)

Героиня рассказа не позволила гостю ночью уйти, иначе бы соседи могли осудить ее за нарушение обычаев гостеприимства. Но не совсем веришь автору, когда он пишет, что Зубайдат не привела переночевать соседскую девчонку, потому что недавно та была напугана, когда в их курятник забралась дикая кошка, и девочке лучше остаться дома…

У читателя возникает справедливый вопрос: «Но не безродные же они?» Зубайдат вполне могла пригласить к гостю кого-нибудь из родственников мужа (или, в крайнем случае, соседа), а сама переночевать у них. Ведь долг хозяйки – накрыть стол и постелить постель, а самой не обязательно оставаться с чужим человеком под одной крышей.

Основная задача современных чеченских писателей – показать отрыв иных молодых людей от норм национальной морали, обратить внимание читателя, к каким горьким итогам приводит так называемое «культурное» воспитание нынешней молодежи. Старик пришел в аптеку, где работает девушка, которую они со старухой хотели бы видеть в своем доме невесткой. Комизм сюжета в том, что девушка не знает в лицо будущего «свекра» и не выдерживает «экзамена».

« – Боже мой! Мне некогда стоять и читать эти бумажки! Что вам надо?! – ворчит она недовольным тоном, брезгливо рассматривая бумажки старика.

Тот утверждает, что среди них находится и рецепт. Просмотрев две-три бумажки, она, усмехнувшись, говорит:

– Иди, дядька, домой, посмотри, что тебе нужно. Потом придешь.

Старик настаивает, внимательно наблюдая за ней.

– Ой, ей-Богу! Что за люди?! Ой, а откуда у вас этот адрес?

– Может быть, это адрес нашего сына, – говорит старик.

Девушка покраснела, собрала бумажки и говорит:

– Тут нет рецепта. Может, Вы скажете, что болит? Я дала бы вам лекарства…

– Ничего, – говорит он, – приеду в следующий раз.

На улице его ждет «свекровь».

– Мне зайти? Которая из них? Она красивая?

– Нет, не надо. И шагу не ступит эта змея в наш дом, – произнес свой приговор старик». (Нунуев С.-Х. Мелодии родины. Грозный, 1986. С. 206.)

С.-Х. Нунуев определил рассказ как сатирический. Элементы сатиры в нем, бесспорно, есть. Но, на наш взгляд, это можно назвать скорее «трагедией нашего времени»…

С.-Х. Нунуев, М. Ахмадов, М. Бексултанов, И. Эльсанов стремятся «осмыслить жизнь в ее разнообразных проявлениях». В их творчестве мы находим постановку «тех многообразных проблем, которые ставит жизнь перед современным человеком». (Чеченский и ингушский рассказ. Проблемы жанра. Грозный, 1987. С. 97.)

М. Ахмадов – писатель, требующий внимательного, даже, может быть, специального чтения. С самого начала творческого пути он тяготеет к символике. «Пустой дом», «пустой орех», «башни» – далеко не все символы в его произведениях. (Первый сборник автора так и назывался – «Ночь в пустом доме».)

В названии выражена главная идея книги. В ней писатель стремится осветить проблемы «человеческой судьбы, места человека в жизни, его назначения как связующего звена между поколениями, об ответственности за свое прошлое и будущее». (Там же, с. 98.)

«Все, что ты совершил в жизни, возвращается обратно к тебе, так или иначе… сказывается на твоей судьбе или судьбе потомков» – такой вывод сделает читатель вместе с автором сборника рассказов.

Эдал («Ночь в пустом доме») вынужден покинуть родной дом из-за своего дяди, который клеветал на людей и погубил много невинных… Эдал не может жениться и на любимой девушке. Над ним витает зловещая тень дяди… После ночи в пустом доме он уходит своей дорогой, освободившись от обид и сомнений…

Абдул-Баки («Пустой орех») гнался за материальными богатствами, а остался без потомства. «Жизнь его пуста и никчемна, как… пустой орех».

Но давайте же не побоимся поставить вопрос и по-другому. Почему человек вынужден растратить всю свою молодость и здоровье, в попытках решить материальные проблемы, не успев ни «согреть сыновним теплом своих мать и отца», ни обеспечить себе старость? Ведь он, в конце концов, гнался не за миллионами…

Или все о том же злополучном калыме, который, по утверждению Х. Бокова, толкает «юношей на преступление с целью добыть побольше денег». (Боков Х. Х. Интернационализм на деле. М., 1984. С. 200.)

Почему в нашем обществе до сих пор молодые люди вынуждены воровать деньги на калым, но не могут заработать их честным трудом? Такие же вопросы возникают и в связи с трагедией Абдул-Баки («Пустой орех») и Джамбека («Землетрясение»).

Когда прозаик пишет просто и как можно правдивее, у него выходит намного лучше и естественнее. Пример тому – повесть М. Ахмадова «И воздвигая горы на земле».

Это гимн свободе! Это продолжение лучших традиций вайнахской литературы. Ибрагим-Хаджи, Цани, Шида, Девлин Хату, Йошурки Чода стали в один ряд с национальными героями Чечни.

Повесть и ранние произведения М. Ахмадова «Золотая яма», «Весной прекрасны и человек, и природа», «Когда все успокоились» (Весенние воды. Сб. рассказов. Грозный, 1987.) близки по языку и стилю, коим характерны простота, ясность и краткость изложения.

Чем требовательнее писатель к себе, тем совершеннее язык его произведений.

Мы живем не изолированно, а в бурно развивающемся мире. Культуры разных стран и народов взаимно влияют друг на друга. Но инонациональным читателям мы интересны именно как чеченцы. Как мы мыслим, как говорим, как поступаем?

Соответственно, герои наших произведений могут быть вполне современными людьми, но мыслить и поступать должны как чеченцы.

Дерево может пустить ветви во все стороны, но корни при этом должны быть в родной земле. И чем глубже эти корни – тем мощнее дерево!

Творческое освоение художественного опыта чеченской прозы 80-х годов поднимет уровень и авторитет вайнахской литературы, будет содействовать созданию общественно значимых, высокохудожественных произведений, повысит их роль в духовной жизни народа.

1988

ПИСАТЕЛЬ И ВОЙНА

Ни одна армия мира не может противостоять
силе идеи, время которой пришло.
В. Гюго

– Люблю тебя, Чечня! – воскликнул бы и я,
Но так кричали те, кто продавал тебя.
Поклялся б я сгореть за Родину свою…
Но кто кричал – ушел, а я все с ней горю.
Канташ

Во все времена – война и сопряженная с ней опасность втягивали в свой водоворот писателя, ибо здесь, как нигде, открывались новые грани человеческой души, высвечивались неведомые ранее глубины Духа, обнажались пределы человеческих возможностей. Все – на острие. Все – на грани… Новые темы, сюжетные перипетии. Новые горизонты.

…В рабочем варианте рассказа «Набег» Лев Николаевич Толстой писал, что его всегда интересовал феномен войны, то, как – в силу каких побуждений – один солдат убивает другого солдата.

Так же мыслили многие выдающиеся писатели, не знавшие войны, не видевшие ее, но писавшие о ней. Противостояние двух противоборствующих сил, человеческие характеры, деяния, всплески эмоций, обнаружение той призрачной грани, за которой одному позволено лишить жизни другого… Вальтер Скотт, Фенимор Купер, Проспер Мериме, Генрик Сенкевич, Амброз Бирс, Стивен Крейн... Мастера, изучавшие тайные пружины военных конфликтов.

Об истинном месте войн и революций в судьбах людей писали: Оноре де Бальзак, Эмиль Золя, Гюстав Флобер, Виктор Гюго, считая, что именно в экстремальной военной обстановке полнее раскрываются характеры их героев.

О преимуществе писателей, прошедших войну, знающих ее изнутри, видевших людей непосредственно в горниле войны, наглядно свидетельствует творчество таких мастеров пера, как: Михаил Шолохов, Анри Барбюс, Эрих Мария Ремарк, Михаил Зощенко, Ярослав Гашек, Эрнест Хемингуэй, Михаил Булгаков, Константин Симонов, Ричард Олдингтон...

Каждый из известных в Старом и Новом Свете писателей: Теодор Драйзер, Ромен Роллан, Бернард Шоу, Александр Чаковский, Константин Федин, братья Генрих и Томас Манн, Халлдор Лакснесс, Алексей Толстой, Иво Андрич, Бертольд Брехт – поднимал свой голос против кровавой несправедливости, протестовал против бесчеловечных войн, то и дело потрясавших мир.

Нелегок путь истинного художника. Через тюрьмы, Сибирь, лагеря прошли: Федор Достоевский, Назым Хикмет, Галактион Табидзе, Мухтар Ауэзов, Бруно Апиц, Тадеуш Боровский, Мартин Андерсен-Нексё, Лион Фейхтвангер, Юхан Борген, Ханс Фаллада, Питер Илемницкий, Александр Солженицын, Варлам Шаламов, Тудор Аргези, Саидбей Арсанов, Халид Ошаев, Арби и Магомед Мамакаевы, Николай Заболоцкий, Ярослав Смеляков, Константин Воробьев, Захария Станку, Зденек Плугарж, Луи Фюрнберг, Магомед-Салах Гадаев, Орцхо Мальсагов, Капитон Чахкиев, Давид Кугультинов...

Диктатуру всегда сопровождали преследования, аресты, пытки, надуманные обвинения, казни… Замучены и расстреляны в застенках НКВД: Исаак Бабель, Осип Мандельштам, Николай Гумилев, Борис Пильняк, Тициан Табидзе, Гордий Коцюба, Саид Бадуев, Абди Дудаев, Шамсуддин Айсханов, Ахмед Нажаев, Михаил Кольцов…

Выросли и закалились в огне войны: Николай Островский, Дмитрий Фурманов, Рафаэль Альберти, Луи Арагон, Поль Элюар, Андре Мальро, Бодо Узе, Юрий Бондарев, Эрих Кош, Григорий Бакланов, Нурдин Музаев, Зайнди Муталибов, Умар Гайсултанов, Ахмед Ведзижев, Кайсын Кулиев, Василь Быков, Олесь Гончар, Владимир Богомолов, Пауль Куусберг, Бела Иллеш, Жан Грива…

Пали на войне (по словам близко знавших их – лучшие из лучших): Юлиус Фучик, Мигель Эрнандес, Антуан де Сент-Экзюпери, Аркадий Гайдар, Нурдаль Григ, Эффенди Капиев…

Стефан Цвейг – один из самых глубоких писателей тогдашней Европы – человек нежнейшей души, у которого не было другого мира, кроме мира литературы, культуры, искусства. Наивно веря во вселенскую гармонию, долго пребывал в уверенности, что уж теперь-то (после стольких жертв!) люди поумнели, и Первая Мировая – последняя из войн в истории цивилизации. Вновь увидев мир в пламени войны, узрев его погрязшим в мерзости, оставшись – один на один – с грубой реальностью, лишившей его последних иллюзий, тихо ушел из жизни, не согласившись с общим сумасшествием.

Франкисты тайно – на рассвете, в безлюдном месте – убили Гарсиа Лорку. Погибли, но не были сломлены – Карел Чапек, Жан-Ришар Блок, Антонио Мачадо, Януш Корчак, Муса Джалиль…

Многие из них были коммунистами или сочувствовали коммунистическому движению. Наличие реальной коммунистической силы в мире, само существование Советского государства давало им силу выстоять в борьбе против коричневой чумы фашизма. И до, и после, и в самый разгар войны, именно советские писатели, обращаясь к писателям Европы и Америки, призывали их поднять свой голос в защиту мира, против надвигающейся угрозы мирового Зла. В их числе: Илья Эренбург, Леонид

Леонов, Александр Твардовский, Валентин Катаев, Александр Фадеев и др.

Даже у писателей, оказавшихся на войне в силу роковых заблуждений, опалы, честолюбия или просто из-за горьких перипетий судьбы (Александр Полежаев, Александр Бестужев-Марлинский, Михаил Лермонтов, Тарас Шевченко, Фредерик Стендаль, Михаил Зощенко, Альфред Андерш, Франц Фюман, Генрих Белль), мы не найдем произведений, воспевающих или даже просто оправдывающих войну.

Лев Толстой – совесть своей эпохи – воочию убедился, что Кавказская война – колонизаторская, по сути, и ничего общего не имеет с россказнями о ее миссионерском назначении и о привнесении русскими солдатами в «дикий» край «плодов цивилизации». Увидев, что русские несут не свет, а кровь, смерть и горе для горцев, защищающих свою землю, родину, свои села, дома, свои души, он попросил высочайшего разрешения о своем переводе в Крым. Он понял, что единственным оправданием войне может служить ее оборонительный характер, защита Отечества от внешней экспансии.

Все приметы подобной – освободительной – войны он нашел в Севастополе. Примеры высочайшего мужества российских солдат и народных ополченцев он нашел в Отечественной войне 1812 года. Однако и эта война перестала быть освободительной, как только французские войска были изгнаны из России и начался захват чужих земель… Но, видимо, фашизм нужно было уничтожить в собственном логове. Наверное, преследуя именно эту цель, советские и союзные войска дошли до Берлина.

Мне известно только несколько имен апологетов фашистского режима в писательской среде: Эзра Паунд, Кнут Гамсун, Винтила Хориа. Вот и все, кажется. Да и наиболее удачные произведения наиболее даровитого из этого скудного списка – Кнута Гамсуна – написаны

еще до установления фашистского режима на родине писателя.

Фашизм – сам по себе – не смог дать миру сколько-нибудь значимых произведений. Однако довольно успешно расправлялся с жемчужинами мировой словесности, сжигая их. Произведения лучших писателей – во все времена – вдохновляли людей, помогая им выстоять в борьбе с разномастным Злом, будь то творчество Адама Мицкевича, Ги де Мопассана, Ивана Вазова, Этель Лилиан Войнич, Николая Гоголя, Майн Рида, Александра Серафимовича, Рафаэлло Джованьоли…

Очень часто на алтарь Свободы приносились в жертву не только творения писателей, но и сама их жизнь. Кроме вышеназванных имен можно назвать Джорджа Гордона Байрона, Шандора Пётефи, Христо Ботева, Эжена Потье, Хосе Марти… Каждый поэт – на стыке XIX и XX веков – был в то же время революционером-романтиком. Писатель не может терпеть насилия над народом или отдельной личностью.

«Путешествие из Петербурга в Москву» Александра Радищева, «Записки охотника» Ивана Тургенева оказали огромное влияние на развитие национального самосознания русского народа, помогли ему освободиться от пут крепостничества. Эмиль Золя и Анатоль Франс (целый ряд известных французских писателей) восстали против реакционных властей в нашумевшем в свое время деле Дрейфуса. Когда – за антивоенные произведения – Иоганнеса Бехера предали суду, против этого выступили Максим Горький и Ромен Роллан. Даже Фридрих Энгельс, в нужный момент, с оружием в руках отстаивал то, во что верил. Кажется, Владимиру Ильичу Ленину принадлежат слова: «Революция, которая не умеет себя защитить, ничего не стоит».

То же самое можно сказать и о свободе.

Ничего не стоит свобода, не способная себя защитить.

Я принадлежу к категории писателей, которые пишут только о том, что хорошо знают и чему были очевидцами.

Поэтому в детстве и потом, будучи уже студентом, я думал: «Писателям – свидетелям революций, участникам войн – повезло. А о чем можно писать в наше время?»

У Эрнеста Хемингуэя есть слова: мужественный писатель идет на войну, чтобы, если ему суждено вернуться, написать правду обо всем, что он видел. Однако в поисках правды он может найти свою смерть.

Мы, современники, всегда видели войну издали: в выпусках теленовостей, в кино, в книгах. И возникал резонный вопрос: из-за чего, собственно, люди конфликтуют? Странное дело: даже в конце XX века люди не придумали иных способов для разрешения споров. История так ничему и не научила нас, ее уроки оказались пустым звуком для людей.

Романтика тянет человека на войну. Если бы мне представилась такая возможность, в юности и я принял бы участие в войне – в любой точке мира.

Сколько себя помню, войны полыхали всегда где-то в Азии, Африке, Латинской Америке. Казалось: это так далеко. Постепенно, шаг за шагом (Карабах, Абхазия), война подкралась и к родной Чечне. Оружие, доселе направленное Советским Союзом против всего мира, противники умело повернули против него. Изнутри развалили страну. Также – и весь социалистический лагерь.

Человек, добровольно идущий на войну, уверен, что он не может умереть на этой войне. Погибнет кто-нибудь другой, но только не он. Эта уверенность тянет его на войну и удерживает на поле боя в самые критические минуты. Когда на его глазах гибнут друзья или получают тяжкие ранения, сердце подсказывает: со мной ничего не случится, погибну не я, а кто-то другой. Эти мысли помогают ему выстоять, не сойти с ума.

С первой кровью, с первыми ранами, эта уверенность в собственной неуязвимости пропадает, рассеиваются ил-

люзии, улетучивается романтика, открывается истинный лик войны. Но войне присуща одна особенность – в ней, как в топком болоте: чем больше попыток выкарабкаться из этого засасывающего плена, тем глубже и глубже вязнет человек. Когда война уносит твоих друзей и близких, когда рушится все, что составляло твою жизнь, леденеет сердце, месть становится смыслом и сутью твоего существования.

Мысли человека, находящегося в самом пекле войны, диаметрально противоположны мыслям людей, отдаленных от нее. Хотя думают они об одном и том же. Также поразному относятся к войне захватчики и народные ополченцы. Солдату-агрессору не присуще мужество защитника отечества. Чувство неправомерности собственных действий лишает его внутренней уверенности в себе. Несмотря на принадлежность к огромной армии и наличие грозного оружия, солдат-агрессор – морально ущербен, и как бы не вдохновляли его генералы, духом он слаб. Поэтому терпят поражения те, кто в последнее время в разных концах мира затевают широкомасштабные военные аферы. Без нравственного оправдания военных действий любая военная экспансия – против любого народа – обречена.

Они могут уничтожать села, города, заводы и фабрики, убивать тысячи людей и калечить еще больше… но победить они не могут!

Война, военное лихолетье – лучшая школа для писателя. Идет процесс более полного познания внутренних законов мироздания, переосмысления реалий мирного бытия, процесс переоценки ценностей.

Еще одна странная особенность военной действительности – человек привыкает к войне, к смерти. Война притупляет естественные человеческие чувства, приучает к тупому, скотскому безразличию, ломает психику, извращает привычные нравственные постулаты. Война – заразная болезнь, поражающая, прежде всего, нравствен-

ное здоровье общества, уничтожающая вековые моральные устои на корню. Показывать ее в ином свете – значит, обманывать и себя, и людей.

Человеку не дано знать, что ему уготовила война, что предстоит увидеть, испытать. Конечно, даже в самые худшие дни не покидают сердце вера и надежда на лучшую долю. Но они, до последней секунды, были и у тех, кто пал от осколков снарядов и ракет…

Война не дает гарантий жизни. Никто не застрахован от смерти, разве что организаторы войн и военачальники, отсиживающиеся в тылу.

Тот, кто идет на войну, зная, что может погибнуть, мужественнее того, кто уверен в своей неуязвимости… Это высшая ступень доблести. В классической литературе примером тому – Гектор. Заведомо зная, что ему суждено пасть от руки Ахиллеса, пересилив собственный страх, он выходит на поединок.

Я знал, что могу умереть, но желание узнать правду, увидеть все воочию – перетянуло чашу весов. Я никогда не цеплялся за жизнь, да и сейчас не прячусь от ударов судьбы. Но, когда я думаю о смерти, я очень сожалею о тех – ненаписанных мною – книгах. О книгах, которые могу написать только я. Мне жаль их больше, чем себя. И собственную жизнь я соизмеряю с ними. В этом смысле прав Канташ: «Боится ли кто-либо сгинуть бесследно больше, чем писатель?»

Я и сегодня не в силах изложить все, что увидел и пережил. Там, где журналисту достаточно нескольких часов, писателю требуются годы. Я сегодня не готов к такому труду. Боль – и сегодня – слишком сильна, слишком всеобъемлюща. Думаю, наступит время (пусть через год, через несколько лет), когда я смогу все это спокойно обдумать…

Лучшие романы о Первой Мировой написаны лишь спустя десятилетие после ее окончания: «На Западном

фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка, «Прощай, оружие!» Эрнеста Хемингуэя, «Смерть героя» Ричарда Олдингтона. Для написания «Лето 1914 года» Роже Мартин дю Гару понадобилось более 20 лет.

К проблеме войны нельзя подходить однобоко. Но, обычно, люди знакомы лишь с одной стороной – позицией победителя. Однако, помимо официальной, есть еще и другая – позиция воюющей стороны. И есть позиция народа, принесенного в жертву большой политике.

До сих пор о чеченской культуре, о чеченской истории мы знали только из русских источников. И о нынешней, русско-чеченской войне, каждая из воюющих сторон будет писать лишь то, что выгодно ей. Но ни в одном из их сочинений не будет полной правды.

Я не считаю героями людей, призвавших на нашу землю армаду, способную завоевать весь мир. Чтобы справиться с несправедливостью на этом клочке земли, который можно накрыть буркой, достаточно было одного мужественного человека, который отказался бы от почестей и земных благ для себя – ради блага Отечества.

Я также не склонен считать героем и человека, ставшего диктатором своего народа, хотя находятся люди, окружающие его ореолом мученика.

Подобное свойственно не только новейшей чеченской истории.

В Германии, и сегодня, выходят книги, пытающиеся реабилитировать Гитлера и очернить классиков мировой литературы братьев Манн, отстоявших доброе имя немецкого народа в один из самых трагических периодов его истории. Любой режим, пришедший к власти, найдет беспринципных конформистов, способных – за деньги – кого угодно поднять на недосягаемую высоту и кого угодно пригвоздить к позорному столбу. Найдутся они и в Чечне. Те, кто будет слагать гимны во славу победителей, и те, кто будет эти гимны преданно распевать.

Вероятно, правду напишут те, кто, зная тех и других (не будучи на стороне ни тех, ни других), был очевидцем насилия и беззакония, творимого ими над собственным народом, кто осмыслил это «благо». Мысли и свидетельства очевидцев (невинных жертв и невольных участников сегодняшних событий) – вот что будет ценно будущим летописцам наших дней. Ведь известно, что официальная история пишется по заказу и под строгой цензурой власти. Но есть ли у простых людей время, возможность и желание записывать, предавать бумаге события (как они происходили на самом деле), свои мысли и тайные чаяния? Ведутся ли подобные записи? Сохранятся ли они? Дойдут ли до будущих поколений?

Ныне любой чеченский писатель и ученый находится в таком же трудном положении, что и Архимед, убитый варваром-мародером при штурме Сиракуз римской армией (211 г. до н.э.).

Сегодня я привожу в порядок свой архив. Никто не разберется в нем, кроме меня. (За 12 лет накопилось столько рукописей, что не вмещаются в большой чемодан.) Из-за отсутствия печатной машинки, целый день, а потом и ночью – при свете фитиля – переписываю все, что кажется ценным.

Если в юности я и не думал о смерти, то теперь я отчетливо осознаю, что после моей гибели, все написанное мной может пропасть. Неужели я был рожден, чтобы, пройдя столько испытаний, сгинуть бесследно?

Чтобы написать о событиях последних лет, мне нужно закончить то, что начато ранее. Только освободив себя от этого бремени, я способен взяться за новое. Не могу отказаться от давно начатых произведений. Фольклорные записи, дневники, литературные заметки, рассказы о студентах, очерки о писателях, миниатюры. Искания. Искания… Примерно – тома на два (и это только мои первые шаги). Жаль, что до сих пор не смог выпустить ни одной

книги, хотя бы тоненькой. Когда погружаюсь в процесс письма, отключаюсь от всего: забываю, что идет война; что в любой момент могу погибнуть от рук ворвавшихся в дом вооруженных людей или от шальной пули, залетевшей в окно; что дома нечего есть.

Неожиданный взрыв, раздавшийся неподалеку, дрожание стен и дребезжание оконных стекол возвращают меня в реальный мир, в войну. И мысль, что именно в эту минуту где-то неподалеку гибнут ни в чем не повинные люди, приводит меня в отчаяние. В душу закрадывается сомнение: «А стоит ли трудиться, корпеть над рукописями, если все это может пропасть в одночасье, если все это, возможно, никогда не увидит свет?»

Подобные мысли доводят до состояния полной прострации. При всем желании, не могу ни писать, ни читать. Два-три дня брожу по сельским улицам. Потом, когда сердце успокаивается, опять сажусь писать, уповая на милость Всевышнего.

Писать правду опасно. Особенно в период диктатуры или военных действий. В этом плане, более выгодно положение журналиста-иностранца: приехал, поговорил с мирными жителями, с представителями властей, с бойцами обеих сторон и, если повезет и случайно не убьют, он может дома спокойно писать – о чем угодно и как угодно. Подобные материалы всегда востребованы любыми издательствами. За ними стоят большие и сильные государства. Можно, ничем не рискуя, выпускать беллетристику и публицистику. Над иностранцами не тяготеет страх за своих близких и родных. Их авторские права защищены.

Война грубо растаптывает все права человека. На войне человек с ружьем жестоко и безнаказанно убивает безоружных людей. Власть (если ее можно назвать властью!) делает все, чтобы идеологически зомбировать своих солдат, засылаемых на оккупированную территорию, чтобы

посеять в их душах лютую ненависть к порабощаемой нации, разбудить в них самые дикие, самые низменные инстинкты, превратить два мирных народа – живших в недавнем прошлом, как два брата – в непримиримых врагов. В этих целях, помимо идеологических ухищрений, в ход идут наркотики, алкоголь, совращение, ложь – «все свинцовые мерзости» мира… Так уничтожаются города, сжигаются дотла села – стирается с лица земли сама память о жившем на этой земле народе.

Когда война громыхает далеко и развязана идеологическим противником собственного государства против другого народа, российская общественность вдруг, как по заказу, обретает «волю, разум и желание» противостоять этому злу. Всюду раздаются голоса: «Твоя боль – наша боль, Вьетнам!» – и подобные этому лозунги. Сколько было таких лозунгов и «болей»: Перу, Лаос, Уругвай, Куба, Кампучия, Венесуэла, Ливан… Если где-то, на краю света, бросали в тюремные застенки человека – гремели по школам, фабрикам и заводам многолюдные митинги: «Унидо, венсеро, хавас сенравен сидо!», «Свободу Леонарду Пелтиери!»

Тщеславие, амбиции, алчность, заблуждения – у любой войны много причин. Однако корень один – невежественность народов. Когда народ пребывает во тьме и невежестве, политики безнаказанно творят зло, безнаказанно плетут кровавые интриги, красивыми россказнями заманивая наивную толпу в очередную зияющую пропасть. Чтобы мы ни говорили, как бы мы ни просили вести огромную махину «госмашины» по правильному пути, ублажая сладкими речами «рулевого», власть-«руль» в его руках, и поведет он «машину» как захочет и – куда захочет. Это и случилось с Чечней. Есть особое отличие между писателем и генералом. Писатель (поэт), ради Отечества, готов расстаться с собственной жизнью,

а генерал – лишить жизни других. Но грядет и Судный День. И будут призваны к ответу все. Перед Всевышним (хвала Ему!) все равны. Его не прельщают ни золото, ни деньги. Он не подкупен!

Я не коммунист. Однако, с детских лет, друзья называли меня коммунистом, видя мою честность, открытость и тягу к справедливости. В моей «взрослой» жизни мне часто приходилось наблюдать за коммунистами (особенно за теми, кто состоял во властных структурах). Они мало походили на образы коммунистов, широко разрекламированных литературой и кинематографом. В партию вступали, прежде всего, для достижения карьеры, ради бытовых сиюминутных благ, но – никоим образом – ради высокого служения Родине.

Невозможно было подняться по служебной лестнице, не имея в нагрудном кармане партбилета. Партбилет открывал доступ ко многим «хлебным» местам. Людей, действительно достойных звания коммуниста, было крайне мало. Они, как правило, из-за искусственной квоты оставались за «бортом». А если где-то, в рабочей среде, их и принимали в партию, то не подпускали к власти. Все продавалось и покупалось. В конце концов, массовое проникновение в высшие эшелоны власти нечистых на руку дельцов привело огромное государство к полному распаду.

С этим – канувшим в Лету – государством, в равной степени, связано и хорошее, и плохое. В свое время, по мере становления и укрепления мировой социалистической системы, распадалась колониальная система. Под воздействием рабочего движения капитализм нередко шел на уступки. Империализму всегда трудно смириться с потерей легкой прибыли. Поэтому все силы были брошены на ликвидацию «гнезда красной заразы». Зная, что военными действиями успехов не добиться, мировой ка-

питал использовал все рычаги идеологического воздействия: обмен студентами, вербовку, подкупы, интриги, «информационную войну», продвижение агентов в верхние эшелоны власти.

Единственной для великих держав помехой – на пути к мировому господству – был Советский Союз. Сегодня – после падения СССР – зоной жизненных интересов этих государств становится любая точка планеты. Они теперь вольны воевать и «делать бизнес» где угодно.

Сегодня моя Родина – вновь в пламени войны. Мир еще не знал большей военной авантюры.

На чем она зиждется? Кто руководит ею? Кто стоит за нею? Каковы ее истинные причины? Какова тщательно скрываемая цель?

Может, она началась из-за того, что чеченцы более мужественны и жизнестойки, нежели иные народы Северного Кавказа? Или так было решено в кулуарах власти? Или бывшие метрополии, лишившиеся в свое время – по вине России – колоний, теперь дружно разваливают ее? Или мировой капитализм развалил социалистический лагерь, боясь собственного краха?

За что борются: за деньги, власть, нефть, землю, сферу влияния или за все это сразу? Какая необходимость была у России сначала «отпускать», а потом завоевывать давно завоеванные земли? Была ли наша судьба предрешена, или мы сами «раскрутили» ситуацию?

Будь мне сегодня семнадцать-двадцать лет, вряд ли бы я задумывался над этими вопросами.

Россия, стянувшая к чеченской границе все виды войск (наземные, морские, воздушные), ничуть не стесняясь, заявляет, что чеченское руководство тщательно подготовилось к войне, что даже у Российской армии нет такого вооружения. Можно подумать, российские военные заводы расположены на чеченской территории.

Когда Америка воевала с Вьетнамом, Россия трубила об агрессии на каждом перекрестке, до тех пор, пока американские войска не покинули границ этой страны. Когда же советские войска вошли в Афганистан, об этом стала «трубить», в свою очередь, Америка. Мир пожинал плоды «холодной войны» между двумя великими державами. Как только одна из них развязывала в какой-нибудь стране «третьего мира» «маленькую победоносную войну», другая тотчас же начинала поставлять оружие и деньги обороняющейся стороне. Но во Вьетнаме – более 50 миллионов жителей, в Афганистане – более 15 миллионов. Территория, занимаемая Вьетнамом, составляет 333 000 км^2; площадь Афганистана – 647 000 км^2.

В Чечне проживает только 1 миллион человек. Площадь республики (включая территорию отделившейся Ингушетии) составляет что-то около 20 000 км^2.

Вот такая вот война: кучка людей, вооруженных лишь стрелковым оружием – на пятачке земли – против держащей весь мир в страхе ядерной державы.

Как бы потом История ни преподнесла сегодняшнюю бойню, для чеченца-добровольца, выходящего навстречу противнику с купленным на рынке автоматом, эта война – Отечественная…

…Только-только оканчивается очередная война, только-только начинают затягиваться нанесенные ею раны: забываются испытания, горести, постепенно налаживается быт – как чеченцев захлестывает новая волна несчастий.

Народ приметил, что (за последние 300 лет) через каждые 50 лет чеченцы подвергаются глобальным испытаниям, возникает очередной виток в истории национальных бедствий.

К писателю (как и ко всему чечено-ингушскому народу!) судьба обычно немилостива. Как только он начинает осознавать свое место в общей структуре мироздания, глубже вникать в суть происходящего, начинает стано-

виться большим ученым, настоящим мастером слова, государство, обвинив его во всех мыслимых и немыслимых прегрешениях, в срочном порядке «ликвидирует».

Лишь единицам удалось в свое время освободиться и спастись из подвалов НКВД: Абдурахман Авторханов, Абдулхалим Саламов, Дошлуко Мальсагов...

А сколько было тех, кто искренне верил, что Россия, освободившись от монархического режима, поможет освободиться от колониального гнета и их маленькой Родине: Таштемир Эльдарханов, братья Ахметхан и Исмаил Мутушевы, Заурбек Мальсагов, братья Шериповы, Тембот Беков, Абдул-Гамид Гойгов…

Пережили выселение с родной земли: Магомед Сальмурзаев, Ахмед Хамхоев, Салман Озиев, Хамзат Осмиев, Идрис Базоркин, Билал Саидов, Марьям Исаева, Селима Курумова, Хаджи-Бекир Муталиев, Джемалдин Яндиев, Абдул-Хамид Хамидов, Хас-Магомед Эдилов, Ахмет Боков, Сиражди Эльмурзаев, Магомед Сулаев, Магомед-Саид Плиев, Зияудин Абдулаев, Шима Окуев, Раиса Ахматова, Ибрагим Дахкильгов, Саид Чахкиев, Магомед Дикаев...

За свою жизнь дважды стали «бандитами»: Ахмад Сулейманов, Магомед Мусаев, Хамзат Саракаев, Зайнди Джамалханов, Абузар Айдамиров, Шайхи Арсанукаев, Ямлихан Хасбулатов, Хасан Туркаев, Абдулла Дадашев, Алвади Шайхиев, Умар Ахмадов, Абдула Садулаев, Саид Гацаев, Хусайн Сатуев, Шамсуддин Макалов, Умар Яричев, Шаид Рашидов, Адиз Кусаев, Эдуард Мамакаев, Казбек Гайтукаев, Гелани Индербаев, Мусбек Кибиев, Заурбек Хамерзаев, Исмаил Демеев, Азим Юсупов, Султан Яшуркаев, Хавас Акбиев... Сначала в 44-ом году, будучи еще детьми и подростками, а потом в 1994 году, уже – зрелыми мужами и в почтенном возрасте.

В сосланных «навечно» в далекие степи Средней Азии и Казахстана семьях родились: Шарани Джамбеков, Сайд-Хамзат Нунуев, Зелимхан Яндарбиев, Абу Исмаи-

лов, Леча Абдулаев, Леча Яхъяев, Муса Ахмадов, Муса Бексултанов, Ильман Юсупов, Абдул-Хамид Хатуев, Абу Уциев, Нурди Пашаев, Ваха Хамхоев, Гирихан Гагиев, Магомед Вышегуров, Сали Арчаков, Лема Ибрагимов, Ислам Эльсанов, Тауз Итс, Саид Мацаев, Юсуп Яралиев, Саидбек Дакаев, Леча Ясаев, Хожбауди Борхаджиев, Дени Сумбулатов, Руслан Юсупов, Халим Бурчаев…

Почти за 70 лет существования Советского Союза, народы входившие в его состав, вздохнули свободно лишь в хрущевско-брежневскую эпоху. В период хрущевской оттепели (1953-1964 гг.) были реорганизованы сталинские лагеря, реабилитированы и восстановлены в правах десятки и сотни тысяч жертв политических репрессий, также реабилитированы репрессированные по ложным обвинениям целые народы: чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки, крымские татары и др.

Период правления Л.И. Брежнева (1964-1982), вплоть до начала горбачевской перестройки, обозначают «застойным». Но, как выяснилось позже, это действительно была эпоха развитого социализма! Это был лучший период в истории СССР. Наконец-то, Россия стала матерью народов! Воистину, счастливое детство! Бесплатные садики, школы, ссузы, вузы, больницы. Люди не знают, что такое безработица. В каждом селе – колхозы, совхозы, а в городах – огромные заводы и фабрики... Пусть мы не были миллионерами (лишнее богатство и не нужно человеку!), зато все были равноправны! Во всем чувствовалась забота государства. Жили и радовались каждому дню! Была уверенность в завтрашнем дне! Медицина по всей стране победила страшные и заразные болезни. В стране – политическая и социальная стабильность и высокий уровень жизни. Половина Европы составляла социалистический лагерь. Даже далекие страны Азии, Африки и Латинской Америки чувствовали руку помощи, а недруги не смели поднять головы.

Именно в хрущевско-брежневскую эпоху родились на свет: Апти Бисултанов, Шарип Цуруев, Косум Оспанов, Хусейн Хатаев, Лула Жумалаева, Муса Шамсадов, Докка Амагов, Умар Саиев, Ваха-Хаджи Амаев, Адам Ахматукаев, Султан Такалашов, Сайд-Магомед Касумов, Роза Талхигова, Асламбек Гайтукаев, Бувайсар Шамсудинов...

Родина (школа, родители, книги) воспитала нас в духе свободолюбия и человеколюбия. Мы не испытали на себе (как старшие поколения!) несправедливость и жестокость власти. Нам прививали чувства патриотизма, доброты, уважения и милосердия к людям.

Но зачем вкладывать в наше воспитание столько труда, зачем прививать нам общечеловеческие ценности, обучать, лелеять, сеять в душах наших «разумное, доброе, вечное», если в конце концов – в одночасье – у нас все это жестоко отберут? Для чего учили нас любить, сострадать, чувствовать прекрасное? Внушали понятия чести, достоинства, говорили о высоких добродетелях, учили восхищаться шедеврами мирового искусства, учили вникать в тайные движения душ литературных героев?..

Почему нам все время твердили: «Человек человеку – друг, товарищ и брат»? Почему сразу же – с пеленок – не заставили затвердить непреложный закон «человеческих джунглей» – «Человек человеку – волк»?..

– Будущее принадлежит книге, а не мечу, – сказал Виктор Гюго.

И в этой войне будущее принадлежит моему народу. Ибо писатель, принадлежащий к нации, ведущей несправедливую войну (даже если эта нация выиграет ее), не имеет морального права создавать, на материале этой войны, эпические произведения и говорить о героизме своего народа.

Лев Толстой написал «Войну и мир» не потому, что Россия выиграла войну с наполеоновской Францией, а потому что Россия была обороняющейся стороной.

Сегодня, когда Чечня задыхается в смертельных тисках войны, когда города и села моей земли горят и рушатся под градом российских снарядов, ракет и бомб, я все более и более укрепляюсь в мысли, что правду несут не на острие штыка. Судьба человека или народа не должны зависеть от воли соседа. Чеченцы сами должны быть хозяевами своей судьбы!

В 1991 году, в авангарде сторонников суверенитета Чечни были чеченские писатели и чеченская интеллигенция. Однако, как только дело сдвинулось с «мертвой точки», интеллигенцию грубо оттеснили те, кто не был особо обеспокоен «чистотой» своих рук и правомерностью своих тщеславных амбиций. Их мало волновали такие «отвлеченные» понятия, как нравственность, порядочность, совестливость.

Они пришли властвовать и обогащаться (или же выполняли спецзадание). Судьба чеченского народа, его чаяния не интересовали их. Власть, таким образом, перешла в руки людей, «бесконечно далеких от народа», но умело управлявших им. Не умея даже сносно говорить на литературном чеченском языке, они стали отцами народа. Абсолютно лишенные стыда и совести, веры в постулаты ислама, они превратили религию в знамя борьбы за свободу. Любой, кто пытался высказать мнение, отличное от «генеральной линии», насаждаемой воинствующим мафиозным кланом, объявлялся «вне закона». Любой, кто пытался заикнуться о выплате заработанных им на госпредприятиях – в поте лица – денег, объявлялся врагом нации.

В республике воцарились хаос, преступность и беспредел, с попустительства явно заинтересованной в этом центральной власти. Отцы народа оказались – на деле – отцами Зла… Государство строится другими путями.

Вряд ли найдется в чеченском обществе тысяча (найдется ли и сотня?) людей, читавших книги Рамона дель

Валье-Инклана, Мариано Асуэла, Мигеля Анхела Астуриаса, Габриэля Гарсиа Маркеса, Франсиско Аялы, Жоржи Амаду, Пабло Неруды, Грэма Грина, Мигеля Отеро Сильвы, Ромуло Гальегоса и других писателей этого ряда. Мы не изучали новейшую историю стран Латинской Америки, Африки, Азии… Однако не стоит корпеть над ее изучением, чтобы постигнуть суть диктатуры и эксплуатации. Народ только начал разбираться, что к чему в этом хитро «раскрученном» хаосе, как «навалилась» – накликанная нами – еще большая беда, заставившая напрочь забыть прежние горести.

К началу войны я сидел дома, разуверившись во всем. До этого я работал в различных учреждениях, надеясь, что вот-вот все наладится и наступит какой-то порядок. Но время шло, а беспредел только принимал все более разнузданный характер, обретая черты официальной государственной политики. Спустя какое-то время, я обнаружил, что в своих бесплодных надеждах и мечтаниях я забросил основное дело: мною не издана ни одна книга, ни одна рукопись не завершена, и я попросту теряю драгоценные дни и месяцы… После долгих и горестных размышлений, я пришел к грустному выводу: бразды государственного правления находятся не в руках местных правителей, а в руках их хозяев. Здесь, как в театре марионеток: кто тянет нити – в тени, их не видно, имена «кукловодов» неизвестны широкой публике.

Однако начавшаяся война стерла, свела на нет явные пороки правящей верхушки Чечни. Патриотизм не должен быть связан с формой правления, с государственным режимом. Любовь к Родине, к земле отцов – вне времени и политики. Думалось: «Теперь-то выявится – кто есть кто. Наконец-то власть очистится от всего наносного и позорного».

Но «отцы» у Чечни были, как потом обнаружилось, только на период мирной жизни. Люди, считавшие до

сих пор Чечню своей вотчиной, разъехались – кто куда. Войска, грозно маршировавшие на парадах, орудия, «государственная тайна» – все лопнуло, подобно мыльному пузырю.

Война бременем легла на плечи тех самых простых людей, которым не давала житья та же – довоенная – власть… А на войне опять – ложь, опять – лжеавторитеты, опять – нечистоплотные политические игры.

...Война, волной захлестнувшая села, идет по второму, затем по третьему кругу. Как только люди доходят до крайней степени истощения, до грани отчаяния – война затихает. Стоит людям чуть воспрянуть духом, война накатывает новой волной.

Многие местные военные подразделения, «нарабатывая» в глазах народа имидж лихих вояк, бряцают оружием там, где нет сражений и в помине.

«Федералы», тем временем, методично истребляют мирное население, фигурирующее в их военных сводках как «уничтоженные боевики».

Так называемые чеченские «полевые» командиры беспрепятственно проезжают – при полной амуниции – российские блокпосты. Живут в своих родных селах, оккупированных федеральными войсками, периодически наведываясь в соседние села, пламенными речами призывая их к вооруженному сопротивлению...

Странная эта война!

Однако любая война когда-то кончается. Мудрые политики садятся за «стол переговоров» и распивают шампанское.

«В чем суть этой войны, если те, кто стремится к государственности, кто обладает должным мужеством и умом, уйдут в мир иной, а те, кто останется, не мыслят себя без России? – думаю я. – Неужели опять – после стольких смертей, стольких кровавых жертв – власть

опять окажется в руках алчных временщиков, абсолютно не обеспокоенных участью простых людей? Неужели опять – безработица, безденежье, беспросветность? Неужели опять встанут «у руля» те, кто подло кинул Чечню в пасть кровавому Молоху?»

Помню, за 2-3 года до начала войны, в научно-исследовательском институте гуманитарных наук (директор – Вахит Акаев) состоялся «круглый стол» с участием академика Хаджи-Мурата Ибрагимбейли. Разговор шел о проблемах зарождающейся государственности, о противостоянии кавказских народов российской экспансии.

Убедившись, что подавляющее большинство – из числа присутствующих – скептически настроено по отношению к Джохару Дудаеву и к насаждаемой им политике, академик заметил:

– Чтобы принять участие в национально-освободительной борьбе, Байрон отправился в Грецию. Почему же вы не желаете участвовать в освободительном движении на стороне Дудаева?

…Стороннему наблюдателю все видится в розовом свете. Поэтому понятен и простителен энтузиазм Джона Рида, понятно его восторженное отношение к русской революции 1917 г. Это же можно сказать о Теодоре Драйзере, Герберте Уэллсе, Ромене Роллане и многих других.

Как было убедить Ибрагимбейли, что те, к кому он обращал свой резонный вопрос, как раз и желали – более всего – свободы для своей Родины, желали цивилизованной государственности, долгие годы работали над этим? Они оставались со своим народом в то время, когда «отцы» его пропадали неизвестно где… Но с Дудаевым им было не по пути, ибо целью последнего было как раз не создание государства, а его развал…

Вопрос повис в воздухе.

– Байрон был романтиком, а мы реалисты, – прервал я, наконец, затянувшуюся паузу.

Раздался дружный смех, и разговор вернулся в русло науки.

Миром правят определенные люди, мафиозные кланы, корпорации и государства.

Что может противопоставить в этой борьбе писатель, поэт? Достанет ли у него сил остановить войну, предотвратить ее, уничтожить зло?

Наверное, ни в одной стране, ни на одной войне не было такого количества писателей-интернационалистов, как в Испании. Однако и они потерпели поражение.

Уильям Фолкнер относится к типу писателей, всегда пребывавших в некоторой отстраненности от политических катаклизмов, потрясавших планету. Когда ему задали те же вопросы, он ответил:

– Писатель ничего не может.

Но тогда почему, несмотря ни на что, писатель все время пытается быть в гуще событий? Почему он противостоит злу, насилию, войне? Почему сражается за свободу своего народа? Почему не сидит спокойно в четырех стенах, занимаясь своими – не опасными и приносящими выгоду делами? Почему он оказывается в первых рядах участников сопротивления? Чего он ищет? О чем его мечты? Сбудутся ли они когда-нибудь?

В этот мир приходили (с благословения Всевышнего) – в разные времена – разные пророки: Пхудда, Моисей, Иисус, Мухаммад (Да будет ими доволен Всевышний!). Все они пытались направить людей в лоно единобожия.

Все они пытались наставить на путь истинной добродетели этот безумный грешный мир.

Как может образумить его поэт?

Если люди не научились прислушиваться к Слову Всевышнего, Повелителя миров, станут ли они слушать назидания писателя?

Однако смириться – значит, умереть.

Писатель – это не только душа народа.

Он проводник народа, тот маяк, та путеводная звезда, что освещает дорогу заблудшим в самые жестокие, в самые смутные времена.

Период потакания колониально-имперским амбициям и аппетитам родной державы, период верноподданнических од и лжи, во славу правящей верхушки, остается временем позора в биографии писателя, периодом его личностной деградации, темным пятном на его совести (Публий Вергилий Марон, Редьярд Киплинг, Александр Пушкин, Кнут Гамсун, Джон Стейнбек).

Во все времена писатель был буревестником свободы. Все, что оставляет он после себя в душах людей – это то, что сказано и написано им, в годы народных испытаний, о свободе.

Анри Барбюс сказал: «Писатель – человек общественный и, если он ошибается, то направляет людей по неверному пути».

Если писатель – даже временно – отходит от верного пути, он потом признает свою ошибку. И никакие угрозы не в силах сбить его с правильной позиции.

В период освободительных движений стран Азии и Африки, государств Арабского Востока, такие литературные корифеи, как: Поль Бурже, Поль Валери, Андре Моруа, Франсуа Мориак, Альбер Камю – встали на сторону французских солдат. Они поставили свою жизненную позицию в зависимость от сиюминутных интересов своей нации. Французы – при захвате Индокитая, Алжира, Марокко, Мадагаскара – полагали (впрочем, как и русские – при покорении Сибири, Азии и Кавказа), что они несут с собой цивилизацию в другие регионы планеты.

Когда с такой же «миссией» Германия захватила Францию и коричневая чума фашизма стала бедствием французской нации, Альбер Камю заметил: «Нельзя быть на стороне концлагерей». Так же, как и другие, понял это и

Франсуа Мориак. Несмотря на хлынувший поток писем с угрозами, с обвинениями в антипатриотизме, в продажности коммунистам, он продолжал утверждать: арабам нужно дать независимость.

Когда начинаешь размышлять о сегодняшней войне, трудно определить правильную позицию, найти правильный путь. Иное лучше видится на расстоянии, когда просто наблюдаешь со стороны. Или, когда все уже закончилось.

Но когда ты в самом пекле? Как оставаться на истинном пути, и каков он – правильный путь, когда на той и другой стороне «борются» завербованные, а следующие за ними – слепцы? Когда – хоть умри – ты не в силах что-либо изменить, не в силах повлиять на заранее предрешенный ход событий…

Сильной нации, поработившей маленький, более слабый в военном отношении народ, растоптавшей его суверенитет, захватившей его землю, кажется, что эта земля веками будет принадлежать ей и ее внукам. Неправда. Она будет гореть под ногами даже у ее потомков. Именно это должен объяснять и втолковывать своему народу писатель: пусть это и неблагодарный труд…

Нынешняя мировая политика – политика неприятия коммунистических идей, боязни коммунизма.

Отцы и сценаристы нынешних военных конфликтов давно уразумели для себя: проще вести маленькие войны, разделяя людей и государства, чем развязывать третью мировую войну. Это выгоднее и не так рискованно.

Государства, не вовлеченные в войну, обычно не могут договориться между собой, чтобы противостоять развязыванию войны или жестко выступить против нее. Довольствуясь тем, что им она не грозит, государственные деятели этих стран ограничиваются миротворческой болтовней в различных интервью, с безопасного расстояния

наблюдая, что из этого выйдет. А агрессоры, тем временем, завершив там свои дела, начинают тянуться – щупальцами спрута – к другому региону.

Чеченцы считают, что они являются творцами сегодняшней истории. Я думаю (если я правильно понимаю смысл происходящего), что история новейших времен – это борьба империализма и коммунизма.

Как в свое время Россия развалила колониальную систему, так сегодня дружно разваливают ее. Разваливают изнутри, так как война извне – опасна. Разваливают также и мировую социалистическую систему.

«Там, где капитализм, войны неизбежны», – писал Ленин.

Это как раз то самое, чему мы являемся свидетелями. Капитализм уже победил. То, о чем люди мечтали тысячелетиями, то, что – в течение семидесяти лет – строили десятки народов, с легкостью разрушено в поразительно короткие сроки.

Сегодня идет передел уже поделенного – после Второй Мировой войны – мира.

То, чему я был очевидцем, помогло мне понять сущность этой войны, ее глубинные течения. Огромную роль в переосмыслении исторических войн и современных событий также сыграли «Война и мир» Льва Толстого, «Иудейская война» Лиона Фейхтвангера и серия статей Абузара Айдамирова «Наши нравы».

В то время меня, больного, перевезли из города домой. И, между уколами и приемом лекарств и пищи, я много читал. Воистину, даже книга, описывающая самую ужасную войну, на самом деле (если мы способны это понять!) – антивоенная по сущности.

Конечно, молодому Льву Толстому тоже не были чужды честолюбивые мечтанья, ему тоже хотелось блеснуть храбростью на поле сражения, получить – за геройство –

награду или заслужить повышение по службе. Ведь он на правах добровольца поступил на службу.

Но к чему, к каким выводам пришел он?

Он, Михаил Лермонтов, другие писатели…

Чего не хватает человеку? За что он воюет?

Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

Как могут зародиться в человеческом сердце ненависть, стяжательство, кровожадность – среди божественного покоя этого – сотворенного Богом – прекраснейшего из миров?

Россия! Мало ли – и без того – земель у тебя, что ты так цепляешься за многострадальную чеченскую землю? Целина, раскинувшаяся на многие тысячи гектаров, непаханая, не сеяная, бесхозная... Поразительно, что за всю историю чеченский народ ничего не имел от нефтяных ресурсов, щедро отпущенных ему Всевышним. Напротив, благословение Неба обернулось непрерывной цепью национальных бедствий и катастроф.

Кому выгодна сегодняшняя война?

Русскому народу?

Нет.

Чеченскому народу?

Нет.

Лиса сказала: «Пока медведь дерется с волком, масло я съем».

Ныне все нити коварных политических интриг – в руках сионистского клана. Библейские беды и несчастия, выпавшие на долю древних, распространены сегодня сионистами по всему миру. Живут, кормясь этим, на чужом горе построив собственное благополучие.

Многие писатели, ученые и политики высказывались о войне, о сути военных конфликтов. Однако наиболее точно характеризующими сущность этой войны являются слова Поля Валери: «Война – это некая акция, когда люди, которые друг друга не знают, убивают друг друга во имя славы и выгоды людей, которые друг друга знают, но друг друга не убивают».

Это основа любой войны.

Большего долга, чем писать об этом, я не мыслю для себя. Люди и народы не могут быть принесены в жертву чьим-то политическим амбициям и военным авантюрам.

Во все времена, отличительными чертами характера русского народа (пронесенными им сквозь страшные годы лихолетья и национальных потрясений) были сострадание и сочувствие к бедам ближнего.

Но на этой войне их не видно. Правда, на самой войне этого и не увидишь, но и в подавляющем большинстве русских я этого не нахожу.

Я сегодня не имею возможности смотреть телевизор, читать газеты. Мы оторваны ото всего.

Но по тому, как долго тянется эта война, чувствуется отсутствие у большинства вышеназванных качеств, хотя умом это трудно постичь.

Львиная доля в деле просвещения нации, ее пробуждения, ее «взращивания» принадлежит писателю. Нашего голоса – голоса чеченских писателей – сегодня никто не слышит (да и не может слышать). Но я не слышу и голоса русских писателей, принадлежащих к одной из самых богатых гуманистическими традициями литератур мира.

Александр Солженицын, Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Владимир Солоухин, Альберт Лиханов, Василий Белов, Григорий Бакланов, Валентин Распутин, Анатолий Ананьев, Анатолий Приставкин, Сергей Антонов, Владимир Чивилихин, Сергей Алексеев, Сергей Залыгин, Виктор Лихоносов…

Мы выросли на Ваших книгах. В России живут миллионы людей, ценящих Ваше слово и верящих Вашему слову. Вы знаете о войне не понаслышке, знаете, какие беды и страдания несет она людям, знаете, кому она выгодна.

Почему Вы молчите? Почему не вразумите народ свой?

Если народ против войны, если народ считает войну неправедной, ни одна власть не посмеет вести ее.

Или вы действительно считаете русскую нацию носительницей цивилизации? Или действительно верите, что российские войска наводят здесь конституционный порядок? Или боитесь лишиться правительственных наград, теплых мест, престижных литературных премий? Или вы ждете, пока ряды писателей возглавят такие, как Н. Горбачев, С. Муриков и им подобные, набившие руку в деле обливания чеченского народа идеологическими помоями?

В годы Первой мировой войны, когда писатели – все как один – встали под знамена национализма (кто с оружием в руках, кто в рядах добровольцев-«агитаторов»), Ромен Роллан не побоялся возвысить свой голос против этой широкомасштабной военной авантюры.

Помните: «Декабристы разбудили Герцена, Герцен развернул революционную агитацию»?

Проснитесь! Я обращаюсь к вам!

«С кем вы, мастера культуры?»

Эти слова любимого мной Максима Горького так актуальны сегодня...

Истинные задачи этой войны «высветились» в первые же ее дни, когда – в первую очередь – были разрушены грозненские вузы, библиотеки, школы, заводы. Артиллерией, авиацией, ракетами…

Сегодня в Чечне растоптана не только чеченская культура. Российские войска уничтожили в Чечне – прежде всего – культуру российскую и веру людей в нее.

1995

ИНТЕРНЕТ-РАССКАЗЫ

Нурдин Музаев

В 60-х годах XX века в Государственном институте театрального искусства (ГИТИС) в Москве было открыто чеченское отделение с целью подготовки артистов для Чечено-Ингушского драматического театра им. Х. Нурадилова.

Куратором и преподавателем чеченского языка и чеченской литературы был приглашен писатель Нурдин Музаев. В те годы, кроме двух-трех русских, в ГИТИСе работали одни евреи.

Случилось так, что по молодости, оказавшись в столице, наши парни вляпались в какую-то историю. Ну и, естественно, драка, со всеми вытекающими обстоятельствами.

Для ГИТИСа – событие из ряда вон выходящее.

Срочно собрали ректорат, позвали Нурдина Музаева.

– Мы выгоним вашу группу и закроем чеченское отделение, – пригрозили ему.

Нурдин спокойно ответил:

– Чеченцы вам не арабы, чтобы их выгонять, и чеченское отделение не Суэцкий канал, чтобы его закрывать.

Сегодня все выпускники ГИТИСа являются известными актерами театра и кино, заслуженными артистами Чечено-Ингушетии и Российской Федерации.

Ямлихан Хасбулатов

Республика переживала тяжелые дни военного лихолетья. Грозный весь лежал в руинах. Много людей из числа интеллигенции и простых жителей разъехалось по всему свету, спасая свои жизни и семьи, в поисках лучшей доли для своих детей.

В Правительстве ЧР тогда было немало бывших партократов и бюрократов, которые заботились не о лучшей участи народа, а думали лишь о том, как бы награбить миллионы и свалить из воюющей республики.

И в это трудное время Ямлихан Хасбулатов – старейший чеченский поэт и ветеран журналистики, возглавил Союз писателей Чеченской Республики. Он всегда был остер на язык. И в советские времена, его передачи на республиканском телевидении отличались критикой в адрес государственных служащих.

В Правительстве он столкнулся с А.Б., бывшим преподавателем университета, которому при Доку Завгаеве удалось сделать политическую карьеру и почувствовать вкус власти. Но управлять пришлось недолго. Народная волна смыла их. Он и ему подобные уехали из республики и вошли в Грозный на танках федералов. И вдруг, когда казалось бы война выиграна, федеральные войска сдали свои позиции, было подписано соглашение о мире, и вновь власть выпала из рук, и высокопоставленные чиновники были вынуждены бежать из республики вслед за русскими танками, на которых и держалась их власть.

С начала второй русско-чеченской войны, он и подобные ему люди, желали сделать реванш.

И вот с портфелем в руках Ямлихан Хасбулатов в коридорах власти встретился с А.Б. Задумав подшутить над старым поэтом, А.Б. сказал:

– Ты что, ходишь здесь, как партократ?

– Не знаю на счет партократа, но я не партокрах и не партокрад, – отпарировал Ямлихан.

Благодеяние

Один бедный человек так отчаялся, что решил написать Богу письмо с просьбой о помощи.

«О, Аллах, – написал он, – я бедный человек. Мне не-

чем кормить семью. Яви милость, пошли мне 1000 рублей, ведь ты Слышащий, Знающий».

Бедняк полез на крышу дома и сбросил письмо, сказав: «Предаю тебя в руки Аллаха».

Легкий ветерок подхватил письмецо и понес его по воздуху.

В это время глава администрации этого села ехал на работу.

Только он вышел из машины, как кружась и трепеща, листочек упал к его ногам. Глава нагнулся, развернул листочек и прочитал письмо бедняка.

«Видимо, ему действительно плохо приходится, если он решил написать такое письмо», – подумал глава администрации.

Он подозвал своего заместителя и сказал:

«Сходи к такому-то и отдай ему от меня эти 500 рублей».

Заместитель главы администрации нашел этого человека и отдал ему деньги. Получив деньги, бедняк написал второе письмо и опять сбросил его с крыши.

Письмо было следующего содержания:

«О, Аллах, в другой раз, когда Ты соблаговолишь оказать милость своему рабу, то не делай этого через главу администрации».

Два товарища

Шли два товарища. Путь был неблизкий. Каждый ел свое. Один – курятину, второй – дешевую рыбу.

Спрашивает первый у товарища:

– Ты почему всегда рыбу покупаешь?

– Так она для мозгов полезна, – отвечает второй. – Ума прибавляет.

– Дай попробовать, – попросил первый, – возьми курятину.

Обменялись едой, начали есть. Курятина вкусная, пальчики оближешь. А рыба дешевая, вся в мелких косточках.

– Сколько в ней косточек! – пожаловался первый.

– Видишь, – говорит второй, – прямо на глазах умнеешь!

Закат империи

Египет, Персия, Греция, Рим, Арабский халифат, Монголия, Испания, Франция, Англия, Османская империя, Германия, Советский Союз...

Расцвет и упадок любой империи сравним с морской волной. Она накатывает с яростной силой, опрокидывая людей и корабли, народы и цивилизации, пока не дойдет до определенного рубежа, где сила и мощь ее постепенно слабеют...

Волна откатывается назад. На берегу остаются выброшенные ею ракушки, рыбки, иногда даже киты... Это жертвы войны.

Но что такое империя, когда она сужается, подобно шагреневой коже?

Ни одна из вышеназванных стран-империй не играет в современном мире ведущей роли на политической арене.

И от самого великого императора остается, в лучшем случае, лишь страничка в учебнике истории.

Из небытия приходят и в небытие уходят.

Курьез

Я редко выключаю телевизор. Смотрю я его или нет, он горит постоянно. А ночью я переключаю его на «Радио FM» или «Дорожное радио», засыпаю под музыку. Иначе стрелки часов так громко тикают в ночной тиши, что невозможно заснуть.

В разное время суток люблю смотреть разные каналы. Благо, на «Триколор ТВ» выбор большой. Хотя бывает и так, что около ста каналов, а смотреть нечего.

Единственный день недели, когда я могу позволить себе расслабиться, это когда я заканчиваю очередной номер газеты. В эту ночь я сплю спокойно.

Иногда бывает, проснешься после полуночи, перевернешься с боку на бок, сон пропал, устаешь лежать, а вставать еще рано и переключаешь телевизор на ТВ.

Как филологу мне всегда интересны познавательные передачи. По всем гуманитарным наукам.

Одна из таких передач на канале «Культура» – лекции для студентов вузов г. Москвы. Лекторы, обычно, – академики РАН.

Один из них – Вячеслав Иванов, человек, опубликовавший переводы с восемнадцати языков, читает лекции не только по-русски и по-английски, но и по-немецки, по-французски, по-испански, по-итальянски…

Про него говорят, что с каждым он может беседовать на его языке. Сам он о себе однажды сказал: «Я не полиглот, но читаю на ста языках».

Известно, что родственные языки составляют группы, которые, в свою очередь, входят в более крупные группы, а те – в еще более крупные. И так он рисует пирамиду, в виде треугольника, вершиной которого является праязык.

– На каком же языке разговаривали первые люди на земле? – задает он аудитории вопрос.

И сам же отвечает:

– Неопровержимо доказано, что первые люди на земле разговаривали на языке, похожем на сегодняшний ингушский, чеченский, дагестанские языки.

И называет фамилии ученых, которые многие годы работали в данном направлении.

Наиболее известные из них – князь Н. С. Трубецкой, после Октябрьской революции эмигрировавший во Францию, и недавно скончавшийся профессор С. А. Старостин.

На родственном языке, рассказывает он дальше, говорят баски в Испании, некоторые народности в Китае,

Сибири, Америке. Они оставили свой след в Венгрии и других странах...

Через несколько дней смотрю фильм «Бог игроков», с участием известного азиатского актера Чоу Юнь-Фата в роли игрока Ко Чуна.

В конце фильма идет перестрелка между врагами и друзьями Ко Чуна.

Суматоха, беготня, драки, стрельба.

Женщина упала на кровать и визжит, а один из героев фильма наклонился к ней и что-то говорит.

Она:

– Давала, давала, давала.

Перевод:

– Уйди, уйди, уйди.

Он собирается уходить, она:

– Хавола, хавола, хавола.

Перевод:

– Иди сюда.

Весь курьез в том, что это буквально звучит на современном чеченском языке.

ДІавала – уйди, отойди.

Схьавола – подойди, иди сюда.

Шакалы и лев

Убит национальный Герой Ливийского народа Муаммар Каддафи!

Омерзительно смотреть, как обезумевшие варвары измываются над телом раненого полковника, Лидера Нации! Как гиены терзают старого и больного льва, так и эти нелюди клевали и кромсали еще живого человека, безжалостно, бесчеловечно, как голодные стервятники.

Вечный позор на их головы!

Позор Лиге Арабских государств, позволившей цепным псам НАТО развязать эту кровавую бойню!

Позор хваленой западной демократии, добивавшейся ликвидации Муаммара!

Теперь они спокойно могут разделить нефтяные месторождения Ливии и решить свои экономические проблемы за счет ливийского народа. Как наивны полагающие, что теперь они будут жить лучше!

В одном из своих последних писем-обращений к народам мира Муаммар Каддафи сказал: «Если бы старая Россия была жива, они бы не посмели вторгнуться в Ливию».

И это горькая правда.

России Америка дала право повоевать у себя в стране (Чечня, Грузия), пока она с Европой перекраивает карту мира и прихватывает национальные богатства других стран.

Этот человек сделал для своего народа столько, сколько не сделал ни один президент в мире, за всю его историю. И мученически погиб, защищая идеи равенства и братства.

Да примет Аллах его газават!

Позор ООН, заявившей о необходимости расследования факта убийства Каддафи, как нарушение прав человека.

Права человека были нарушены с момента создания этой масонской организации, с мандатом которой они наступили на мир во всем мире.

Советский Союз, Югославия, Афганистан, Ирак, Ливия...

Америка после распада СССР чувствует себя полновластным хозяином в мире. Воюет, где хочет и как хочет.

Единственное условие, что следующей страной не окажется Иран, – это во что бы то ни стало создать ядерную бомбу. Только это спасет ее от надвигающейся угрозы.

Прошло время, когда историю писали победители.

Мы живем в XXI веке.

И историю будут писать уже не по заказу.

И вероломное убийство Муаммара Каддафи – не победа, а иллюзия, которая скоро рассеется, как дым.

Барак Обама, Николя Саркози, Сильвио Берлускони, Дэвид Кэмерон и иже с ними канут в лету. А если их и запомнят, то лишь как палачей Иисуса Христа. А гордое имя Муаммара Каддафи золотыми буквами впишут в историю. И Аллах примет его душу, как вознес Он на небеса любимейшего из своих посланников.

Ночные гости

Во вторую чеченскую в одном из предгорных сел убивали каждого вновь назначенного главу администрации.

И вот ночью постучались к очередному главе.

– Кто там?! – спросил он.

– Открой ворота! – был ответ.

– И ворота не открою, и завтра на работу не пойду! – сказал он.

Гости ушли...

О зависти и зависимости

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

«Прибегаю к защите Господа рассвета от зла того, что Он сотворил, от зла мрака, когда он наступает, от зла колдуний, поплевывающих на узлы, от зла завистника, когда он завидует». (Коран. Сура 113. Рассвет.)

Чеченская поговорка гласит: «Не бойся того, кому ты сделал зло, а бойся того, кому сделал добро».

С каждым днем убеждаюсь в правоте народной мудрости. Люди, которым ты когда-то помог, приблизил, дал работу, надежду на завтрашний день, постепенно начинают тебе завидовать...

В то время, как ты терпеливо учишь их, оттачиваешь профессиональное мастерство, все силы отдаешь лю-

бимой работе, они заняты поисками новых знакомств и связей. Работа дает им возможность бывать в разных учреждениях и организациях, вновь почувствовать себя людьми. А ты в это время спокоен, полагая их своими представителями. Порой они встречаются и с твоим руководством.

Пользуясь этими моментами, завистники потихоньку начинают обгрызать и подтачивать опоры того здания, которое ты построил. В начале это незаметно и делается втихомолку, постепенно разведывая почву и выискивая твоих недоброжелателей. А они всегда есть, у всех, даже среди тех, о ком ты никогда бы не подумал плохо. Порой и твои достоинства преподносятся как недостатки.

Я никогда не придавал большого значения снам, но вчера мне приснилось...

Я еду в автобусе. Дорога хорошая, асфальтированная. Но вот дорога свернула, а там река, быстрая, горная река. Едем на большой скорости по самому краю. И вдруг я замечаю, что берег снизу размыло течением. «Осторожно, – говорю я водителю, – провалимся». Но, слава Богу, мы доехали, и я оказался с двумя моими самыми близкими друзьями (которых не было со мной в автобусе) в каком-то санаторно-курортном местечке.

И я проснулся.

Вчера у меня состоялся нелицеприятный разговор с руководством района. Сказали:

– Это последнее предупреждение.

И возложили дополнительные обязательства.

– Если не согласен, пиши заявление. Мы быстро найдем замену и решим проблему.

Когда-то я сразу написал бы заявление и ушел с работы. Но вопрос трудоустройства в республике – проблема номер один, а у меня пятеро детей, младшему из которых только три месяца. Им этого не объяснить. Их надо кормить, поить, одевать, обувать. Беспокоиться об их

здоровье. Постараться, чтобы хорошо закончили школу и пошли учиться дальше. Воспитать достойных граждан, полезных обществу и стране.

Все было бы не так обидно, если бы тем, кто копает под тебя, ты сделал какое-то зло. Или ты не справлялся с работой.

Ты не любишь просить, и как-бы ни было трудно, стараешься решить проблемы своими силами. Редко бываешь у начальства. А им это втолковывается как твое высокомерие. И на результаты твоего труда смотрят как на само-собой разумеющееся.

Вот уже 7 лет, как я являюсь основателем и главным редактором Курчалоевской районной газеты «Машар». А в журналистике – более 20 лет.

Есть определенные плюсы и минусы в этой работе. Я арендую половину своего дома под редакцию. Мне не нужно в зной и стужу ездить куда-то. Но я работаю и за сторожа, и за корректора, и за корреспондента... Штаты пришлось сократить, чтобы сэкономить бюджет и повысить зарплаты сотрудников. Правительство ни разу не повысило финансирование районных и республиканских газет и журналов. А цены, вследствие инфляции, скачут каждый год, в том числе и на типографские расходы.

Ни министерство печати, ни районная администрация за все эти годы не помогли ни мебелью, ни компьютерной техникой или чем-либо еще, хотя газета отражает деятельность всех ветвей власти.

Я уж не говорю о помощи в издании книги, несмотря на то, что долгие годы я оставался единственным в районе членом Союза писателей России. Или о ходатайстве присвоения почетного звания «Заслуженный журналист ЧР» или «Заслуженный деятель культуры». Казалось бы, такая мелочь на фоне того внимания, оказываемого артистам, муллам и футболистам.

У меня нет выходных и праздников.

Простые люди в любое время запросто приходят ко мне за помощью в гости или на работу. Редакция славится своим гостеприимством.

Пришел к нам как-то пожилой мужчина из Ялхой-Мохка, сразу чувствуется больной человек. Рассказывает, что приехал в райцентр по делу, но его нигде не приняли, везде стоит охрана. Здесь его выслушали, налили чай, дали совет. И он говорит перед уходом:

– Знаешь, Сайд-Хасан, редакция – единственное учреждение в районе, работающее с открытыми дверями.

И это закономерность.

Иногда по нескольку дней я не выхожу, даже во двор. Сижу за компьютером, работаю.

Устаю страшно. Иногда мучает ревматизм (последствие войны), иногда пошаливает сердце. Считаю себя отдохнувшим, если удастся выкроить часок-другой для собственного творчества. Являюсь автором нескольких сборников рассказов и эссе. Вскоре должен выйти 1-ый том собрания моих сочинений.

Не раз занимал 1-ые места на республиканских конкурсах.

«За верное служение Отечественной литературе и за подвижническую деятельность» награжден медалью А.П. Чехова и орденом М.А. Мамакаева.

Я не богат. У меня нет ни машины, ни квартиры, ни денег про запас (все время от зарплаты до зарплаты), ни участка земли, (кроме того, что достался мне в наследство от отца).

Пророк Мухаммад (да благословит его Аллах и приветствует) сказал: «Богат не тот, у кого много богатства, а тот, кто душой богат».

И этим Бог меня не обделил.

Похвала людей не принесет нам пользы, а порицание людей не причинит вреда. Все в руках Аллаха. Все происходит только по Его воле. На Него уповаю.

Две войны научили меня относиться ко всему философски. И это лишь очередное испытание.

Будем же терпеливы.

«Нет божества, кроме Аллаха Единого, у которого нет сотоварища. Ему принадлежит власть, Ему хвала, и Он над всякой вещью мощен». Аминь.

Волк

Все его знали как весельчака и балагура, с которым не соскучишься. Мастер сочинять и рассказывать байки. Играет на дечиг-пондаре.

– Был я недавно в Астраханской области. У земляков. На точке. У них несколько десяток крупнорогатого скота, лошадей и две-три тысячи овец. Живут, не бедствуют. Но вот лихо, повадился к ним волк. Не волк, а живодер какой-то. Никакого спасу от него. Смерть, да и только, жалуются хозяева. И вот, после сытного кавказского ужина, сижу я в гостиной, в руках у меня неизменный дечиг-пондар, а взрослые и дети удобно расселись вокруг. И вдруг вижу матерого волка. То ли его привлекла моя мелодия, то ли новый запах незнакомца. Все, как увидели его, попятились назад. А я гордо сижу, нога закинута на ногу. А он стоит на задних лапах, передние поставил на окно. И смотрит на меня. Я указательным пальцем правой руки медленно указал на волка, потом также медленно указал на себя. Волк еще постоял, как бы испытывая меня, и скрылся во мгле.

После этого случая никто больше не видел волка. И не было случаев гибели домашнего скота.

Все облегченно вздохнули.

– Но что же ты сказал волку, когда пальцем указал сначала на него, потом на себя?

– Я сказал: «Я такой же волк, как и ты». И он понял. Двум волкам в одном логове не ужиться.

Верблюд

Бог послал на землю ангела в образе человеческом.

Подошел ангел к богачу и спросил:

– Пройдет ли верблюд сквозь игольное ушко?

– Ты что, с ума сошел? Как может верблюд, величиной с гору, пройти через верблюжье ушко? – ответил богач.

Пошел ангел дальше и увидел бедняка. Ангел спросил его:

– Пройдет ли верблюд сквозь игольное ушко?

– Пройдет, – ответил бедняк, – если на то будет Божья воля.

Каша

Все говорят: надо худеть, надо худеть. Сам знаю, надо.

С чего начать?

Решил – с каши.

Съел кашу, отвез мальца в школу, приехал домой, чувствую голод, словно внутри желудка кошки скребут. А ведь не прошло и полчаса.

Посему случаю решил рассказать вам одну историю.

Собрался муж утром в лес по дрова. Жена накормила мужа кашей. Поел муженек каши, вышел во двор, запряг лошадку, положил в телегу топор и зашел обратно в дом.

– Что случилось? – удивилась жена.

– Каша кончилась, – сказал муж.

На заправке

Несколько дней назад получил зарплату за февраль. Рассчитался с мелкими долгами, купил мясо, картошку, яблоки и кое-что для детей. Осталось 3000 рублей.

Вечером поехал на заправку. Наполнил бак, пошел рассчитаться. Протянул в маленькое окошко несколько бу-

мажек. Осталось 500 руб, а должно было быть 1000, две бумажки по 500. Не стал думать и пересчитывать, сел в машину. Я отъехал от бензоколонки, но немного задержался у выезда на трассу Курчалой – Гудермес.

Уже смеркалось и выскочить сразу на дорогу небезопасно. Слышу кто-то кричит мне вдогонку. Смотрю в зеркало заднего вида, а это заправщик бежит в мою сторону, кричит и машет руками. Я опускаю переднее стекло.

– У тебя сколько денег было? – спрашивает он.

– Было 3000, – говорю, – а осталось 500 рублей.

– Вот, – говорит он, – твои 500 рублей. Деньги новые, бумажки прилипли друг к другу.

Я взял потерявшуюся было купюру, поблагодарил заправщика и отъехал.

Я всегда заправляюсь на этой заправке, но этого человека видел впервые.

Мелочь, а приятно.

«Не жди благодарности!»

Бывая в Гудермесе, я люблю заходить в Исламский магазин. Кроме соответствующей мужской и женской одежды, головных уборов, подарочных сувениров, аксессуаров, атрибутики, здесь есть и товары, предназначенные для очищения и лечения организма: травы, всевозможные семена и масла... В последнее время в обществе начала пользоваться популярностью китайская и арабская медицина.

Меня здесь привлекает обилие и разнообразие исламской литературы: Коран в разных изданиях и переводах (Магомед-Нури Османов, Эльмир Кулиев, Иман Валерия Порохова), тафсиры, сборники хадисов пророка Мухаммеда (да благословит его Аллах и приветствует), сборники пятничных проповедей, жизнеописания пророков, праведных халифов, героев исламской уммы, книги вид-

ных мусульманских теологов и писателей средневековья и наших дней по истории Халифата и вопросам религии – Абу Хамид Мухаммад аль-Газали, имам Ибн Каййим аль-Джаузийя, Умар Сулейман аль-Ашкар, Али Мухаммад ас-Салляби, шайх Мухаммад Салих аль-Мунаджжид, Шамиль Аляутдинов, а также труды христианских ученых по исламу...

Эти книги лучше чем любой мулла расскажут тебе о правилах молитвы, жертвоприношения и других религиозных обрядах, потому что мулла тоже учит в меру своего разумения.

Раз в месяц, получив зарплату, я приезжаю сюда, и каждый раз нахожу что-то новое для себя и поучительное.

Молитва и чтение помогают выстоять, не пасть духом, не ожесточиться.

Если с тобой случилось что-то хорошее, следует благодарить Аллаха. Если с тобой случилось что-то плохое, надо быть стойким, терпеливым. И Аллах воздаст тебе за это. То, что должно случиться, не может нас обойти. То, что не случилось, как бы мы ни желали этого, не могло случиться, ибо перо уже поднято, а чернила высохли.

Единственный, у кого следует просить, – это Аллах.

И если все люди и джинны соберутся вместе и договорятся о том, чтобы сделать тебе добро, то и тогда они сделают лишь то, что тебе было предписано Аллахом.

И если все люди и джинны соберутся вместе и договорятся о том, чтобы сделать тебе зло, то и тогда они сделают тебе лишь то, что было предписано Аллахом.

Если бы мы в полной мере осознавали смысл этих слов, то мы не теряли бы напрасно дни, месяцы и годы нашей жизни в погоне за земными благами. Не завидовали бы чужому богатству, не присваивали бы имущество сирот и вдов, не льстили бы власть имущим...

Ведь для искренно верующего достаточно Аллаха, и прекрасный Он Покровитель.

Сегодня я нахожу на полках новую книгу Аид аль-Карни «Не грусти!» (Рецепты счастья и лекарство от грусти). Раскрываю наугад и читаю:

«Всевышний Аллах создал людей, чтобы они поминали Его. И Он дает им удел, чтобы они благодарили Его. Несмотря на это, многие люди поклоняются не Ему и благодарят не Его, потому что человек по природе своей склонен забывать добро, которое ему делают, и не замечать благ, которые обильно дарует ему Господь. Поэтому не удивляйся, если люди никак не отреагируют на добро, которое ты им сделал, и не заметят услуг, которые ты им оказывал с искренним желанием помочь. А может, даже проявят враждебность и поведут себя так, будто ты никогда не делал им ничего хорошего, поджав губы и метнув на тебя злобный взгляд...»

Последние дни были омрачены кляузами бывших коллег.

Черная зависть и неблагодарность вчерашних товарищей поразили меня. Было обидно не столько за себя, сколько за них самих. Ведь я относился к ним как к своим братьям и близким друзьям, скорее даже как к гостям, так как офис находился в моем доме, и мы ели за одним столом. И делая им добро, я это делал не ради их благодарности, а ради Аллаха.

«Если большинство людей не благодарят своего Творца и Подателя благ, то стоит ли ожидать, что они будут благодарить тебя?»

Прочитав эти строки аль-Карни, камень, который был у меня на душе мгновенно растаял. И сердце мое успокоилось.

«Пусть же те, кто не дождался от людей благодарности за свои добрые дела, успокоятся и подавят свое разочарование. Тех людей, которые не умеют благодарить, можно только пожалеть».

И мне действительно их жаль.

Кто бы ни был президентом империи...

Кто бы ни был президентом империи (или бывшей империи) – Алланд или Саркози, Буш или Обама – в стране (или вне ее) всегда есть сила, заставляющая так называемого президента поступать по ихнему: послать войска в какую-нибудь африканскую страну.

Повод всегда найдется – исламская угроза, угроза терроризма, подавление в стране демократии...

И всегда есть силы, льющие воду на мельницу, в лице Аль Кайды и т.п., которые с подачи дяди Сэма захватывают заложников и провоцируют начало боевых действий, а гражданские люди, бесхитростные, простодушные, озабоченные своими житейскими проблемами, а порой, просто бесхарактерные, поддерживают собственную власть в их стремлениях поживиться за счет чужого горя, за счет десятков тысяч жертв мирных жителей, десятков тысяч разрушенных жилищ и человеческих судеб...

И попробуй народ выступить против развязывания войны, как тут же начнут взрываться дома у них в собственных городах.

И тогда, в ужасе, они все будут, плача и рыдая умолять правительство употребить всю силу, чтобы задушить террор в собственном логове, не подозревая, что для партии войны все равно кто ты по национальности – русский, француз, испанец или норвежец... Они с одинаковой легкостью способны убивать везде... во всем мире!

Еще не закончена война в Сирии. Идет планомерное уничтожение одного из древнейших и прекраснейших государств мира. Одной из колыбелей мировой цивилизации...

Франция начала боевые действия в одной из бывших колоний – Мали, которая вот уже более 50-ти лет живет самостоятельной жизнью.

И так будет со всеми исламскими государствами – с кем-то раньше, с кем-то позже, сегодняшними союзниками...

Подумать только! Одна роковая ошибка, создание Израильского государства в окружении Арабских государств, а не где-нибудь в более политически и географически приемлемом месте, будоражит и сотрясает мир со дня окончания второй мировой войны по сегодняшний день.

И совершенно неважно, что евреи жили там 2000 лет назад.

Предки чеченцев жили не только на Северном Кавказе, но и на сегодняшней территории Армении, Азербайджана, а Нахичеван, из-за которой враждуют эти две Республики так и переводится Гнездо Нахов. Вне всякого сомнения, что наши предки жили также в Иране, Ираке, Сирии... вплоть до Палестины... Но мы же не претендуем на эти земли. Потому что сотни лет там живут другие народы, а чеченцы (нахи), жившие там, давно ассимилировались с этими народами.

А то, что в Иерусалиме иудейские святыни, так они для всех народов одинаково святы.

И пророки Авраам, Моисей, Давид и Соломон – одновременно принадлежат, как иудеям, так и всему человечеству.

Бог, как и на каком языке Его не называй, Он и в Иерусалиме, и в Ватикане, и в Мекке – Бог!

И глубоко заблуждаются сатанисты, молящиеся своему бумажному божку Доллару, если думают, что люди не понимают их хитростей, коварства и вероломства и не знают конечных целей их козней: одну за другой разгромить все страны арабского мира, еще на 100 лет как бы обезопасить Израиль, а заодно присвоить их природные богатства.

«Они хитрят и Аллах хитрит, а Аллах – лучший из хитрецов» (Коран. Сура аль-Имран, аят 54).

О ненависти

Поражаюсь той ненависти, с какой евреи на «Проза.ру» пишут о своих единокровных братьях арабах. И бывший солдат Израильской армии, и служащий, и пенсионерка...

Несмотря на сотни лет противостояния и последние две войны, между русскими и чеченцами нет этой ненависти друг к другу. Ни у русских, ни у чеченцев, независимо от религиозных и политических взглядов, национальных традиций, военных побед и поражений, нельзя наблюдать эту попытку возвысить один народ и как можно более унизить и оскорбить другой.

Мы живем рядом, вместе учимся, работаем, дружим, женимся на русских девушках.

Современные войны – это всегда заговор власть имущих, прикрытие для более темных дел мирового правительства.

И цели и задачи нынешних войн совсем другие, нежели защита Отечества – власть, деньги, природные ресурсы...

И русские, и чеченцы понимают, что простым людям делить нечего.

Откуда же столько ненависти в детях Авраама?

Авраам, Моисей, Иисус и Мухаммад завещали своим потомкам Единобожие и человеколюбие.

Остальное от Лукавого.

Проза.ру

Благодаря интернету у меня десятки тысяч читателей.

И с каждым днем их количество увеличивается.

Получил много хороших отзывов и теплых писем. Некоторые просят перевести дневники на русский язык, так как их интересует, что же на самом деле происходило в Чечне. Думаю, в недалеком будущем, у читателей Проза.ру появится такая возможность.

Я всегда считал, что главное для писателя – писать правду. Искренность и мастерство – две ипостаси в работе писателя. И без них любое художественное произведение, словно мертворождившийся ребенок.

Чем интересна читателю литература XXI века?

Не красочностью, не вымыслом, а правдивым отражением жизни. Современная художественная литература – это сплав публицистики и беллетристики.

В определенном возрасте у человека наступает момент, когда хочется читать не вымышленные, а действительные истории.

«Лучшая книга – это сама жизнь, а лучший роман – это жизнь человека», – писал Шолом Алейхем.

Бунин писал, что если бы Пушкин, ничего не выдумывая, просто написал книгу о своей жизни, о том, что видел, испытал, это была бы его лучшая книга.

Думаю, именно эти качества – отличительная черта моего творчества, чем и привлекательна для читателей.

Вот уже около десяти лет меня не публикуют республиканские журналы, которые, впрочем, никто и не читает, кроме самих авторов. Я не говорю, что я диссидент. Просто редактора этих журналов, несмотря на определенный талант, слишком слабовольные и завистливые люди. А я никогда не отличался верноподданическими произведениями. А им нравятся серые вещи, чтобы на их фоне блистать своей «гениальностью».

Сегодня у меня хорошее настроение, и мне захотелось выразить свою благодарность авторам проекта «Проза.ру» и сказать спасибо своим читателям. Те, кто зарегистрирован на этом сервере, высвечиваются под своим именем или псевдонимом. С одними я переписываюсь, с другими – дружу. Многие читатели видны как неизвестные. И их очень много. Это те, кто не зарегистрирован на сервере. И хотя они не могут написать свой отзыв, главное, – что читают!

Я рад, что интернет позволил людям публиковать свои произведения и свободно общаться, невзирая на всякие идеологические препоны, взгляды и художественные вкусы горе-редакторов.

Всем спасибо!

Новый год

Все-таки немного странно, что в одном году два раза бывает зима. В начале и в конце.

Куда логичнее было бы начинать год ранней весной (март) и заканчивать в конце зимы – в феврале.

Ведь Всевышний, создавая наш мир, определил четыре времени года – весна, лето, осень, зима.

Каждого времени поровну – по три месяца.

А календари – это уже дело рук человеческих.

У древних народов свой, у китайцев свой, у христиан свой, у мусульман свой... Даже летоисчисление.

Конечно, мы настолько привыкли к снегу в Новом году, что было бы странно праздновать его во время весенней капели.

Но это всего лишь привычка.

Счастья и благополучия всем.

У родника Кунта-Хаджи

Если бы каждый человек на куске земли своей
сделал бы все, что может, как прекрасна была бы земля наша.
А. П. Чехов.

По дороге из Гудермеса домой решили попить холодной водички.

Родник находится рядом с новой веткой трассы Баку-Ростов, между селами Иласхан-Юрт и Курчалой.

После очистных и облагораживающих территорию ра-

бот привкус воды стал слаще, а местность приобрела невероятно красивый и ухоженный вид.

И как опять не вспомнить слова Чехова?

«Мусульманин для спасения души оставляет колодец. Хорошо, если бы каждый из нас оставлял после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность бесследно».

Спасибо всем, кто занимается этим богоугодным и полезным для общества делом.

Дай нам, Аллах, мира и благополучия в мире этом и вечном.

Статья бюджета

Это было в бытность Ахмада-Хаджи Кадырова, когда он возглавил Администрацию Чеченской Республики и сформировал первое правительство.

На должность министра печати и информации был назначен известный журналист, заслуженный деятель культуры ЧР Абдул Ицлаев.

В г. Ростове-на-Дону состоялось выездное заседание Правительства РФ с участием чеченской делегации.

И вот предоставили слово новоиспечённому министру ЧР Абдуле Ицлаеву. Он прямо, без обиняков, сказал, что вся инфраструктура республики разрушена и нуждается в немедленном восстановлении.

– Да, это так, мы понимаем. Только не знаем по какой статье восстанавливать, – сказали высокие чиновники.

– По какой статье разрушали, по той и восстанавливайте, – ответил Абдул.

Родом из детства

Судьба с детства не баловала Исмаила Демеева. После выселения умерли родители. От голодной смерти спасло

то, что их чудом нашел родной дядя. Но вскоре, за нарушение комендантского часа, его арестовали. Так, с маленьким братом Хасмагомедом, Исмаил попал в детприемник. Но, не вынеся унижений и оскорблений, братья сбежали оттуда.

Одна сердобольная русская женщина приютила их на время, обогрела, накормила, но будучи не в состоянии их содержать, устроила его с братом в детский приют, записав осетинами... Чеченят в приют не принимали.

Голод, холод, болезни, издевательства... Все было, но была и крыша над головой.

В 1953 году, после окончания семилетки, братья поступили в Новотроицкое фабрично-заводское училище и через два года окончили его, получив специальность электрика по сахарной промышленности.

В 1955 году Исмаила призвали в Советскую армию, службу проходил в Белорусской ССР.

После возвращения домой, работал по специальности около 10 лет. Самостоятельно выучив полузабытый родной язык, в 1964 г. поступил и в 1969 г. окончил пединститут по специальности «чеченский язык и литература».

Проработав более 45 лет в Цоци-Юртовской средней школе, недавно вышел на пенсию.

Исмаил с детства пишет стихи.

До начала боевых действий в Чечне издал сборник детских стихов «В зеркале своем, увидев гору».

Писать для детей, чтобы маленькому читателю было познавательно и увлекательно – очень трудно. И не всем, даже маститым писателям, это удается. Архиважно сохранить в себе детскую искренность, честность и способность удивляться. Удивляться, словно ты первый открываешь этот мир. И, несмотря на жизненные трудности и тяжкие невзгоды, сберечь чистоту души, сохранить в себе чувство любви к людям, умение видеть все в радужном цвете.

Исмаил очень много перенес в жизни, но не очерствел душой. Он из тех немногих людей, кто с полным правом может сказать о себе: «Я родом из детства».

Он пишет удивительно легкие стихи и сказки, которые сразу же заучиваются наизусть. Его афоризмы и фразеологизмы в стихах и в прозе полны глубокого философского смысла.

Я познакомился с ним очень давно, будучи студентом ЧИГУ.

В 80-е годы нас, всех пишущих и ищущих, объединяла тогда Шалинская районная газета. Литературный кружок вел известный поэт Абдул-Хамид Хатуев.

Помню день, когда Исмаила приняли в Союз писателей Чеченской Республики. Мы отметили это важное событие дружным чаепитием. Люди радовались каждому мирному дню. Но, как гроза, надвигалась более зловещая, чем первая, вторая российско-чеченская война...

В 2004 году я основал и возглавил Курчалоевскую районную газету «Машар». Большой вклад в повышении престижа газеты и привлечении читательского интереса внесли Зайрбек Хамерзаев, Нурди Пашаев, Сайд-Эми Базуркаев, Алмирза Медигов, Мухтар Ибрагимов... и, конечно же, Исмаил Демеев.

Их материалы всегда были познавательными и увлекательными. Мы тогда очень много материалов давали на родном языке и очень мало официоза.

Для сотрудников и внештатных корреспондентов я, в меру своих сил, старался превратить каждый рабочий день, каждый их приход в редакцию в маленький праздник. В нашей редакции нет главного и подчиненных. Все – люди творческие, друзья. Но, увы, никто не в силах остановить время. И каждый из нас несет свое бремя.

В прошлом году Исмаил перенес тяжелейшую операцию по удалению опухоли. Слава Богу поправился. Но нуждался в послеоперационном лечении.

Волею судьбы он познакомился с удивительно чутким и отзывчивым человеком.

Этим человеком, по словам Исмаила, является высоконравственный, сердобольный, внимательный к людям врач-онколог Абдурзаков Магомед-Салех Абубакар-Сидикович.

Он родился в 1985 г. в селе Дуба-юрт Шалинского района Чечено-Ингушской АССР.

С 2005 по 2011 годы окончил Саратовский государственный медицинский университет им. Разумовского.

В 2013 году окончил ординатуру по специальности «хирургия». В 2015 году – ординатуру по специальности «онкология».

В настоящее время он успешно работает в ГБУ «Республиканский онкологический диспансер» г. Грозного. Среди коллектива медицинского персонала пользуется заслуженным авторитетом.

– Его чуткое внимание радует всех пациентов и лично меня самого, – говорит наш друг Исмаил. – Он тщательно обследовал меня, назначил послеоперационное лечение. Поэтому я чувствую себя лучше, чем раньше. Настроение хорошее. Мне, откровенно говоря, очень и очень хочется, чтобы контингент таких врачей, как Абдурзаков Магомед-Салех, не только сохранился в нашей республике, но и приумножился. Такие добродушные, опытные врачи, верные клятве Гиппократа, нужны нашему обществу, как воздух, как вода, как солнце...

Для больного очень важно отношение к себе медперсонала, лечащего врача. Душевное отношение, теплое слово порой способны залечить неизлечимые раны.

Это тепло чувствуют больные, которые бывают на приеме у Абдурзакова Магомеда-Салеха.

Видно это и по Исмаилу Демееву.

Он работает над изданием нового сборника стихов.

Долгих лет жизни врачам и их пациентам!

Он лечит не только сердца, но и души людей

Я хочу рассказать о Человеке, с которым я познакомился в 2009 году.

Это врач-кардиолог Александр Николаевич Астахов.

Он живет и работает в одном из районных центров Ставропольского края – в городе Георгиевске.

История нашего знакомства такова...

Я всегда был худым и высоким, легким на подъем. Любил ходить пешком. Особенно в студенческие годы. До и после занятий мы гуляли по улицам Грозного, и это доставляло огромное удовольствие. Кафе, кино, книжные магазины, юношеские мечты. Бесконечные разговоры и споры о смысле литературы, о месте поэта и писателя в современном мире. Были молоды, здоровы. Нередко посещали спортивные секции. Уставали, зато как сладко спалось по ночам! Ничего не болело, кроме мышц и уставших за день ног. Постоянный маршрут: от площади «Минутка», где находилось наше общежитие, до университета и далее до центра. После учебы расстояние увеличилось до Дома печати. Как дороги были каждый дом, каждая улица, каждый фонарь и каждая скамейка под деревом! До сих пор эта пора остается, пусть не самой легкой, но одной из самых счастливых в нашей жизни. Две разрушительные войны многое стерли из памяти, но не изгладить из памяти воспоминания о тех днях...

В последние годы я потучнел, стал быстро уставать, даже короткие дистанции преодолевал с трудом, появились ноющие боли в груди, одышка, шум в ушах. Сказались многолетний неподвижный образ жизни, неимоверный и невидимый для чужого глаза труд над каждым рассказом и очерком, над каждой статьей и каждым словом. И, вероятно, постоянная тревога за судьбы родных и близких и будущее нашего народа. Писатель все чувствует и ощущает намного острее, чем обычный человек,

а переживания источают сердце больше, чем недуг. Мне трудно было смириться со всей умопомрачающей ложью империи, терзавшей мою республику; вероломством центральной и местной власти, предавших и бросивших мой народ на убиение. Бессилие что-либо изменить, даже если бы пришлось ради этого погибнуть, терзало мою душу... Эти муки вылились в антивоенные произведения: «Писатель и война», «О терроризме», «О свободе», «Машар», «Свидетель»…

Здоровье, когда оно есть, его не замечаешь, как и деньги.

Друг детства, видя, что мне плохо, посоветовал мне поехать вместе с ним в Георгиевск. Он уже несколько лет проходил там курс лечения, выезжая два раза в год теперь уже для подкрепления здоровья. До этого он лечился дома, и чуть не умер, из-за неправильно поставленного диагноза и ненужных дорогостоящих лекарств, действовавших на организм, как яд.

Ему очень повезло! Он попал к профессионалу своего дела, врачу-кардиологу Александру Николаевичу Астахову, известному во всем Северо-Кавказском регионе. Он осмотрел пациента, первым делом выкачал из брюшной полости всю ту губительную жидкость, закачанную нашими врачами, и назначил соответствующее постинфарктное лечение. А дома у него лечили сначала желудок, потом – печень, а инфаркт исключили. Таким образом, на счету у Астахова появилась еще одна спасенная жизнь...

И вот я у него в кабинете. Двухэтажная районная больница, обветшалая, наверное, ни разу не видевшая капремонта, мебель оставляет желать лучшего.

Сразу же хочу сказать о разнице в характерах наших и врачей других национальностей и об их отношении к больному.

Чеченцы, за редким исключением, встречают больного как личного врага, который наглым образом посмел его побеспокоить. И отношение к пациенту, как у прокуро-

ра к обвиняемому. Главное – не вылечить, а выкачать из карманов больного как можно больше денег. Родители, мол, потратили на наше учение много денег, теперь мы должны это оправдать.

Другое дело русские, украинцы, немцы, кумыки... Встречают с улыбкой на устах, не просто вежливы, а искренно добры, не просто выполняют свои обязанности, а действительно сочувствуют, сопереживают... Отношение к больному, как у няньки к ребенку, ласковое, материнское. И когда пытаешься отблагодарить, то краснеют, стесняются и отказываются как дети. Слова благодарности исцеленного и чувство выполненного долга для них выше всех мирских благ.

Измерив мне давление, он сразу же выскочил из кабинета. Через минуту забежала сестра, сделала мне укол, дала выпить две таблетки. Оказывается, у меня было очень высокое давление.

– Какие болезни вы перенесли за всю жизнь? – спросил он.

– Серьезно я болел только раз в жизни, – сказал я. – Во время первой войны, когда, из-за авианалетов и артобстрелов Грозного, приходилось ночевать в холодных и насквозь продуваемых подвалах. (Я был тогда командиром отряда ополченцев.) Возможно, эта болезнь и спасла мне жизнь. Меня привезли домой, я долго лихорадил. Лечение провел амбулаторно. Больницы тогда не работали, врачей не было.

После опроса и личного осмотра, изучив анализы и данные УЗИ, Александр Николаевич поставил диагноз: постмиокардитический кардиосклероз, вторичная ДКМП, ХСН-IIА, ФК-III NYHA, гипертоническая болезнь III ст. III ст. риск 4, с поражением сердца, головного мозга. Назначил лечение.

– У вас тяжелая ситуация. Скорее всего, это последствие той болезни. Когда лечение улучшит состояние, не

бросайте принимать таблетки. Сражу же станет хуже, – напутствовал он. – В год два раза, желательно, лечиться на стационаре.

Во вторую свою поездку я подарил ему свою небольшую книжицу на русском языке. Он очень этому обрадовался. Выразил свое уважение к творческим людям.

При следующей встрече я сразу понял, что он прочитал книжку.

– Я хочу от себя лично и от имени всего русского народа принести свои извинения вам и всему чеченскому народу, – сказал он. – Вам пришлось многое перенести. Вы маленький народ. Мы, русские, не должны были допустить эти войны. Мы должны, обязаны были оградить вас от этих бед... Простите нас...

Я очень благодарен Александру Николаевичу и как Доктору и как Человеку. И за лечение, и за эти слова.

Вот и прошел этот день рождения

Жизнь быстротечна. Словно маленький деревянный кораблик, подгоняемый ветром, несет судьба человека по жизни. В начале путешествия кажется, что жизнь бесконечна, как и море видится бескрайним. Но даже океаны имеют свои границы и берега. Однажды, вглядевшись в даль, сквозь тучи и облака, уставшие путешественники видят сияющий маяк и радуются этому. Их ждет встреча с родными и близкими...

Что ощущает человек, приблизившись к концу земной жизни и отчетливо видя на дальнем и таком близком и родном берегу сигнальный маяк? Тревогу? Страх?

Нет. Верующий знает, что все на этой земле смертно, кроме Создателя. Главное – прожить достойно, отведенное тебе время. В меру своих сил принести людям пользу. Оставить после себя добрую память и мир чуть лучше, чем он был до тебя...

Люди созданы смертными. Кто-то умирает молодым, кто-то старым, а кто-то – в расцвете сил. И никому не дано знать, когда и где это произойдет.

Мне 54 года.

Ураганы, метели и бури не укрепляют, а быстрее изнашивают и разбивают корпус корабля, но дают команде бесценный опыт. Также болезни и испытания укрепляют дух, но подрывают здоровье.

Наверное, как и у многих, в моей жизни было все: и горе, и радости, беды и потрясения, надежды и разочарования, любовь и расставание, войны и революции, болезни, смерть родных и близких, рождение детей... и настоящая мужская дружба.

Хвала Аллаху, который наделил нас мудростью понимания того, что когда близок дальний берег, и сквозь туман еще слабо, но все же виден свет маяка, ты знаешь и радуешься, что на том берегу тебя ждут твои родители, братья и сестры... И самое главное – встреча с твоим Творцом (свят Он и велик), который сначала умертвит нас, а потом – воскресит и вознаградит Садами Рая и вечной жизнью, где не будет грусти и печали, болезни и смерти. Ин ша Аллах!

Дала иманчохь дахар а, далар а лойла вайна!

2010-2020

МИНИАТЮРЫ И АФОРИЗМЫ

– Почему твои песни так кратки? – спросили раз птицу. – Или у тебя не хватает дыхания?

– У меня очень много песен, и я хотела бы поведать их все.

А. Доде

Эти холодные февральские дни

В истории вайнахского (чечено-ингушского) народа было много трагических страниц. Во все времена империи стремились завоевать Кавказ: Греция, Рим, Персия, Турция, Хазарский каганат, Арабский Халифат, Империя Чингисхана… Но, пожалуй, в истории не было более трагического нашествия, чем стремление царской России любой ценой покорить Кавказ.

Шайх Мансур, Имам Шамиль и другие защитники Кавказа потерпели поражение. На Кавказе при Шамиле было задействовано царских войск больше, чем при русско-французской войне 1812 года. Это при том, что на Кавказе в тот период не было объединенного государства, способного противостоять России.

Но все войны проходят. Новые поколения живут при новой власти. Учатся, работают, защищают Отечество, которое есть.

Представители чечено-ингушского народа воевали на стороне России против Турции, несмотря на все беды и лишения, а также в составе Дикой дивизии против немцев и австрийцев в первую мировую войну.

Свершилась Октябрьская революция.

Чеченцы и ингуши сыграли решающую роль в победе Советских войск на Северном Кавказе. Им обещали свободу вероисповедания, возврат отнятых самодержавием земель и т.д.

Но, после установления Советской власти на всей территории вновь образованного государства, начался так называемый «красный террор». Уничтожался цвет национальностей, входящих в состав СССР. Десятки, сотни тысяч людей были уничтожены, расстреляны, сосланы в Сибирь…

У людей память коротка. Люди, не видевшие всех зверств власти, то есть новое поколение, верит на слово власть предержащим.

До начала второй мировой войны (1941-1945 гг.) выросло новое поколение, верившее во все постулаты Советской власти, и готовое пойти на смерть за ее идеалы.

По разным оценкам от 40 до 60 тысяч чеченцев и ингушей отправились на фронт. Это, в процентном отношении, один из самых высоких показателей среди всех народов СССР. Но, несмотря на героические подвиги воинов чеченцев и ингушей на всех фронтах, когда враг уже не угрожал нашей Родине, наш народ был незаконно репрессирован – выслан в Казахстан и Киргизию. Это произошло 23 февраля 1944 года. По рассказам старожилов, в то утро шел крупный снег, было очень холодно.

Как индейцев (не могу найти другого сравнения!), людей загнали в «телячьи вагоны» и увезли прочь от родного дома. В некоторых горных селах, где не представлялось возможным эвакуировать население, дети, старики и женщины были загнаны в конюшни и заживо сожжены (Хайбах). Тех, кто умирал в дороге, как собак, сбрасывали на станциях. Тех, кто старался запорошить трупы снегом, как опоздавших на вагон, расстреливали на месте. Недели через две доехали до мест назначения. Но и там людей ждали холод и голод. От болезней умирали тысячи…

Но, благодаря Всевышнему, люди выстояли, выжили. Вернулись в родные края. Однако память об этих днях, осталась в памяти поколений.

Дала тIаьхье беркате йойла вайн!

Мулла

Лучше быть рабом Аллаха, чем рабом людей.

Адам и Ева

Как счастливы были Адам и Ева!
Некому было сплетничать.

Женщина

Женщина – это полмира.

И если она дарит тебе любовь и душевное тепло, разве можно тебя назвать несчастным?

Но если из-за женщины человек порывает с родными, он не достоин ее.

Больной

Пока еще жив, больной хочет видеть у своего изголовья близких родственников и друзей. Насладиться их обществом. А на похороны придут и чужие...

Имя человека

Там, где ступила нога, остается след.
И не стирается, когда растает снег.

Секретарь обкома

Он жить другим советует:
«Как завещал великий Ленин
Стране Советов». Меж тем,
Как сам он следует –
Жены советам.

Реклама

Качественный товар и красивая девушка в рекламе не нуждаются.

Вывод

«Рукописи не горят». (М. Булгаков.)
Потому и не греют.

Парадоксы

Любовь – это неестественное состояние.
Жена – не родственница.
В тот день, когда тебе покажется, что ты не сможешь жить без нее, надо развестись.

Логика

Старая поговорка в новом свете:
«Не имей сто рублей, а имей сто друзей».
Если каждый друг даст по два рубля, – будет двести рублей.

Честь

– Солдат, почему честь не отдаете?!
– Честь – это единственное, что есть у солдата. И я ее никому не отдам!

Метро

Впервые оказавшись в Московском метро, я подумал:
«О Аллах, сколько, должно быть, душ загублено при его строительстве!»

Как подснежники

Девушки, как подснежники, расцветают ранней весной.

Осень

Солнце выглядывает изредка.
Дождь, моросня...
На сердце – печаль и тоска.

О смысле жизни

Согласно китайской философии: построить дом, родить сына, написать книгу.

Аварцы говорят: «Пока умный думал, у дурака родился сын».

Вместо того, чтобы устроить свою жизнь, я всегда жил заботами и думами о народе, стране, обо всех людях на земле.

Я не построил дом, не создал семью и не издал книгу...

Раньше я всегда говорил:

«Мы созданы, чтобы любить друг друга».

Но теперь я понял: смысл жизни – в служении Богу.

Соперничество

Перед телевизором много героев.

Прототип

После выхода романа известного чеченского писателя один из его друзей жаловался:

– Это же неправильно, когда автор изображает себя большим талантом, а меня – идиотом.

«Идиот тоже может быть большим», – подумал я.

О крикунах

Государственные деятели похожи на петушка, который думает, что и Солнце встает потому, что он прокричал.

Вопросы

– Откуда родом чеченцы?
– Из Рая.
– От кого произошли чеченцы?
– От Адама и Евы.

Ушла

Вечер. Центр города. Остановка.

Перед магазином «Добро» встретил очень красивую девушку.

Когда я увидел ее, мне показалось, что вокруг растаял снег и взошли подснежники. Все засияло, и деревья расцвели...

Девушка была словно принцесса из сказки.

Но она прошла мимо.

Переполненный чувствами, я не смог вымолвить ни слова. Мои мысли, как бабочки, вспорхнули и улетели следом.

Может это была моя судьба?

Ночью

В полночь, в квартире, где я иногда останавливаюсь, прозвенел звонок.

Я встал и открыл дверь. Это был мой друг.

– Почему ты не спрашиваешь: «Кто там?» – спросил он, входя.

– Я никому не сделал зла. Кого мне бояться? – сказал я.

Летняя ночь

В коридоре горит лампочка. Вокруг нее кружат насекомые. Много бабочек и мошкары обжигает крылья и погибает, прельстившись светом.

Такова жизнь человека. Стремясь вырваться из тьмы к свету, и он обжигает крылья...

Военный корреспондент

Военный корреспондент, если он хочет донести до людей правду, должен находиться не там, откуда изрыгают бомбы и снаряды, а там, где они падают.

Памятники

Не нужно ставить памятники хорошим людям.

Они и их добрые дела живут в сердцах потомков.

Памятники следовало бы ставить плохим людям и тиранам, проклятым Богом и людьми.

Это был бы хороший пример для будущих поколений.

Людоедство

Намного больший урон, чем депортация в 1944 году, нанесла чеченскому народу прошедшая война. Ссылка была общей бедой. Она уравняла и объединила нас. Люди жалели друг друга, помогали. Нынешнюю войну каждый пережил по-разному. Кому-то она принесла прибыль, кто-то потерял все…

Некоторые ее не видели вовсе…

Война разъединила народ: сторонники России и Чечни, противники той и другой власти, бандиты, оппозиционеры, богатые и бедные…

Расшатывание власти чревато социальными потрясе-

ниями. Разрушаются духовно-нравственные устои народа. Настало для нашего народа самое трудное время.

Сумбулатов Дени размышляет:

– Я не мог понять раньше пророчества: «Настанет время, когда люди будут поедать друг друга». Как это возможно? Оказалось, речь шла не о физическом употреблении человеческого мяса. Имелось в виду присвоение чужого труда, хлеба насущного, добытого потом и кровью.

Чистота

Во времена шахиншаха Ануширвана, правившего Ираном, один человек взял в аренду земельный участок. При вспашке его, в вывороченной плугом земле, он нашел клад. Взяв золото, он отправился к хозяину земли:

– Земля твоя, и потому найденное мною золото принадлежит тебе, – сказал он.

– Нет, – ответил хозяин земли, – землю я сдал тебе в аренду за плату. И потому все, что выращено и найдено тобой, должно принадлежать тебе.

Каждый из них боялся согрешить перед лицом Всевышнего, и отказывался от найденного клада в пользу другого. И, не сумев договориться, они решили обратиться к шахиншаху. Хосров I Ануширван, получивший прозвище Справедливый, разрешил этот спор так, что каждый остался доволен его решением.

В повести «Хаджи-Мурат» Лев Николаевич Толстой устами своего героя так описывает время первого имама Кавказа Шейха Мансура: «Когда он был имамом, весь народ был другой. Он ездил по аулам, и народ выходил к нему, целовал полы его черкески и каялся в грехах, и клялся не делать дурного. Старики говорили: тогда все люди жили как святые – не курили, не пили, не пропускали молитвы, обиды прощали друг другу, даже кровь прощали. Тогда деньги и вещи, как находили, привязывали

на шесты и ставили на дорогах. Тогда и Бог давал успеха народу во всём, а не так, как теперь».

Поразительно, как может измениться состояние общества в результате деятельности одного человека, ставшего во главе народа. Рассказывают, что в первые годы своего правления Ануширван прославился своей жестокостью и был очень расточителен, покрывая свои расходы за счет народа. Люди обеднели, страна лежала в развалинах. Но, осознав свою вину, он изменился и начал заботиться о подданных, провел много экономических, социальных и военно-административных реформ, и страна преобразилась.

Неправда, что каков народ, таково и правительство. Скорее, наоборот.

Почему же распался Советский Союз, который невозможно было разгромить военным путем?

Прежде всего потому, что руководители страны далеко не соответствовали тем высоким целям и задачам, проповедуемых ими с высоких трибун. Распад страны самым негативным образом сказался, прежде всего, на нашей республике. Несмотря на авантюристическую политику генерала, пришедшего к власти, народ стойко выдержал испытание «огнем и мечом», перенес много утрат и лишений, но взамен получил лишь безвластие и анархию. Люди, ранее объявлявшие о находке в мечетях и на рынках, поставлены в такие ужасные условия, что если бы рассказ о найденном кладе повествовал о нашем времени и о нас, то из-за золота хозяин участка и арендатор убили бы друг друга. А правитель, узнав о сокровище, присвоил бы золото, объявив, что земля – собственность государства.

Всячески измываясь над народом, мучая людей, власть еще требует повиновения:

– Почему вы не покорны нам, ведь мы исламская власть?!

На телеге

Ехал однажды старик на телеге, запряженной лошадью. Позади на сене спала его жена-старуха. Дорога была глухая, старик ехал быстро. Вдруг под колеса попал камень, телегу тряхнуло, и старушка вывалилась. Она так крепко спала, что даже не почувствовала этого.

Проехав некоторое расстояние, мужчина оглянулся. Старушки на телеге не было. Вернувшись назад, он нашел ее. Она продолжала спать сладким сном. Муж громко спросил ее:

– Эй, слышишь?!

– Слышу, слышу, езжай! – ответила жена.

Самашки

1. Разбойники

Лю И-Цин (403-444).

«Новое изложение рассказов, в свете ходящих».

Сюнь Цзюй-бо приехал к больному другу.

В ту пору случилось на область нашествие хуских разбойников. Друг сказал Цзюй-бо: «Мне время умирать, а вы уезжайте». Цзюй-бо ответил: «Я так долго ехал, чтобы быть рядом с вами, а вы отсылаете меня! Попрать долг ради спасения жизни? Не таков Цзюй-бо!»

Явились разбойники. Пришли к Цзюй-бо, спрашивают: «Нас большое войско, вся область разбежалась; и дети, и старики, и женщины. Как же ты, мужчина, решился остаться?» Цзюй-бо сказал: «Друг мой болен. Я остался подле. Я пусть умру, а он будет жить». Разбойники сказали: «Люди, не ведающие долга, вторглись в царство долга».

Они повернули войска и ушли восвояси.

Область получила мир.

2. «Набег»

XX век. 1995 год. Чечня.

Селение Самашки осаждено федералами.

Если бы они обладали хоть сотой частью доблести и человечности древних китайцев, которых сегодня считают дикими, в Самашках не случилось бы не раз сотворенных там зверств.

Классическим примером тому является произведение Л.Н. Толстого о кавказской войне, показывающее истинное лицо русской армии. В рассказе «Набег» он повествует о судьбе старика-чеченца, оставшегося в селе после его захвата.

– Почему ты один остался, когда все покинули село? – спросили его. – Разве ты не боишься русских?

– Джигиты пошли драться с русскими, а я старик. Что мне русские сделают? – ответил он.

Его связали, как мешок привязали позади седла и увезли. Он был необходим для обмена пленных.

И в нынешней войне было задержано много ни в чем не повинных людей, чтобы обменять их на своих солдат или заполнить ими фильтрационные (конц) лагеря.

Как их винить в том, что они жестоки к чеченцам, которых считают своими врагами, когда даже не подбирают трупы своих солдат, брошенных на Чечню, валяющихся по всему Грозному и пожираемых бездомными собаками?

3. Рассказ жителя Самашек

В бою с российскими войсками при взятии Самашек погибло 300 мирных жителей и 70 боевиков. Ни один из них не был удостоен ни ордена, ни медали. И ни один представитель правительства их не посетил, и никому нет до них дела.

А медали… продаются на базаре…

Суверенитет

ЧИР... ЧИР... ЧИР... ЧИР... чик... чирик…

Суждение

Один из моих друзей рассуждает:

– «После окончания войны с уходом христиан, люди будут жить не зная, что есть и во что одеться», – говорили в народе. Желая себе лучшей доли, мы наивно полагали, что будем жить, не зная горя и печали и всего будет вдоволь. Теперь я начал сомневаться: «А правильно ли мы поняли смысл пророчества?». Может, имелось в виду не изобилие, а обнищание? что жить будет не на что, нечего будет есть и не во что одеться?

Вот до чего довела власть людей, даже преданных идее независимости!

Его младший брат погиб на войне и сам он с самого начала был за отделение от России.

Словарь

А к в а р и у м – стеклянный мир маленьких рыбок.

А р т и с т – при любом режиме артист.

В о р. Каждый вор думает, что он волк.

Д е т и – корни, коими женщина вцепляется в дом мужа.

Д о в е р и е. Недостойный доверия – никому не доверяет.

И з б а л о в а н н о с т ь – болезнь единственного ребенка.

И м я. Царь, власть, идеология – меняются, содеянное тобой останется.

И н д ю к – надутый мужчина.

И с к р а – зажигающая душу женщина.

К в а р т и р а – аквариум людей.

К л о п – скупердяй.

К н и г а. Если даже сжечь книги, мысли, изложенные в них, остаются жить.

К о т е н о ч е к – прозвище младшенькой дочурки.

Л и т е р а т у р н ы й к р и т и к:

Значение слова критик в чеченском языке:

– маадулла (по имени чеченского критика), что в переводе обозначает «бодаться»;

– бурчаев (по фамилии другого чеченского критика), что обозначает «перчить».

Так что чеченского писателя критики бодают и перчат.

Л ю б о в ь – то, что тебя окрыляет или печалит.

П и с а т е л ь. Писатель без книг – все-равно что помещик без земли или генерал без армии.

П о в а р. Долг повара – не в том, чтобы готовить для людей вкусную еду, а в том, чтобы прокормить семью.

П р о т и в н и к – не враг, просто, в силу обстоятельств, он оказался по другую сторону.

Ц а р ь. И псарь для своих псов царь; кому – царь, а кому – псарь.

Р а б о т а. Сколько бы не горбатил спину, честным трудом не разбогатеешь.

Р а й – то, о чем тайно мечтают даже атеисты.

Р а с с о л – бульон бедняка.

С а п о г и – лицо солдата.

С в а т о в с т в о. Женщины, занимающиеся сватовством, похожи на детей, строящих замок из песка.

С т а р о с т ь. От старости, кроме молитвы и поста, нет другого лечения.

С т ы д. То, что раньше считалось стыдом, нынче возвели в достоинство.

Т о п о л ь – не плодоносящее дерево, постоянно воспеваемое чеченскими поэтами.

Т р у с. Даже собаки не любят тех, кто их боится.

Ц в е т о к – возлюбленная поэта.

Ц ы п л е н о к – возлюбленный девушки.
Ч е с т о л ю б и е – синоним зависти.
Ч е с т ь – это то, что трудно сохранить и легко потерять.
Я г н е н о к – единственная дочь.
Я щ е р и ц а – падчерица.

Наблюдения

Ж а д н о с т ь:
– живот полон, а глаза – голодные;
– портит характер;
– губит сердце;
– делает человека невыносимым;
– бедняка еще объяснима, а богача – поразительна.

З а р п л а т а:
– жене кажется мало;
– начальству кажется много;
– дети всегда ждут этого дня.

Н е л ь з я:
– мужчине, словно девушка, носить золото и шелк;
– обманывать;
– выдать дочь замуж в другое село;
– брать и давать деньги в рост;
– сидеть, вытянув ноги в чью-то сторону;
– шутить с тем, кто не понимает шуток;
– устраивать вечеринки, когда в селе похороны;
– теряться и в радости, и в горе.

Н е л ь з я с п е ш и т ь:
– отозваться о человеке плохо;
– сделать кому-то худо, поверив чужим словам;
– когда женишься;
– развестись с женой, в нетрезвом виде и при гневе.

Н е с к р ы т ь с я:
– от Бога;
– от себя;
– от людской молвы;
– от мыслей;
– от предначертанного;
– от смерти;
– от стыда;
– выключив свет.

Н е у д е р ж а т ь:
– пожелтевшую листву, когда осенью подует холодный ветер;
– облака, гонимые ветром;
– надвигающуюся старость;
– времена года;
– девушку, собравшуюся замуж.

Н е у т а и т ь:
– то, что украл;
– то, что знает жена;
– то, что знают двое;
– то, что совершил ночью;
– вино, ударившее в голову;
– выстрел из-за спины;
– труп, брошенный в воду;
– слово, сказанное по секрету.

Н о ч ь:
– хорошее укрытие, думает вор;
– дана для любви, считают молодые;
– для больного – беда;
– для отдыха, думает путник;
– для сна, уверен труженик;
– для наблюдения небесных светил, считает астроном;

– мудрый славит Господа, что еще один день прожит, не принеся бед его семье и народу.

П е ч а л и т с е р д ц е:
– весть о смерти друга;
– молодая девушка, оставшаяся вдовой;
– сплетня о замужней женщине;
– наушничество мнимых друзей;
– предвзятое отношение;
– несправедливость;
– болезнь ребенка;
– немощь родителей.

П р а в д а:
– люди не любят говорящего правду;
– людям нужна правда, которая им нравится.

П р е з р е н н ы:
– царь, не думающий о своем народе;
– воин, предавший товарищей;
– чиновник, свысока смотрящий на просителей;
– врач, не заботящийся о больных;
– друг, оказавшийся недругом;
– отец, не беспокоящийся о своей семье;
– мать, не хлопочущая о своих детях;
– сын, не лелеющий пожилых родителей;
– дочь, забывшая отца и мать, выйдя замуж;
– муж, бросивший достойную жену;
– жена, изменившая мужу;
– вдова, предавшая память супруга.

П р и з н а к и с л а б о у м и я:
– в старости жениться на молодой;
– думать, что все образуется само-собой;
– в месяц Поста гулять с сигаретой в зубах;

– пропивать деньги, добытые легко или с трудом;
– ругать начальника, от которого зависят твои служебные дела;
– думать, что силой победишь всегда;
– встревать в чужую ссору;
– утверждать то, чего не знаешь;
– бросив семью, волочиться за чужими женщинами.

С к у п о й:
– обладает четырьмя глазами;
– работает без выходных;
– не спит по ночам спокойно;
– не довольствуется тем, что имеет;
– не пользуется тем, что имеет;
– хочет все больше и больше.

С л е з ы:
– детская боль;
– женское оружие;
– материнское горе.

С м е р т ь:
– самый преданный друг;
– невозможно подкупить и обмануть.

Т р у т е н ь:
– лентяй, бездельник;
– пчелиный самец, который не добывает мед и не защищает от врагов;
– бесполезный человек.

У н и з и т е л ь н о д л я д о с т о и н с т в а ж и т ь:
– под оккупацией;
– под тиранией;
– на чужбине.

Щ е д р о с т ь:
– выгоды не ищет;
– кто не щедр, тот скуп;
– чаще присуща беднякам, чем богачам.

О свекрови

Сэй-Сёнагон (966-1017).
Т о, ч т о р е д к о в с т р е ч а е т с я:
Тесть, который хвалит зятя.
Невестка, которую любит свекровь.
По этому поводу есть и чеченская поговорка:
«Если у всех матерей дочери хорошие, откуда берутся плохие невестки?»
Свекровь, которая любит невестку, еще можно найти.
Но я не встречал невестки, довольной свекровью.
Я всегда размышлял:
«Почему они не думают о своих матерях?
Почему они не думают о своих детях?
Почему они не думают о себе?»
Женщина, которая не любит свою свекровь, не будет любить и невестку.
Женщина, которая не любит свою свекровь, не будет любима невесткой.

О Тургеневе

Иван Тургенев. «Ася», «Фауст», «Первая любовь», «Вешние воды», «Свидание».
Пока любовь волнует людские сердца, этих, небольших по объему, произведений достаточно, чтобы в мировой литературе сияло его имя.
Он для меня не только автор «Отцов и детей», высветивший проблему нигилизма, но, прежде всего, певец любви.

Об отвернувшихся

От тех, кто отвернулся от просящих в земной жизни, отвернется Аллах в Судный день

О независимости

Богач – независим в любой стране.
Бедняк – зависим даже в собственном Отечестве.

О финале

У многих пьес, романов и фильмов – счастливый финал. Пройдя через вереницу испытаний и лишений, герои, наконец-то, женятся. Читатель или зритель облегченно вздыхает.

На самом-же деле именно с этого момента они и должны были начинаться.

О душе

Ученые и неверующие спорят о душе.
Существует ли она и где находится?
В сердце, в печени, в почках?
Даже взвешивают человека за несколько минут перед смертью и сразу после смерти.
Это все от неверия.
В Писании ясно сказано, где находится душа.
«...душа тела в крови». (Библия. Левит, 17.11.)
И потому Бог запретил есть и пить чью-либо кровь.
«...ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его; потому Я сказал сынам Израилевым: не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его: всякий, кто будет есть ее, истребится». (Библия. Левит, 17.14.)

О заговорщиках и доносчиках

О вы, которые уверовали! Избегайте частых подозрений, ибо некоторые подозрения грешны. Не подглядывайте и не злословьте (за спиной) друг друга. Разве захочет кто-либо из вас злословить о своем покойном брате? Отвратительно вам это! Так бойтесь Аллаха, ведь Аллах – прощающий, милосердный. (Коран. Сура 49, аят 12.)

Заговорщики и доносчики так спешат оклеветать человека и наушничать, словно хотят сообщить благую весть.

О мужчинах

Мужчина познается на чужбине, на работе и за трапезой, гласит народная мудрость.

Если бы мужчины знали друг друга, как их знают собственные жены, многие на людях не смели бы слово сказать.

Легко быть героем сидя на диване перед телевизором или зависая в интернете под чужим именем.

О хитрости и лести

Скольких людей я знаю, которые добились успеха, почета и чинов хитростью и лестью.

Прожил почти полвека, прочитал всю мировую классическую литературу, а хитрости и лести так и не научился.

О предисловиях

Иное предисловие содержательнее самой книги.

О кошках

Кто брезгует кошками будет кормить мышей.

Единственный

Единственный, кто любит просящих и дает больше, чем просят – Аллах.

Вера

Ум сомневается, сердце верит.
Кто верит, тот не боится.

Без веры

Без веры люди превращаются в обезьян и свиней.
Так почему же, веруя, люди живут как собаки?

Тайна

Ты доверяешь, кому веришь, предупредив, чтобы никому не говорил. Он рассказывает другому, третий – четвертому. И так доходит до того, кому ты не доверяешь.

Зима

Уже почти полночь. Вышел на улицу, проводить гостя.
Идет снег. Все белым бело. Не холодно.
Сразу вспомнились строки Пушкина:

Зимы ждала, ждала природа,
Снег выпал только в январе.

Весной – капели. Летом – солнце. Осенью – листопад. Зимой – снег. Иначе какая же это зима?

Вообще зиму люблю русскую. С детства. Может быть впечатления от русской литературы и советских фильмов. Летом – деревня. Зимой – город.

Парадоксы

Умный – дурак. Богатый – беден. Молодой – старец.
Тиран – раб. Далекое – близко. Родина – чужбина.
Друг – враг. Начало – конец.

Ум

Ум – не тесто на дрожжах и не возрастает с повышением в должности.

Молитва и воздержание

Молитва и воздержание полезны для души также, как физические упражнения для тела.

Пожертвование

Рубль, пожертвованный во имя Аллаха или другое доброе деяние, возвращается сторицей, словно зерно кукурузы из благодатной почвы.

Судный день

В Коране говорится: «Страшитесь дня, когда ни один человек не примет наказания за другого, когда никому из людей не будет дозволено заступничество, когда человеку нельзя будет откупиться (от совершенных грехов) и не будет ему помощи (извне)».

Судный день – не ссудный день.

Живые и мертвые

Не забывайте о мертвых, и живые будут помнить о вас.
1983-2012

Абузар Айдамиров

ПИСЬМО

Сайд-Хасан, да приветствует тебя Аллах.

В журнале «Вайнах» я прочитал твою статью «Писатель и война». Она написана от всего сердца. Мудро, смело, душой болея за народ. Именно этого я требую от наших писателей. За последние десять лет, которые принесли нашему народу неисчислимые беды, я знаю вас троих, смело пишущих об этом: ты, Юсупов Руслан и Хавас Акбиев. Спасибо вам.

Бывают талантливые ученые, поэты, писатели, муллы и т.п. Но весь их талант, стихи, романы и научные работы не стоят и гроша, если в критический для народа период они не болеют за него сердцем, не встают на его защиту, не говорят правду и не делают все, что в их силах, чтобы отвести от народа беду.

За последние годы много испытаний выпало на долю нашей интеллигенции. К сожалению, даже среди лучшей ее части, очень мало нашлось тех, кого жаждало мое сердце.

У нас издавна бытует вредный обычай, всегда приносивший народу только зло и несчастье: нежелание и боязнь говорить и писать правду. В свое время об этой нашей национальной черте хорошо сказал Имам Шамиль.

И сегодня мы остерегаемся поименно назвать тех, по чьей вине наш народ, в очередной раз, ввергнут в бездну катастрофы. Порой, наоборот, в печати появляются материалы восхваляющие их. Написанные нашими же товарищами. Если нам не хватает мужества предать их имена проклятью, можно было хотя бы не петь им осанну. Людей, которые подхалимничали каждому режиму, продаваясь за рубль или из-за собственной трусости.

Сайд-Хасан, ты свое слово сказал.

Ты заслужил право не говорить больше о войне, а писать о любви, о природе, о чем угодно, как и делает большинство наших товарищей.

Да поможет тебе Аллах.

С наилучшими пожеланиями, Абузар.

2003

Вахит Акаев

ВОЙНА – АГРЕССИВНАЯ СУТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Современное человечество далеко от совершенства, о чем свидетельствуют многочисленные формы проявления насилия, сопровождающиеся миллионами человеческих жертв. Самый кровавый век в истории человечества – это XX век: на него приходятся две мировые войны, многочисленные революции, антиколониальные, народно-освободительные войны, межгосударственные и внутригосударственные конфликты.

В результате этих межчеловеческих конфликтов погибло, примерно, 150 миллионов человек, а 1/4 часть этих жертв приходится на нашу страну. При подготовке и проведении войн затрачены колоссальные богатства, уничтожены огромные материальные и культурные ценности. Если бы удалось использовать эти средства для мирного развития человечества, то, думается, мир стал бы значительно лучше, чем ныне.

Человечество, достигшее в XX веке огромных результатов в экономическом, научном, культурном росте, так и не нашло путей ненасильственного развития.

В чем же здесь причина? В различии между культурами, религиями, ментальностями? Почему человечество, имеющее одно «адамово начало», уничтожается в кровавых конфликтах и войнах?

Эти вопросы наиболее обостренно встают перед чеченской творческой интеллигенцией, стремящейся осмыслить физическое и духовное состояние народа и выразить свое собственное отношение к этим событиям.

Наиболее обостренно эту позицию изложил чеченский писатель С.-Х. Кацаев, представивший на суд читателей журнала «Вайнах» эссе «Писатель и война». По жанру – это не столько художественное произведение, сколько философский труд, осмысливающий военные действия в Чечне, состояние человека в экстремальных условиях. Человеческая экзистенция в пограничных условиях, человек – между жизнью и смертью, в состоянии постоянной тревоги, полной потерянности – проблемы, осмысливаемые автором в своем эссе.

С.-Х. Кацаев задается очень сложным и, во многом, запутанным не только в публицистике, но и в серьезных социально-политических исследованиях, вопросом: какова причина войны, продолжающейся в Чечне?

Война, начавшаяся в Чечне в конце XX века и перешедшая в новый век, стала возможной благодаря развалу СССР. С этим событием следует связать войну в Югославии и развал этой европейской социалистической империи, а также современные войны.

Террористическая атака на США, в самом начале XXI века, повлекла за собой войну этого государства против Афганистана, а затем и против Ирака. Мировому сообществу объясняется, что США начали эти войны против международного терроризма, с целью уничтожения террористов и их баз.

Мировое сообщество не соглашалось с тем, что эти мусульманские государства являются террористическими. Тем не менее, США квалифицируют их таковыми и считают их главными звеньями в «оси зла». К этой оси они относят и целый ряд других мусульманских стран, в числе которых – Иран.

Существует опасность, что США начнут войну и против Ирана, обвиняемого в поддержке международного терроризма и в подготовке террористов.

Война – крайняя форма социального конфликта, задача писателя – обнаружить новые смыслы, переживания, обнажающие потаенные глубины человеческого несовершенства. К военной тематике обращались великие мыслители, писатели прошлого и настоящего, они стремились понять явные и скрытые причины, механизмы, приводившие к войне, осмысливали ее кровавый ход, мрачные итоги, жестокую, бесчеловечную сущность и агрессивность.

Зачем писать о войне, что можно извлечь полезного из этого антигуманного, антинравственного явления? Ведь задача писателя – поиск, художественными методами, нравственного, культурного смысла существования человека, этноса, человечества.

С.-Х. Кацаев, ссылаясь на Эрнеста Хемингуэя, пишет, что «мужественный писатель идет на войну, чтобы, если ему суждено вернуться, написать правду обо всем, что он видел». Идти на войну, чтобы написать правду об увиденных злодеяниях и призвать людей доброй воли к борьбе с человеческой безрассудностью – вот суть гуманистической позиции автора.

Полагаю, что С.-Х. Кацаев впервые в чеченской литературе обращается к антропологии войны, пытается выявить потаенные стороны человеческого несовершенства. Правда о войне – страшна, жестока, бесчеловечна. И нужна ли такая правда людям? Ведь писателю следует рассказать о том, как уродуется личность, как человек убивает человека, в массовых количествах гибнут люди, реками льется кровь, сносятся с лица земли города, разрушается сотворенная человеческим разумом культура.

Сюжетами писательского творчества не могут не стать факты разлетавшихся на мелкие части, в ходе ракетно-

бомбовых ударов, человеческих тел, превращенные в пепел живые сердца людей. У войны – бесконечно много кошмарных граней, и все их описать невозможно, но общие тенденции человеческого безумия писатель, художественными средствами, обязан выявить.

Наибольшие страдания в войнах выпадают на долю гражданского населения, беззащитных людей. Их грабят противоборствующие стороны, они лишаются жилья, имущества, десятилетиями приобретенной собственности. И эта правда, во всей ее многогранности и оголенности, должна быть вплетена в ткань писательского повествования.

Правда о войне – многогранна, порою запутана. Это и правда победителя, и правда проигравшего, и правда простого человека, пострадавшего от войны. Она возможна только через личностный, субъективный момент, всегда присутствующий в повествовании писателя – очевидца человеческой драмы. Безусловно, прав С.-Х. Кацаев, отмечавший, что «к проблеме войны нельзя подходить односторонне, однобоко», ибо на войне, помимо официальной стороны, имеется и другая, воюющая сторона – со своими ценностными ориентациями, мировоззренческими и нравственными установками.

Но есть и позиция народа, принесенного в жертву большой политике и доведенного до предела физического существования.

Думается, что позиция народа, страдающего от двойного насилия, доведенного до отчаяния, является полной и точной.

В ее выражении и должна заключаться гражданская позиция писателя. На войне проявляется человеческая низость, безрассудная иррациональность. Война игнорирует и уничтожает вечные ценности, перечеркивает Божественные заповеди. На войне царит полный произвол, человек превращается в безрассудное животное.

Автор статьи поднимает исключительно важные для писателя вопросы, я бы сказал, вопросы фундаментальные, онтологические: бытие человека в условиях войны, трансформация личности и тайные пружины, движущие ее поступками. Может ли писатель в этих условиях быть беспристрастным? Долг писателя – строго придерживаться принципа правдивости, реальности, но, при этом, личностный компонент, культурные ориентации не могут быть исключены. Для современного чеченского писателя писать правду о войне (и здесь прав автор) небезопасно. Причину автор видит в том, что в период войны диктатура власти грубо растаптывает все права человека, превращает братские народы во врагов, сжигает и сносит с лица земли города и села народа, изображаемого властной идеологической машиной врагом государства. Благодаря ее работе, Чечня признана центром международного терроризма, а чеченцы – генетическими террористами и бандитами. Шовинистическая пропаганда, являющаяся частью современной идеологии, изображает чеченцев в качестве главных врагов России. Оказывается, в ее истории не было более страшных врагов, чем чеченцы. Регулярно демонстрируя по ТВ зверства отдельных лиц чеченской национальности, которые, наверняка, были агентами спецслужб, на весь мир пропагандируется, что чеченцы – террористы.

Аморальность власти в том, что она – в оправдание своей жестокости или для ее сокрытия – идет на ухищрения. Она никогда не признает свои преступления, отказывается признать нанесение ракетных ударов по роддому, мирному рынку, гражданским объектам, отказывается признать проведение массовых зачисток, сопровождающихся гибелью гражданского населения.

У Ф. Достоевского в «Братьях Карамазовых» Иван Карамазов как-то сказал: «Если Бога нет, то все дозволено». А французский экзистенциалист Ж.П. Сартр, продолжая

эту мысль, писал: «В самом деле, все дозволено, если Бога не существует, а потому человек заброшен, ему не на что опереться ни в себе, ни вовне. Прежде всего, у него нет оправданий». Отсюда – дорога к вседозволенности. Альбер Камю заметил как-то: «Солидарность с судьбами мира заставляет тревожиться по поводу столкновения цивилизаций. Я вобрал в себя эту тревогу, когда решил сыграть свою роль». Камю утверждал, что для гордого сердца нет середины – либо Бог, либо время: или крест, или меч. Он ставил дилемму: нужно жить своим временем и умирать вместе с ним или же уклониться от него – во имя высшей жизни. А позицию «жить в свое время и верить в вечное», то есть принимать жизнь такой, какая она есть, Камю считает сделкой, к которой он питает отвращение, поскольку ему нужно все или ничего. Это и есть бунт человека, по Камю. Он всегда был на стороне борьбы, хотя она абсурдна. Поэтому Камю выбирал историю, желая стать человеком, что означало – действовать, обрести знания, и в этом он видел подлинную свободу. Камю был атеист, поэтому отрицал вечное. Он заявлял, что сторонится «церквей, претендующих на вечность, будь они божественными или политическими».

После Второй Мировой войны Альберт Швейцер писал, что «у людей все еще нет сознания того, что они страшно бесчеловечны, ибо в своем бездушии допускают возможность применения атомного оружия, которое в один день способно уничтожить сотни миллионов жизней. И мы не должны пребывать в таком безумии».

Не находиться в безумии, быть разумным и гуманным человеком – не в этом ли должно заключаться существование современного человека?

Мы находимся сегодня в безумии, поскольку человеческая жизнь не стала для нас предметом благоговения. Благоговение перед жизнью – вот нравственно-философское кредо этого великого моралиста.

Не осознав этого принципа, человек не выйдет из мира насилия, в котором он продолжает пребывать.

Примечательна позиция Корана по отношению к насилию. В принципе, Коран – против практики насилия, хотя признает справедливость нормы равного возмездия. «Кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех. А кто оживил ее, тот как будто бы оживил людей всех», – принцип талиона, то есть – равного возмездия. Но в Коране поощряется замена справедливого возмездия материальным вознаграждением, и такая замена Богу угодна. Коран призывает уверовавших не убивать самих себя. Пророк Мухаммад наставляет: «Поистине, Аллах предписывает справедливость, благодеяние и дары близким; и Он удерживает от мерзости, гнусного и преступления. Он увещает вас: может быть, вы опомнитесь».

Эссе С.-Х. Кацаева побуждает нас, представителей национальной интеллигенции, к серьезным размышлениям, самооценке, самокритике.

Наш анализ не был бы полным без признания, что автор совершенно прав, утверждая, что главная вина в трагедии чеченцев лежит на тех, кто предал идеалы социализма, избрал путь обустройства страны и населяющих ее народов на основе принципов дикого капитализма. Именно этот путь предполагал грабеж народа, захват национального богатства, ложь, жестокое насилие и прочие «прелести» переходного этапа.

В этом хищничестве прямое участие принимали так называемые «лидеры чеченской независимости», «отцы нации». Ограбив и столкнув народ в пропасть, они предпочли борьбе за «свободную Ичкерию» сытую жизнь в зарубежных странах. А, тем временем, чеченский народ остался один на один со своими бедами. Вина таких лидеров должна быть четко установлена, и они должны держать ответ перед народом.

Народ не является быдлом, вопреки высказываниям Д. Дудаева и его ближайшего окружения. Этот народ, рано или поздно, призовет к ответу тех, кто его предал и вверг в катастрофу. Разве это не тема для писательского воображения или социально-философского анализа?

В эссе С.-Х. Кацаева прослеживается множество сюжетных линий, каждая из которых может быть рассмотрена как отдельная и острая проблема современного бытия чеченцев. Тема, поднятая автором, не является локальной, только чеченской, она приобретает глобальный, всечеловеческий характер. В Чечне сошлись в жестокой схватке силы Зла и Добра. Только в единении с силами Добра и Справедливости – спасение чеченского народа. Именно таков нравственный итог, к которому подводит автор публикации.

Писатель закладывает основы национальной культуры, выражает – посредством слова – дух народа, определяет ориентиры на будущее. Очень важно, чтобы его слово лечило людей, делало их более совершенными и нравственно возвышенными.

Думается, слово С.-Х. Кацаева обладает именно таким гуманистическим потенциалом.

2003

Сайд-Эми Базуркаев

ДА ХРАНИТ ЕГО АЛЛАХ!

Писатель должен быть человеком мужественным, сдержанным, грамотным и, самое главное, человечным.

Гуманность есть главная черта писателя.

Все эти качества присущи Сайд-Хасану Кацаеву.

Сайд-Хасана я узнал недавно. За это короткое время он стал мне близким человеком. Ему всего 40 лет, а мне – 68, но я предпочитаю прислушаться к его мнению.

В народе говорят: «Там, где мастер, придержи руки, а где мулла – язык». Для меня Сайд-Хасан мастер слова, и я не перечу ему, а стараюсь извлечь пользу из его советов и его мнение считаю важнее. Он отличный писатель и журналист. Будучи главным редактором газеты «Машар», он умело руководит коллективом редакции. Он умеет слушать собеседника. Это дано не каждому. Он умело наставляет корреспондентов на освещение определенной проблемы, не навязывая, а подсказывая и одновременно отмечая важность ее освещения. Он не дает прямых указаний, а как бы потихоньку, подталкивая, вызывает в корреспонденте интерес к данной теме. И получается.

Читая его произведения, убеждаешься в его талантливости и мастерстве. Рассказы его захватывают. Нет фальши, читатель это ценит.

Написанное им о войнах, навязанных чеченцам, я читаю со слезами на глазах. Вместе с героями своих рассказов Сайд-Хасан переживает их боль и трагедию всего чеченского народа, далекого от милитаризма, но втянутого в эти опустошительные, несправедливые и неадекватные войны.

Сайд-Хасан, открыто выступая за многострадальный чеченский народ, призывает к миру. В его произведениях много поучительного, к которому надо бы прислушаться. Я хочу, чтобы Сайд-Хасан долго жил и много написал для чеченского народа.

Любая статья – это труд человека. Человека нужно уважать. Нельзя демонстративно перечеркнуть то, что сделано им. К каждому корреспонденту нужен индивидуальный подход. И это с легкостью удается Сайд-Хасану.

Да хранит его Аллах!

2006

Лема Ибрагимов

ТВОРЧЕСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ С.-Х. КАЦАЕВА

В наше время в постсоветском литературном пространстве России творческая личность наделена правом свободной самореализации в рамках УК и закона о печати. Художник может творить как хочет и как может, не присягая на верность тем или иным литературным канонам, «мэтрам», кланам.

Не секрет, что и сегодня в среде чеченских литераторов преобладают симпатии к былой поляризованности, антагонизму поколений и кланов.

Жизнь во всей ее полноте, негативы реальной действительности, реальный уровень обыденного сознания и отрицательное влияние этого сознания на каждого из нас – этот ряд понятий и представлений, определяемый и направляемый ими стиль жизни, с точки зрения преобладающей части наших литераторов и «либеральной интеллигенции», есть не что иное как признак пошлости и дурного вкуса.

Я не сторонник вседозволенности в любом деле, тем более в литературе. Но и не сторонник глянцевания и лакировки реальной действительности, имитации готовых рецептов и образов прошлого, высокомерного эгоцентризма иерархии, профанации в искусстве и науке.

Состояние дел в чеченской литературе – это и не хорошо и не плохо в мировом масштабе, а очень плохо для национального литературного процесса, над которым всласть поиздевались культуртрегеры социализма.

Яркие творческие индивидуальности в литературе, как правило, играют роль основоположников, реформаторов того или иного жанра, направления, школы.

Одним из таких литераторов, присутствие которого отчетливо обозначено в чеченской литературе конца XX-го и начала XXI века, является прозаик Сайд-Хасан Кацаев.

В текстах своих произведений («Зимний вечер», «Автопортрет», «Школа писателя», «Анонс», «Самоволка» и др.) автор дает образцы не классического социалистического реализма – которым зомбирован наш литературный бомонд – а (фри) свободного всемирного реализма в диапазоне от постмодерна до сюрреализма, воплощающий напряженность и интенсивность чувств и мыслей, незамысловатость и невыдуманность сюжета.

Творчество Сайд-Хасана Кацаева – неустанный и последовательный поиск и разработка символа обыденного сознания – национально-своеобразного инварианта бед и страданий нашего народа. Писателя ничуть не смущает присутствие рядом с собой именитых предтеч по той же проблеме: И. Бунина, Дж. Оруэлла, Л. Фейхтвангера, А. Платонова, М. Булгакова, т.к. они разрабатывали эту проблему на материалах историй и ментальностей тех народов, представителями которых они были.

Вот уже на протяжении 20 лет писатель от произведения к произведению создает свою художественную систему, в которой очень знакомые нам коллизии, сцены, герои, исторические и общественные деятели исследуются под своеобразным углом восприятия автора. Как и Марсель Пруст, Сайд-Хасан Кацаев предельно автобиографичен.

Сюжеты и поэтика кацаевских произведений ненавязчиво и объективно запечатлевают обыденное сознание как доминанту поведения членов нашего социума.

Обыденное сознание как эстетический феномен – это очень значимое для национальной литературы художественное открытие Кацаева. Открытие, которое не только не порывает с национально-литературной традицией, наработанной предшественниками (С. Бадуев, Б. Витаев, Ш. Окуев, Ш. Арсанукаев), а развивает и углубляет ее на уровне овладения глубинами человеческого сознания (эссе «Кафка», «Писатель и война»), гуманности и милосердия (рассказы «Во тьме», «Рэй Брэдбери», «Свидетель»), что позволяет нам рассматривать его как одного из реформаторов современной чеченской прозы, которая не меньше других родов национальной литературы нуждается в модернизации и в дальнейшем развитии по линии интенсификации процесса художественного освоения жизни.

На первый взгляд, кажется, что творчество Кацаева можно очень легко смести метлой иронии. Пытались, и даже очень усердно. Не получилось. Да и не получится, ибо автор не выдумывает жизнь, а описывает ее такой, какая она есть на самом деле.

2008

Мухтар Ибрагимов

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТВОРЧЕСТВЕ С.-Х. КАЦАЕВА

В современной чеченской литературе немало талантливых и достойных писателей-патриотов. Их произведения стали сокровищницей нашей литературы. Трагические события, происходившие в Чеченской Республике с начала первой половины 90-х годов прошлого столетия, показали, что у определенной части чеченской творческой интеллигенция, отсутствовала активная гражданская позиция. Некоторые ее представители пошли на поводу у авантюристов и казнокрадов, другие – отмалчивались, ожидая наступления лучших времен, следуя принципу «моя хата с краю». Вместе с тем, стоить отметить, что в писательской среде республики были в тот период и настоящие патриоты своей республики и народа. Они говорили и писали правду о трагедии народа, призывали российскую и мировую общественность к сочувствию и состраданию и заявляли, что чеченский народ, как и другие народы России, хочет жить в мире и быть равноправным представителем в большой семье народов России.

В те лихие времена я впервые услышал имя Сайд-Хасана Абзуевича Кацаева. Мы познакомились и у нас завязались теплые дружеские отношения. Нас связывала близость взглядов на события в республике, роли литературы и ее представителей на политическую, культурную и духовную жизнь Чеченской Республики в последние десятилетия.

До недавнего времени большая часть произведений Сайд-Хасана, пишущего со студенческих лет, не было известно широкой читательской аудитории, что было связано с тем, что издатели и определенная часть, так называемой писательской «элиты», не имела желания,

чтобы произведения молодого писателя увидели свет, по причинам далеким от литературы.

Творчество С.-Х. Кацаева – это новое и своеобразное явление в нашей литературе, без свойственной многим представителям творческой интеллигенции советской эпохи традиционных штампов и однотипных идеологических представлений на все окружающее.

В рассказе «Автопортрет» он отмечает: «Не хочу, чтобы люди считали пустяком то, что я считаю делом своей жизни. Если критика в мой адрес – это Дамоклов меч, на мне должна быть «броня» знаний. Поэтому читаю не только художественную литературу, но критические и литературоведческие работы.

Поразительно, до чего могут ошибаться критики и историки литературы в оценке творчества писателя. Белинский умер с сожалением, что он переоценил молодого Достоевского. Долгое время во Франции держалось мнение, что гений Бальзака «начинается с изображения вульгарного и порочного» (Лансон). Но цель писателя быть не увеселителем публики, а улучшать нравы своего времени, считал Бальзак.

Нужно громко говорить о болезнях современного общества, чтобы вылечить его, утверждал Золя.

И я придерживался этой концепции. Но у наших издателей и критиков другое мнение».

О роли и месте писателя в жизни у Сайд-Хасана свои представления, которые основываются на реальном состоянии нашей духовности, трудных жизненных процессов и т.д. Он не только констатирует все это, но и предлагает свое видение для их решения. Его озабоченность этими явлениями ярко проявляется в произведениях писателя: «Он занял в литературе достойное место», – читал я о многих писателях. Как можно занять недостойное место? Это же не кресло. Место писателя не то, которое он занял при жизни. А то, которое достается после смер-

ти. Хорошее или не очень, но это место он действительно заслуживает. Понятен ли другим смысл, вложенный мной в это слово?» («О поэтах и писателях»).

Тем не менее, писатель упорно и целеустремленно работал над созданием все новых и новых произведений. Он не сломился, не опустил руки, а плодотворно работает в различных литературных жанрах и журналистике, и потому время расставило все на свои места. В настоящее время он известный в нашей республике талантливый писатель и журналист. Несмотря на свой сравнительно молодой возраст, в чеченской литературе им сделано немало.

Кто является настоящим писателем?

Кроме литературного мастерства, он должен обладать гражданской позицией, различать правду и ложь и в перипетиях судьбы быть на стороне народа, считает Кацаев.

Вне всякого сомнения, всеми этими качествами обладает сам автор. Ярким примером тому является вышедший в 2004 году сборник «Во тьме». Писатель глубоко анализирует причины возникновения мировых войн, их негативное влияние на духовно-нравственные и моральные ценности народов, роли писателя и поэта в политической и духовной жизни народов и государств. Рассказывая об участии в войнах и революциях писателей и поэтов, подчеркивает, что роль интеллигенции в таких переломных событиях всегда была неоднозначной, но все же, в своей основной массе, она всегда выступала против несправедливости и войн.

Прямо обращаясь к русским писателям, он пишет: «Львиная доля в деле просвещения нации, ее пробуждения, ее «взращивания» принадлежит писателю. Нашего голоса – голоса чеченских писателей – сегодня никто не слышит (да и не может слышать). Но я не слышу и голоса русских писателей, принадлежащих к одной из самых богатых гуманистическими традициями литератур мира… В России живут миллионы людей, ценящих Ваше слово и

верящих Вашему слову. Вы знаете о войне не понаслышке, знаете, какие беды и страдания несет она людям, знаете, кому она выгодна.

Почему Вы молчите? Почему не вразумите народ свой? Если народ против войны, если народ считает войну неправедной, ни одна власть не посмеет вести ее. Или вы действительно считаете русскую нацию носительницей цивилизации? Или действительно верите, что российские войска наводят здесь конституционный порядок? Или боитесь лишиться правительственных наград, теплых мест, престижных литературных премий?

Сегодня в Чечне растоптана не только чеченская культура. Российские войска уничтожили в Чечне – прежде всего – культуру российскую и веру людей в нее». («Писатель и война»).

С такими призывами к деятелям культуры и общественности России Сайд-Хасан обратился в самый разгар военных действий. Так мог написать только человек искренне и глубоко переживающий за судьбу своего народа и его будущее.

Известно, что «реализм – художественный стиль, который правдиво и объективно воспроизводит действительность во всех ее подробностях, вне зависимости от степени красоты изображаемого на картине».

На мой взгляд, произведения Сайд-Хасана Кацаева занимают особое место в становлении и дальнейшем развитии реализма в современной чеченской литературе. В творчестве, как и в жизни, Сайд-Хасан не стремится быть похожим на других писателей. У него свое видение, своя оценка на происходящее. Во многом, они совпадают с представлениями чеченского общества и общечеловеческими духовными ценностями. В его произведениях одинаково раскрывается талант писателя, журналиста и исследователя. Все это показывает, что творчество Сайд-Хасана развивается и имеет хорошую перспективу. Он не

ищет легких путей, не прислушивается к необъективным и поверхностным выводам некоторых горе-критиков, стремящихся сделать себе имя любыми путями. Не оглядывается на чиновников и не жаждет их похвал и расположения. Это и является признаком и отличительным свойством настоящего писателя и журналиста.

Жизненная правда оказывает большое воздействие на его творчество. Он внимательно слушает проблемы, чаяния и надежды своего народа. Поэтому, всегда идет в ногу со своим народом. Создаваемые им образы – это реальные картины жизни чеченского народа. Основная тема большинства его произведений – это реальная и повседневная жизнь народа.

Сайд-Хасан Кацаев не относится к числу писателей, стремящихся добиться «славы» помпезными выступлениями в средствах массовой информации. Он не стремится поставить свое творчество и на коммерческие рельсы.

Сайд-Хасан начал свой творческий путь, показывая картины реальной жизни чеченской молодежи 80-х годов, которых так «стесняются» и обходят многие наши именитые писатели. В «Студенческих рассказах» он рассказывает о судьбах студенческой молодежи, ее поисках, размышлениях, душевных переживаниях и взглядах на жизнь… И это тоже является частью нашей жизни. Молодого писателя и в этом старались обвинить и приводили какие-то пространные доводы об их некорректности и несоответствии чеченскому менталитету. Признаюсь, вначале и у меня были подобные сомнения. Однако, правдиво и талантливо использованный писателем стиль языка, в корне изменили мои первоначальные сомнения.

Изящный стиль, простой и понятный язык изложения выделяют его среди множества других писателей. Его произведения читаются легко, сюжетные линии просты и понятны простому читателю, и потому образы его героев проходят через сердце и душу читателя. Они рождают

стремление к чистому и светлому, укрепляют в читателе патриотизм и чувство собственного достоинства. В этом и проявляется гражданская позиция писателя-патриота Сайд-Хасана Кацаева.

«Рассказы о Молле Насреддине» – новый успех в творчестве писателя. Рассказы об известном на весь мир народном герое, до сих пор не были собраны и изданы на чеченском языке. На мой взгляд, книга «Рассказы о Молле Насреддине» является самой юмористической и сатирической не только в творчестве писателя, но и во всей чеченской литературе. И это понятно. Ведь народ столетиями создавал, шлифовал и передавал эти рассказы из уст в уста! Ценность книги намного повышается и тем, что автор не только собрал эти рассказы воедино, а проделал над ними большую научно-исследовательскую работу.

Сложной и интересной была дорога в чеченскую литературу Сайд-Хасана Кацаева. Стремление писателя быть самим собою и на творческом пути, придает его рассказам уникальную самобытность.

Чувствуется, что прошедшие в республике две военные компании, укрепили его душевную потребность, как в качестве писателя, так и журналиста. Он посчитал своим долгом рассказывать правду о жестокой войне и делать все возможное, чтобы донести ее до читателя. Более того, он сам является свидетелем трагедии народа. И потому его произведения пронизаны личной болью и глубокими переживаниями за судьбу многострадального чеченского народа.

Кроме эссе «Писатель и война», вызвавшей большой резонанс в читающих кругах, военной тематике также посвящены рассказы, очерки и статьи: «Машар», «Свидетель», «Завоевание Иерусалима», «Локка», «Бегемот», «О свободе»...

Персонажи произведений Кацаева не какие-то абстрактные, вымышленные мифические герои, а реальные

люди: соседи, односельчане, знакомые, деятели культуры и искусства, политические деятели, что придает им неповторимую ценность и с точки зрения истории…

Дневники – не только новый шаг в творчестве Кацаева, но и новый жанр в чеченской литературе. Дневники для него не просто запись каких-то событий, чувств и явлений, а творческая лаборатория писателя. Примечательно, что Сайд-Хасан издает их при жизни. Это придает им большую ценность. Героями «Дневников» Кацаева являются реальные люди. И в первых его книгах герои не были созданы авторской фантазией, а были взяты из жизни. Особенно ярко это проявилось в его второй книге «Школа писателя».

Лев Толстой говорил: в будущем писатели не будут писать романы. Будут писать об интересных событиях в своей жизни, о том, чему они были свидетелями.

Это в полной мере можно отнести к творчеству Сайд-Хасана Кацаева. Он пишет о событиях, как говорил Абузар Айдамиров: искренне, смело, душой болея за народ.

«Дневники» Кацаева публикуются на страницах газеты «Машар», главным редактором которой является сам автор и вряд-ли были бы напечатаны другим изданием.

В том, что писатель обратился к жанру дневника, я вижу несколько причин. Во-первых, в сложившейся ситуации ему кажется недостаточным писать только художественные произведения. Второе, он не может ждать, пока у него появится возможность издать свои книги. Желание быстрее донести до народа свое Слово, кажется, и подтолкнуло писателя к такому интересному жанру.

В обращении к представителям власти он пишет: «Человеку, волею судьбы очутившемуся на высокой должности, кажется, чтобы он ни делал, это правильно, что так и должно быть, и никто не может помешать ему. Это один из недостатков в менталитете чеченца. Как бы то ни было, властьимущие не должны забывать одну вещь:

хотя они могут купить некоторых журналистов, но глаз писателя наблюдает за ними. И лидеры государств останутся в истории благодаря карандашу писателя». («Завоевание Иерусалима». Послесловие.)

Творчеству Сайд-Хасана Кацаева, его патриотизму и мужественной гражданской позиции высокую оценку дал народный писатель Абузар Айдамиров (Да смилостивится над ним Аллах!) в своем знаменитом письме, написанном в 2003 году.

«…У нас издавна бытует вредный обычай, всегда приносивший народу только зло и несчастье: нежелание и боязнь говорить и писать правду.

И сегодня мы остерегаемся поименно назвать тех, по чьей вине наш народ, в очередной раз, ввергнут в бездну катастрофы…

Сайд-Хасан, ты свое слово сказал. Ты заслужил право не говорить больше о войне, а писать о любви, о природе, о чем угодно…»

Такая высокая оценка, бесспорно, ко многому и обязывает.

Именно в правде, а не в художественном вымысле и состоит кредо писателя Сайд-Хасана Кацаева. В рассказе «Автопортрет» он утверждает: «Классические произведения живы до сих пор не художественностью и вымыслом, а правдивым изображением эпохи. Художественность, как и любовь, – приправа для основной идеи произведения».

Действительно, такое ответственное отношение к роли и значению писателя, вселяет в нас уверенность, что он и дальше будет радовать нас своими прекрасными произведениями.

Хочется пожелать ему новых творческих успехов!

2008

МАСТЕРСТВО ДАЕТСЯ СВЫШЕ

Обычно, знакомясь с биографиями многих настоящих писателей, русских и зарубежных, приходишь к выводу: все они были абсолютно разные по темпераменту и характеру, но они были талантливы от рождения! Кто-то писал каждый день по строчке, кто-то не писал целый год, а потом вдруг садился за письменный стол – и не ел, и не пил – писал…

Если ты считаешь, что у тебя действительно есть писательский талант, ты должен чувствовать потребность писать, анализировать…

Подобную потребность обнаружил в себе Сайд-Хасан Кацаев довольно рано. Сегодня он – известный писатель, заслуженный журналист ЧР, лауреат премии Интеллектуального центра ЧР «Серебряная Сова» 2013 года.

Есть люди, которые пишут, их много, даже очень много. А есть настоящие писатели. Их раз, два – и обчелся. И, что интересно – каждый относит себя к этой «двойке»… Но по этому поводу Сайд-Хасан честен: в первом томе своего сборника рассказов он пишет: «У нас очень много хороших писателей – от Бадуева до Бексултанова…»

Но самую точную оценку писателю дает читатель. И если читатель не знает писателя, то виноват в этом писатель, а не читатель.

Настоящий писатель всегда боится умереть, не закончив своего очередного произведения. Еще в народе о них говорят, что даже и после смерти настоящий писатель раз в год выходит из могилы и идёт в книжный магазин, чтобы посмотреть, продаются ли ещё его книги.

Дай Аллах тебе, Сайд-Хасан, долгой и счастливой жизни.

Насчет «похода в магазин» не знаю, но вопрос, читают ли твои произведения, тебе всегда будет интересен.

От имени читателя могу сказать: «Да, Сайд-Хасан!».

– Читая его произведения, я не устаю поражаться его таланту. У него уникальное умение – создавать необычайно живые, яркие образы, которые запоминаются читателям на всю свою жизнь. Кацаев удивительно разносторонний человек, который всю свою жизнь стремится к знаниям, мне нравится, что он всегда смотрит на жизнь оптимистично, энергичен и жизнерадостен. А как он радует читателя похождениями Моллы Насреддина! – делился впечатлениями Майрбек Пашаев, поклонник его творчества.

Произведения Кацаева бьют ключом, поражают своей энергичностью и динамичностью. Большинство его героев – люди с очень чистой и доброй душой, ненавидящие унижение других людей, стремящиеся к свободе и всеобщему счастью. Почти у всех персонажей произведений Кацаева обострённое чувство справедливости.

Его произведения удивительно искренни, честны. Наверное, именно поэтому они так хорошо известны читателю. Рассказы: «Зимний вечер» (1985); «В тени деревьев» (1985); «Зарета» (1985); «Иллюзии» (1987); «Семинар» (1987); «Учитель» (1988); «О гордом Закри» (1989); «Сюрприз» (1989) и др. Эссе: «Писатель и война» (1995); «Философия религии» (1996); «Кафка» (2000).

Переводчиками его рассказов и эссе являются: Асланбек Гайтукаев, Лула Жумалаева, Ия Николаенко, Мухтар Ибрагимов, Сайд-Эми Базуркаев. Некоторые рассказы переведены на русский язык автором.

– Рассказы Кацаева захватывают, в них нет фальши, читатель это ценит. Написанное им о войнах, навязанных чеченцам, я читаю со слезами на глазах. Вместе с героями своих рассказов Сайд-Хасан переживает их боль и трагедию всего чеченского народа, далекого от милитаризма, но втянутого в эти опустошительные, несправедливые и неадекватные войны, – пишет журналист Сайд-Эми Базуркаев.

Абузар Айдамиров, народный писатель Чечено-Ингушетии, отозвался, что эссе «Писатель и война» написано от всего сердца. Мудро, смело, душой болея за народ.

Завершить статью хочу мнением о его творчестве Лемы Ибрагимова, кандидата филологических наук, старшего преподавателя кафедры русской литературы ЧГУ:

– Яркие творческие индивидуальности в литературе, как правило, играют роль основоположников, реформаторов того или иного жанра, направления, школы. Одним из таких литераторов, присутствие которого отчетливо обозначено в чеченской литературе конца XX-го и начала XXI века, является прозаик Сайд-Хасан Кацаев. Творчество С.-Х. Кацаева – неустанный и последовательный поиск и разработка символа обыденного сознания – национально-своеобразного инварианта бед и страданий нашего народа.

Сайд-Хасан Кацаев мог стать физиком или биологом, к счастью, знания ему позволяли, он мог стать ученым, и кто знает, возможно, он даже мог изобрести лекарство от какой-нибудь смертельной болезни. Но Сайд-Хасан решил стать писателем, так как верил, что именно книги способны изменить человечество. В нем человек и писатель составляют одно целое: вряд ли он был бы тем прекрасным человеком, если бы он не был писателем, и вряд ли бы он был бы настоящим писателем, не будь он таким мужественным, смелым, умным и любящим жизнь человеком.

Для С.-Х. Кацаева быть писателем – это значит чутко ощущать пульс времени, идти с народом в ногу, жить его делами и заботами, отдавать ему весь жар своего сердца.

Быть писателем – это значит, окрылять своим словом человека, побуждать в нем высокие помыслы и чувства, приносить ему радость и эстетическое наслаждение.

Спасибо тебе, Сайд-Хасан за твой писательский труд! Он прекрасен, как и наша жизнь.

Сохрани и дорожи любовью читателя!

2013

Магомед-Салах Ильясов,
«Молодежная смена»

СОХРАНИТЬ И ПРИУМНОЖИТЬ

Интервью

Считается, что, если хочешь узнать писателя, надо побывать на его родине. Так, я посетил Курчалой – один из крупнейших населенных пунктов Чеченской Республики, малую родину известного чеченского писателя, одного из ярких представителей реализма в чеченской литературе, автора известных сборников рассказов и очерков «Рассказы студента», «Школа писателя», «Рассказы о Молле Насреддине», «Во тьме».

Сайд-Хасан Кацаев родился в 1966 году в селе Курчалой ЧИАССР. Здесь же с отличием окончил школу, служил в Советской армии. В 1988 г. окончил русско-вайнахское отделение филологического факультета ЧИГУ им. Л.Н. Толстого, а после работал учителем русского языка и литературы. Также преподавал чеченскую литературу в Чеченском государственном университете, а с 2004 года по настоящее время является главным редактором Курчалоевской районной газеты «Машар» (Мир).

– Сайд-Хасан Абзуевич, когда у вас появился интерес к литературе?

– С тех пор, как научился связывать буквы. Каждая книга представляла собой огромный мир, который непременно следовало познать. И ничего, что многие писатели жили сто, а то и тысяча лет назад. Я все равно был первооткрывателем. Я очень благодарен своим родителям и братьям, что они создали мне все условия для любви к учебе и чтению.

Во времена моего детства людям приходилось подолгу стоять в огромных очередях за продуктами. Услышав, что привезли хлеб, мать отправляла меня в магазин, но пока я успевал дойти, хлеб раскупали. На мою радость, рядом находился книжный магазин, в котором я покупал книги на деньги, данные на покупку хлеба. Даже когда я несколько раз в день отправлялся за хлебом, а возвращался с книгами, мама никогда не ругала меня за это. Я настолько полюбил чтение, что не воспринимал жизни без книг. И, видимо, поэтому учиться мне было очень легко. Я все схватывал на лету.

Будучи студентом и позже, вместо того, чтобы тратить деньги на личные нужды, я всегда покупал книги. На сегодняшний день у меня, наверное, самая большая в республике личная библиотека, более пяти тысяч экземпляров. К сожалению, сегодня отношение к книгам резко изменилось. В советский период значение книги было намного больше, а любовь к литературе прививалась со школьной скамьи.

– Расскажите о первой прочитанной вами книге.

– Как сейчас помню, в центре села располагалось ветхое здание детской библиотеки. Первая самостоятельно прочитанная мною книга была сказка «Лиса и волк». В этой сказке рассказывалось о том, как лиса обманула волка, и он изрядно пострадал из-за этого. Волк обещал отомстить лисе, но хитрая лиса притворилась пострадавшей, волк пожалел ее и посадил на спину. А лиса припевает: «Битый небитого везет». Так часто и в жизни происходит. Эту книгу я прочел в тот же день и отнес ее обратно, чтобы взять другую, но библиотека выдавала только по одной книге в день.

– Что вас вдохновляет на творчество?

– Когда читаешь произведения выдающихся писателей, узнаешь, что авторы не боялись писать правду. Они всегда были борцами за права людей. Бросая вызов вла-

сти и обществу, они продолжали писать вопреки угрозам, которые получали в свой адрес. Произведения лучших писателей во все времена вдохновляли людей, помогая им выстоять против зла. Часто в жертву приносились не только творения писателей, но и их жизнь.

Вероятно, писателем я стал из-за обостренного чувства справедливости и социального неравенства. Необходимость самовыражения была сильна во мне с юношеских лет.

– Расскажите о редакции возглавляемой Вами газеты «Машар».

– Газета учреждена в 2004 году. Редакция находится в доме, который мне достался по наследству от отца. Здесь есть своим плюсы и минусы. Плюс в том, что ты 24 часа в сутки на работе. Минус – это то, что люди, зная, что ты всегда дома, приходят по своим делам в любое удобное для них время, несмотря на поздний час или выходной день, которого у меня, кстати, нет. Сидячий образ жизни, работа за компьютером, отсутствие полноценного отдыха сказываются на здоровье.

Несмотря на инфляцию, финансирование газеты много лет стоит на месте. Заложенная в смете (и в штатном расписании) зарплата сотрудника газеты составляет меньше половины прожиточного минимума на 1 квартал текущего года. И мы выходим из ситуации только за счет надбавок из сэкономленных средств. Каждый работник выполняет обязанности нескольких человек.

Это колоссальная нагрузка!

Парадокс! Но нас не считают бюджетниками. Работники образования, культуры, здравоохранения... Все, кто получает зарплату из казны, считаются бюджетниками и им регулярно повышают зарплату. На мой вопрос, почему СМИ не входит в этот список, отвечают, что мы не бюджетники.

– А кто мы?

– Дотационники.

Я, конечно, не финансист, не экономист, но, в моем понимании, дотация – это те же деньги из госбюджета. Другое дело, если бы мы были на хозрасчете. Там другие правила, другие формы отчетов. Или бы мы зарабатывали на рекламе. Нет ни заводов, ни фабрик, ни других предприятий, способных платить. Да и общество наше, к сожалению, не относится к читающему. Подписка позволила бы быть независимым изданием. О какой независимости СМИ сегодня может идти речь, когда руководитель назначается на должность и снимается с должности учредителем?

– Внедрение чеченского языка в систему образования в республике имеет свои сложности. Как обстоят с этим дела на сегодняшний день?

– Такие проблемы все еще присутствуют. Ученых в сфере чеченского языка очень мало и большинство из них консерваторы, не приемлющие никаких новшеств. Не надо останавливаться на достигнутом. В большей части сегодняшняя наука о чеченском языке – это скалькированные правила из русского языка. Язык живет и развивается, а не стоит на месте. Поэтому давно назрела необходимость пересмотра правил правописания, учитывая реалии сегодняшнего дня. Каждое слово в алфавитном порядке нужно пересмотреть и принимать заключение по правильности его произношения и правописания. В общем, мы должны не только сохранить, но и развивать язык. Это объемная работа, но ее необходимо провести.

– Каково сегодня состояние дел в чеченской литературе?

– В последние годы внимание к чеченскому языку и литературе немного возросло. Но международная организация «ЮНЕСКО» внесла чеченский язык в реестр исчезающих. Это настораживающий сигнал, который предупреждает нас о том, что нужно предпринять меры для сохранения этноязыковой самобытности.

Поднимать эту тему нужно не только в День чеченского языка, но и в другие дни. Ведь в году у нас 365-366 дней. Недостаточно одних бесед о важности сохранения родного языка. Необходимы конкретные меры. Нужно увеличить часы преподавания в общеобразовательных учреждениях, вузах, ссузах, детских садах, выпускать на родном языке больше художественной и научной литературы, переводить на чеченский язык зарубежную классику и фильмы. А когда эти проблемы не решаются, ссылаясь на отсутствие учебников и пособий, когда написанная тобой книга не издается годами, а изданная с огромным трудом не приносит никакого дохода, а общество видит ценности только в материальной наживе, то это общество не в состоянии сохранить свою культурную и духовную идентичность.

Мне тяжело это говорить, но, к сожалению, это так.

Некоторые думают: если жив народ, как может исчезнуть язык? Язык вымирает, если он не востребован в обществе, если на этом языке не развивается наука, если посредством этого языка нельзя получить специальность, если знание этого языка не дает возможности зарабатывать на жизнь, когда нарушается преемственность поколений, когда необходимость знания языка отходит на задний план...

Посади два саженца. Один – в тени большого дерева, второй – на солнце. Если даже будешь поливать их одинаково, который на солнце, вырастет в большое дерево, а находящийся в тени другого дерева, останется карликом или засохнет. То же происходит и с языком.

– Сайд-Хасан, что бы вы хотели пожелать нашим читателям?

– «Человек звучит гордо!», – сказал Максим Горький.

Мы часто в суете жизни забываем об этом.

Мне бы хотелось, чтобы каждый человек чувствовал себя хозяином на земле, а не изгоем. Чтобы у человека

была возможность учиться, работать, зарабатывать и полноценно отдыхать. Чтобы человек на честно заработанные деньги мог построить дом, купить машину, содержать семью. Чтобы человек реально обладал всеми правами и свободами, дарованными нам Аллахом и закрепленными в Конституции.

По статистике более 40% мирового богатства находится в России, а население, составляющее всего 2%, влачит жалкое существование. Когда человек имеет средний достаток, и государство считается с ним, проявляет заботу, то такой человек готов постоять за целостность этого государства. Но, когда все богатство страны находится в руках десятка или сотни человек, то нельзя винить обездоленных в том, что они не особо восторгаются высотками и фейерверками, не имея ничего за собственной душой.

Настоящий писатель посредством слова выражает дух и чаяния народа, определяет ориентиры будущего.

Мы должны сделать все возможное, чтобы сохранить язык и народ с его богатой культурой.

Мира и благополучия всем.

– Сайд-Хасан, спасибо за интересную беседу. Желаю вам успехов в дальнейшей работе.

2016

Содержание:

ВО ТЬМЕ

Рэй Брэдбери. *Рассказ. Перевод автора* ……..... 4
Во тьме. *Рассказ. Перевод автора* ……..… 10
Машар. *Рассказ. Перевод А. Гайтукаева, И. Николаенко* ……... 16
Свидетель. *Рассказ. Перевод автора* ……..…….. 30
Франц Кафка. *Эссе. Перевод автора* ……..... 45
Завещание. *Рассказ. Перевод автора* ……. 59
Учитель. *Рассказ. Перевод автора* ……..…….. 61
О гордом Закри. *Рассказ. Перевод автора* ……...……67
Автопортрет. *Рассказ. Перевод М. Ибрагимова* …….…….. 81
Школа писателя. *Рассказ. Перевод М. Ибрагимова* ..…… 106
Письмо. *Рассказ. Перевод автора* ……..…… 130
Самоволка. *Рассказ. Перевод автора* …….. 150
О поэтах и писателях. *Миниатюры. Перевод М. Ибрагимова*... 178
Труд 178
Родина поэта 178
Идеология 178
Свободные писатели 179
Творчество 179
Уважение 179
Прошлое 179
Родник 180
Вера 181
Писатель и спортсмен 181
«Я» 182
Разбойник и писатель 182
Зачем писать? 183
Командировка 183
Маяковский 184
Торга 186
Что нужно для того, чтобы быть писателем? 188
Мир поэта 189

Встречи 189
Нежелание читать книги 189
Место писателя 190
Соответствие своему месту 190
Поэты 190
Талант 191
О животных 191
Проклятие 191
Не умеющий жить 191
Смерть Бальзака 192
Американские ракеты 192
Потребность писателя 194
Непонимание близких людей болью отзывается в сердце ... 194
Французы 195
Богатство поэта 195
Семья 195
Голубь 196
Здоровье 196
Влияние власти 198
Возможность 201
Почему я пишу? 201
Чеченский писатель 202
Классика и чай 202
Совет 203
Канташ 203
Рай 205
Тысяча преград 206
Тонио Крегер 207
Вниманию исследователя 208
Сила книги 208
Двуличие 210
Второе «я» 211
О матери. *Рассказ* 212
Проблема нравственности
в художественном сознании вайнахов. *Статья* 217
Писатель и война. *Эссе. Перевод А. Гайтукаева, Л. Жумалаевой*... 234

ИНТЕРНЕТ-РАССКАЗЫ

Нурдин Музаев 263
Ямлихан Хасбулатов 263
Благодеяние 264
Два товарища 265
Закат империи 266
Курьез 266
Шакалы и Лев 268
Ночные гости 270
О зависти и зависимости 270
Волк 274
Верблюд 275
Каша 275
На заправке 275
«Не жди благодарности» 276
Кто бы ни был президентом империи 279
О ненависти 281
Проза.ру 281
Новый год 283
У родника Кунта-Хаджи 283
Статья бюджета 284
Родом из детства 284
Он лечит не только сердца, но и души людей 288
Вот и прошел этот день рождения 291

МИНИАТЮРЫ И АФОРИЗМЫ

Перевод автора

Эти холодные февральские дни 293
Мулла 295
Адам и Ева 295
Женщина 295
Больной 295

Имя человека…….. 295
Секретарь обкома ……..…... 295
Реклама ……. 296
Вывод ……..…… 296
Парадоксы ……..…… 296
Логика ……..…… 296
Честь ……..…….. 296
Метро …….. 296
Как подснежники ……..…… 297
Осень ……..…… 297
О смысле жизни …… 297
Соперничество ……..…. 297
Прототип ..…….…. 297
О крикунах ……..…… 298
Вопросы 298
Ушла ……..…… 298
Ночью ……..…… 298
Летняя ночь …… 299
Военный корреспондент ……..…. 299
Памятники …… 299
Людоедство ……..…. 299
Чистота ……..…. 300
На телеге …… 302
Самашки …… 302
Суверенитет …….. 304
Суждение ……..…… 304
Словарь …….. 304
Наблюдения ……..…….. 306
О свекрови …… 310
О Тургеневе ……..……. 310
Об отвернувшихся ……..... 311
О независимости …….. 311
О финале …… 311
О душе ……..…. 311
О заговорщиках и доносчиках ……..…... 312

О мужчинах ……..…. 312
О хитрости и лести …… 312
О предисловиях ……...…. 312
О кошках …… 312
Единственный ……...…… 313
Вера ……..….. 313
Без веры …… 313
Тайна ……..... 313
Зима …… 313
Парадоксы ……...…….. 314
Ум 314
Молитва и воздержание ……....….. 314
Пожертвование …….. 314
Судный день ……..… 314
Живые и мертвые ……..…. 314

СТАТЬИ, ОТЗЫВЫ, ИНТЕРВЬЮ

А. Айдамиров. Письмо ……..... 315
В. Акаев. Война – агрессивная суть человечества …….…..... 317
С.-Э. Базуркаев. Да хранит его Аллах! ……..... 325
Л. Ибрагимов. Творческая индивидуальность С.-Х. Кацаева 327
М. Ибрагимов. Размышления о творчестве С.-Х. Кацаева …… 330
Д. Сулумова. Мастерство дается свыше 338
М.-С. Ильясов. Сохранить и приумножить. *Интервью* 341

Литературно-художественное издание

Сайд-Хасан Кацаев

ВО ТЬМЕ

Рассказы и миниатюры

Редактор – *Муса Арсанукаев*
Корректор – *Халим Бурчаев*
Набор и верстка – *Юсуп Кацаев*

В оформлении обложки использована картина
Н. Лукашука «Непогода», 2004

Подписано в печать 15.11.2023. Формат 84х108 1/32.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Заказ № 1023

Отпечатано в АО «ИПК «Грозненский рабочий»,
г. Грозный, ул. Санкт-Петербургская, д. 12/35